СОЧИНЕНІЯ
А. С. ГРИБОѢДОВА

На долгую память
Дорогой подругѣ и
Незабвенному другу
Гнѣ.

Отъ классной подруги
С. Кодинъ.

Прощай.......

Вильно 22 декабря
1912 года.

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

I. Драматическія произведенія.
II. Мелкія статьи и произведенія.
III. Письма.

изданіе второе, значительно дополненное.

Съ портретомъ автора.

ПРОДАЕТСЯ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И ВЪ МОСКВѢ
и у издателя-книгопродавца Клавдія Кузьмича Шамова,
въ Москвѣ, на большой Грузинской ул., собств. домъ.
1891.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Б. Чернышевскій пер., д. Пустошкина, пр. Англ. ц.
1891.

Александръ Сергѣевичъ

ГРИБОѢДОВЪ.

Род. 4 янв. 1793 г. убитъ 30 янв. 1829 г.

Гравиров. Д. Рыжовъ.

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

Отдѣлъ I.

1) Молодые супруги, комедія въ одномъ дѣйствіи.

2) Пять сценъ изъ второго дѣйствія комедіи „Своя семья или замужняя невѣста“.

3) Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Аристъ.
Эльмира.
Сафиръ.

Гостиная въ Аристовомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аристъ, входитъ.

Сегодня завернулъ не кстати я домой:
Придется утро все бесѣдовать съ женой.
Какія странности! люблю ее, по чести,
Межъ тѣмъ пріятнѣе, когда мы съ ней не вмѣстѣ.
Однако впервые не мною найдено,
Что вскорѣ надоѣстъ одно и все одно.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аристъ и **Эльмира**, въ простомъ утреннемъ платьѣ.

Эльмира.

А, здравствуй, милый мой, здоровъ ли?

Аристъ.

По немногу.

А ты здорова-ли, мой другъ?

Эльмира.

Я, слава Богу.

---

*) По изданію 1815 г., напечатанному въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Императорскаго театра. Представлена въ первый разъ на С.-Петерб. театрѣ придворными актерами, въ пользу актрисы Семеновой меньшой, сентября 29 дня 1815 г.

Аристъ, въ сторону.

Веселый разговоръ. (*Вслухъ.*) Скажи, ужли опять
Ты не намѣрена сегодня выѣзжать?
Какъ взаперти пробыть весь день—не понимаю.

Эльмира.

Свой домъ всѣмъ прочимъ я домамъ предпочитаю.

Аристъ.

Но прежде отчего ѣзжала всюду ты?
И нынѣ способы къ тому не отняты.

Эльмира.

Веселость свѣтская меня къ себѣ манила,
Когда я дней моихъ тебѣ не посвятила;
Большой-же нынѣ свѣтъ мнѣ сталъ казаться малъ.

Аристъ.

Но отчего-же я отъ свѣта не отсталъ,
А дорожу тобой все болѣе и болѣ?

Эльмира.

Пожалуй, выѣзжать я буду по неволѣ.

Аристъ.

Притомъ и не видать въ тебѣ талантовъ тѣхъ,
Которыми сперва обворожала всѣхъ.
Повѣрь, со стороны объ этомъ думать можно,
Что свѣтскихъ дѣвушекъ образованье ложно,
Невинный вымыселъ, уловка матерей,
Чтобы избавиться отъ зрѣлыхъ дочерей;
Безъ мыслей матушка проронитъ два, три слова,
Что дочка будто ей даритъ рисунокъ новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотрѣть.
Выносятъ наконецъ ландшафтъ или портретъ,
Съ восторгомъ всѣ кричатъ: возможно-ль, какъ вы скромны!—
А, чай, работали художники наемны.
Потомъ красавица захочетъ слухъ прельщать,—
За фортепьяно: тутъ не смѣютъ и дышать,
Дивятся, ахаютъ рукѣ столь бѣглой, гибкой,
Межъ тѣмъ учитель ей подлаживаетъ скрипкой;
Потомъ влюбленнаго какъ въ сѣти завлекли,

Въ загонѣ живопись, а инструментъ въ пыли.
Все это сказано межь нами не для ссоры.

Эльмира.

Заслуживаю-ль я подобные укоры?
Я думала, къ пѣнью прошла моя пора;
Въ угодность-же тебѣ я буду пѣть съ утра,
На балѣ проведу всю ночь.

Аристъ.

Забудемъ это.
Помыслимъ о другомъ.—Уже подходитъ лѣто,
Какія мѣры брать располагаешь ты?

Эльмира.

Какія могутъ быть тобою приняты.

Аристъ.

Оставимъ городской шумъ вѣчный, пыль и сплетни,
На дачѣ проведемъ мы ясные дни лѣтни.

Эльмира.

Пожалуй.

Аристъ.

Но боюсь, нескроменъ сей пріютъ:
Непрошеные насъ близь города найдутъ;
Притомъ сосѣдство тамъ ужасно какъ наскучитъ.

Эльмира.

Куда-жъ поѣдемъ мы?

Аристъ.

Меня страхъ это мучитъ.
Въ скитаньяхъ провести намъ лѣто какъ-нибудь.

Эльмира.

На все согласна я.

Аристъ.

Куда-жъ направимъ путь,—
Въ Крымъ иль на Кавказъ?

Эльмира.

Куда тебѣ угодно.

Аристъ.

Куда угодно мнѣ—вотъ это безподобно!
Я мнѣніе твое желаю знать давно,
Чего-бъ хотѣла ты?

Эльмира.

Мнѣ, право, все равно.

Аристъ.

Такъ видно далѣе не ѣхать намъ заставы.

Эльмира.

Вездѣ, гдѣ вмѣстѣ мы, мнѣ радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Все то, что мысленно ты можешь пожелать.

Аристъ.

И я признателенъ.

Эльмира.

Нѣтъ! Я такъ замѣчала,
Что скучно все тебѣ.

Аристъ.

Мнѣ скучно?

Эльмира.

Да.

Аристъ.

Ни мало.

Эльмира.

По крайней мѣрѣ мнѣ казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не въ духѣ...

Аристъ.

Никогда.

Эльмира.

О, если-бъ ложныя мнѣ видѣлись примѣты!

Аристъ.

Я радъ съ тобою быть;.. однако гдѣ газеты?
(Въ сторону.)
Надъ ними все-таки пристойнѣе зѣвать.

Эльмира.

Онъ занятъ чтеніемъ,—мнѣ тоже книгу взять.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Прежніе и Сафиръ.

Сафиръ.

За чтеньемъ мужъ съ женой,—видъ важный и степенный!
Примѣрная чета! божусь, неоцѣненно.

Аристъ.

Ахъ! какъ ты милъ, Сафиръ, что вспомнилъ обо мнѣ:
Мы утро цѣлое съ женой наединѣ.

Сафиръ.

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, съ супругой молодою.

Эльмира.

Мой мужъ вѣдомостьми былъ занятъ, а не мной.

Аристъ.

Что рано съ балу такъ уѣхалъ ты домой?
Досадно, по тебѣ мы поздно спохватились.

Сафиръ.

Я крѣпко задремалъ.

Аристъ.

А мы такъ все рѣзвились.
Въ Аглаю, знаешь, какъ Сердаликовъ влюбленъ?
Я настоялъ на томъ, чтобы взбѣсился онъ:
Съ Аглаей все шепталъ и танцовалъ нарочно,
А онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, ворчалъ. Ну точно
Не разъ обманутый ревнивый на часахъ.

Сафиръ.

Съ Аглаей всякому легко быть въ дуракахъ.

Аристъ.

Вездѣ, гдѣ только балъ, она необходима.

Эльмира, въ сторону.

А я здѣсь лишняя.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аристъ и **Сафиръ.**

Сафиръ.

Теперь объ этомъ мимо;
Въ присутствіи жены поосторожнѣй будь.
Ба! да она ушла.

Аристъ.

Богъ съ ней, счастливый путь.

Сафиръ.

Не совѣстно-ль тебѣ съ женою, столько нѣжной,
Вести себя, какъ ты, такъ сухо, такъ небрежно?

Аристъ.

Да, очень совѣстно; пожалуй, побрани.

Сафиръ.

Въ уединеніи она проводитъ дни,
До утра твоего ждетъ съ бала возвращенья.

Аристъ.

А мнѣ что за нужда? Какія утѣшенья!
Что съ ней я, что одинъ, не все-ли мнѣ равно?
Хожу по комнатѣ, глазѣю съ часъ въ окно;
Скажу ей что-нибудь,—она мнѣ потакаетъ,
И рѣчь въ устахъ моихъ, не кончась, замираетъ.
У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты,
Не розаны, мой другъ, а маковы цвѣты.

Сафиръ.

И тягостно тебѣ согласіе домашне?

Аристъ.

Да, сударь, тягостно согласіе всегдашне.
Зачѣмъ она молчитъ и убѣгаетъ свѣтъ?
Причиной спѣсь, иль лѣнь; ума въ ней что-ли нѣтъ?
О, пропасть въ ней ума; но кто про это знаетъ?
И дарованій тьма,—она ихъ всѣ скрываетъ;
Прекрасная собой,—одѣта не къ лицу!..
Я впрямь былъ внѣ себя, когда мы шли къ вѣнцу,
Какъ въ первый разъ меня Эльмира обнимала!..

Нѣмыя ласки тѣ божественны съ начала,
А въ продолженіи весьма надоѣдятъ.

Сафиръ.

Иной подумаетъ, что ты давно женатъ.

Аристъ.

По справедливости, три мѣсяца—три вѣка!..
Съ Эльмирой можно близъ тѣнистаго просѣка,
Подъ свѣсомъ липовымъ, на бархатномъ лужку
Любиться, нѣжиться, какъ надо пастушку,
И таять весь свой вѣкъ въ безмолвьи неразлучно.
Все это весело въ стихахъ, а въ прочемъ скучно.

Сафиръ.

Ты правъ: на что она скромна, тиха, мила?
Нѣтъ, лучше, чтобъ она кокеткою была.

Аристъ.

Кокетка, знаешь-ли, ужасно только слово.

Сафиръ.

Кромѣ значенія, нѣтъ ничего худаго.

Аристъ.

Пусть ищетъ нравиться моя Эльмира всѣмъ,
Но любитъ лишь меня, и я доволенъ тѣмъ.

Сафиръ.

Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй;
Потомъ, какъ врозь она привыкнетъ быть съ тобой,
Немудрено, что ей понравится другой.
Потомъ,—какъ раза два она тебя обманетъ,
Глядь, въ очередь свою виновный охать станетъ.

Аристъ.

Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ:
Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ
Беретъ любовника:—единобразье скушно,
И мужъ на то глядѣть обязанъ равнодушно.
Все это сбыточно, все это быть должно
Со мною, какъ съ другимъ,—такъ разъ заведено.

Однако до тѣхъ поръ хотѣлъ-бы я въ Эльмирѣ
Всѣ видѣть способы искусства, средства въ мірѣ,
Рядиться, нравиться, пріятной, ловкой быть,
А болѣе еще, чтобъ таковой прослыть,
Чтобъ рой любовниковъ при ней былъ ежечасно,
Но ею презрѣнный, рой жалкій и несчастной!
А я-бы думать могъ, на этотъ рой смотря: *)
Старайтесь кругъ ея, а наслаждаюсь я!

Сафиръ.

Ребячество, мой другъ, ребячество большое;
И спрашивать на что сужденіе пустое?
Скажи, что молодъ ты супругомъ путнымъ быть,
Не въ силахъ качества жены своей цѣнить.

Аристъ.

Любовь моя къ женѣ родъ страсти, обожанье!..
Постой, да нынѣ мнѣ назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафиръ.

Съ Аглаей?

Аристъ.

Точно такъ.

Сафиръ.

Ну, можно-ль предпочесть ее женѣ?

Аристъ.

Никакъ.
Я знаю, что женѣ супруги должность свята,
А у вертушки той я можетъ быть десятый;
Но съ нею въ забытьи я время провожу,
Съ женою-жь разговоръ едва-ли нахожу;
И наконецъ тебѣ довѣрить можно смѣло,
Что нынѣ, какъ въ судѣ мое рѣшаютъ дѣло,
И, можетъ, приберутъ имѣніе къ рукамъ,
Я вмѣсто, чтобы скакать по стряпчимъ, по судамъ,
Платить и кланяться, къ прелестницѣ поѣду,
А ты покуда здѣсь останься, проповѣдуй!

(Уходитъ).

---

*) По изд. Серчевскаго: на этотъ баль смотря.

Сафиръ.

Поди, сударь, къ женѣ.—Вотъ сущій вѣтрогонъ!
Чему-жь дивиться намъ, что мало вѣрныхъ женъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сафиръ и **Эльмира**, одѣтая съ бо̀льшимъ вкусомъ, чѣмъ прежде.

Эльмира.

Мнѣ споры ваши всѣ изъ спальней были слышны.
Къ увѣщаванію слова, труды излишни,
И горести мои извѣстны вамъ однимъ.
Я опасалась въ нихъ довѣриться роднымъ,
Чтобъ не доставить тѣмъ худой Аристу славы.

Сафиръ.

Онъ виноватъ кругомъ, но вовсе-ли вы правы?

Эльмира.

Ужь вы все знаете, судите вы меня.
Съ тѣхъ поръ, какъ я за нимъ, доселѣ, не смотря
На частыя его отсутствія, холодность,
Я дѣлаю-ли что Аристу въ неугодность?
Противорѣчу-ли, мѣшаю-ль въ чемъ нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ахъ, нѣтъ, отнюдь;
Я одобряю все, что нужнымъ онъ находитъ,
Не спрашиваю, гдѣ онъ дни свои проводитъ;
Что-бъ ни задумалъ онъ, я передъ нимъ молчу
И воли собственной имѣть я не хочу.
Вотъ всѣ вины мои.

Сафиръ.

И что̀-же? очень худо.
Гдѣ нѣтъ взаимности, рождается остуда;
Ее*)-же претворитъ одинъ мертвящій взоръ
Любовь въ раскаянье, согласіе въ раздоръ
И цѣпь цвѣточную въ желѣзныя оковы;
Примѣры этому и многи и не новы.

Эльмира.

Итакъ, не должно мнѣ покорной мужу быть?

---

*. Не *ея*-ли?

Сафиръ.

Нѣтъ, дайте мнѣ сполна вамъ это объяснить.
Тотъ мужъ, мы, напримѣръ, какимъ Ариста знаемъ,
Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
Что ясныхъ дней его ничто не помрачитъ,
Въ безпечности благой живетъ, какъ сибаритъ,
Вседневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ:
Взаимность райская утихнетъ и задремлетъ;
Ему ничто не впрокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
Нѣтъ! постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
Вы легкомысленнѣй и больше прихотливы;
Увидите, какой онъ будетъ боязливый.
Едва опомнится, что можетъ потерять
Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать,
Съ супругой ангеломъ въ любви минутахъ тайныхъ,
Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ
И, образумясь, вамъ покоренъ будетъ вновь.

Эльмира.

Не послушаніе мнѣ нужно, а любовь.

Сафиръ.

Но возвратить ее нѣтъ способа другова

Эльмира.

Хоть нынѣ умереть я за него готова.

Сафиръ.

Не надо умирать; приличнѣй средство есть,
Чтобъ чувства прежнія Ариста вамъ обрѣсть.

Эльмира.

И способъ случай мнѣ давно къ тому доставилъ:
Мой мужъ въ разсѣяньи дѣла свои оставилъ,
Но я за нихъ взялась, радѣла какъ могла,
У должностныхъ людей по цѣлымъ днямъ была:
На малу опытность мою съ прискорбьемъ глядя,
Мнѣ руку помощи въ томъ подавалъ мой дядя.
У мужа тяжба есть по дѣлу одному
И производится невѣдомо ему.
Хотя на сторонѣ его и справедливость,
Въ неправоту ему вмѣнили-бъ нерадивость.

Я не щадила просьбъ, подарковъ и хлопотъ.
Сегодня жданный день рѣшенья настаетъ.
Я ѣду, чтобъ узнать, успѣшно-ль окончанье;
Увидитъ пусть Аристъ мое объ немъ старанье.

Сафиръ.

Возможно-ль, чтобъ онъ былъ неблагодаренъ вамъ?
Вы болѣе объ немъ печетесь, чѣмъ онъ самъ,
Но, ахъ!..

Эльмира.

Докончите, я вамъ охотно вѣрю.

Сафиръ.

Вы возвратите-ль симъ любви его потерю?
Конечно, скажетъ онъ, и скажетъ цѣлый свѣтъ:
Что дивныхъ качествъ вы, что вамъ подобной нѣтъ,
Что дѣлаете честь вы рѣдкихъ женъ сословью.
Почтенье не всегда сопряжено съ любовью.

Эльмира.

Или намѣрены меня вы убѣдить,
Что нѣтъ возможности мнѣ мужу угодить,
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Такъ! должно вѣрить мнѣ сему, хоть непріятно.
Онъ вовсе дѣйствуетъ тѣмъ чувствамъ вопреки,
Являлъ которыя, искавъ моей руки.
Въ тѣ дни, что для меня такъ памятны, такъ сладки,
Онъ все любилъ во мнѣ—и даже недостатки.

Сафиръ.

О, въ этомъ нечего меня вамъ увѣрять!
Какъ васъ не полюбить? вамъ суждено плѣнять.
Но узниковъ своихъ чтобъ пріучить къ неволѣ,
На то потребно средствъ еще гораздо болѣ;
Они, сударыня, для васъ не мудрены;
Зачѣмъ отбросили свои таланты вы?
Искусствомъ нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой, хотя и безъ наряда,
Но что вы, какъ теперь, одѣты не всегда?
Зачѣмъ не ѣздите въ собранья иногда,
Которыхъ можете быть первымъ украшеньемъ?
Тамъ, возбужденныя правдивымъ восхищеньемъ,

Хвалы, съ которыми къ вамъ всякій поспѣшитъ,
Ручаюсь. что Аристъ ихъ дорого цѣнитъ.

Эльмира.

Ужели кисея, надѣтая удачно,
Ему замѣнитъ взоръ мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренній восторгъ, похвальной бредъ,
Который такъ легко всѣмъ удѣляетъ свѣтъ,
Захочетъ онъ сравнять съ горячкостію тою,
Съ которой можетъ онъ быть мной любимъ одною?

Сафиръ.

О, нѣтъ! конечно, нѣтъ: но, видя каждый разъ
Вездѣ угодниковъ, вздыхателей кругъ васъ,
Самъ будетъ угождать, къ свому привыкнетъ дому,
Чтобъ сердца вашего не уступить другому.

Эльмира.

Довольно; вѣрьте мнѣ, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась отъ людей,
Не для того, чтобъ быть мнѣ отъ другихъ отличной.—
Любить веселье мнѣ подобно всѣмъ прилично,—
Утѣхи, счастіе, всѣхъ радостей соборъ
Въ Аристѣ мнѣ одномъ мечтались до сихъ поръ.
Онъ насмѣхается надъ чувствами моими;
Съ теперешней поры и я прощаюсь съ ними:
Родъ жизни я моей перемѣняю весь,
И съѣздовъ ежели у насъ не будетъ здѣсь,
То цѣлый день и ночь искать ихъ буду въ чужѣ.

Сафиръ.

Вотъ удивите вы весь свѣтъ!

Эльмира.

Такъ удивлю-же.

Сафиръ.

И симъ поддержите честь пола своего;
Я знаю, женщинамъ нѣтъ легче ничего,
Какъ премѣнять свой видъ, и даже свойства, мнѣнья...
Но кстати вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что нибудь и спойте въ добрый часъ;
Пусть Музы, Аполлонъ и, словомъ, весь Парнасъ

Благопріятствуютъ успѣшному началу.

Эльмира.

Давно не пѣла я.

Сафиръ.

Попробуйте.

Эльмира.

Пожалуй.

(Садится за фортепьяно и поетъ).

1.

Боги! Лида, унывая,
Въ грусти вопіетъ своей:
Ахъ! красавица какая
Въ мирной есть долинѣ сей,
Что́, отъ жалкой Лиды кроясь,
Разлучаетъ съ милымъ насъ!
Иль она Веперинъ поясъ
Получила въ даръ отъ васъ?

Пристойнѣе-бы мнѣ совсѣмъ не начинать.

Сафиръ.

И таковой талантъ вы можете скрывать?
Какъ дурно скромничать не къ мѣсту.—
Продолжайте.

Эльмира.

Смотрите-жь, за глаза меня не осуждайте.

2.

Вдругъ какъ вѣтерокъ привѣя,
Лель ей на ушко шепнулъ:
Ты пастушекъ всѣхъ милѣе!
Но Филонъ едва вздохнулъ,
Отъ тебя все получаетъ;
Для того не ищетъ вновь:
Гдѣ желанье умолкаетъ,
Умолкаетъ и любовь.

*

Что ежели Аристъ пришелъ-бы сей порой?

Сафиръ.

Не знаю, что-бы онъ, а я ужъ самъ не свой!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Эльмира, Сафиръ и **Аристъ** входитъ и останавливается въ дверяхъ

3.

И, подшедъ Филонъ къ прекрасной,
Ей не встрѣченъ въ первый разъ;
Проситъ поцѣлуй напрасно:
За отказомъ вслѣдъ отказъ;
Въ просьбахъ и сопротивленьи
Длится нѣги сладкій часъ,
И любовникъ въ упоеньи
Счастливъ—будто въ первый разъ.

*

Ей Богу ваше мнѣ сужденіе опасно.

Аристъ.

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира.

Я не замѣтила тебя, давно-ль ты здѣсь?

Аристъ.

Что-жь дѣлать! гдѣ талантъ, бываетъ также спѣсь.
Но чьимъ обязанъ я всесильнымъ убѣжденьямъ?
Кто приманилъ тебя къ забытымъ упражненьямъ?
Ты думала-ль меня пріятно удивить?

Эльмира.

О, благодарностью ты можешь не спѣшить:
Вотъ упросилъ меня.

Аристъ.

Сафиръ?

Эльмира.

Да, онъ.

Аристъ.

Измѣна!
Я сколько приставалъ и падалъ на колѣна,
И все не могъ тебя на это преклонить.

Эльмира.

Какъ будто-бы мужья умѣютъ попросить;
Ихъ просьба на приказъ ужасно какъ походитъ,
А повелѣніе до сердца не доходитъ.

Сафиръ.

Аристъ! тебѣ урокъ.

Аристъ.

Старательный уборъ.
А принужденія не замѣчаетъ взоръ:
Платочекъ на груди какъ вѣтерокъ навѣянъ.

Эльмира.

Я ѣхать собралась.

Аристъ.

Ты ѣдешь?

Эльмира.

Въ магазейнъ.

Аристъ.

И въ магазейнъ?

Эльмира.

Да.

Аристъ.

Не вѣрю я ушамъ.

Эльмира.

Тьму разныхъ мелочей я заказала тамъ,
И надо кое-что для нынѣшняго балу.

Аристъ.

Для балу?

Эльмира.

Точно такъ.

Аристъ.

Но объяснись, пожалуй:
Пустынническій духъ ужели впрямь исчезъ?
Тебя-ли слушаю? Давно-ли до небесъ
Уединеніе ты мнѣ превозносила?

Эльмира.

И это помнишь ты? Я, право, позабыла.

Аристъ.

Забыла правила любимы через часъ?
И вотъ, о, женщины! не обижая васъ,
Вотъ та, которая изъ самыхъ постоянныхъ!

Эльмира.

Ты первый недругъ былъ всѣхъ этихъ правилъ
странныхъ:
Сафиръ противу ихъ меня охолодилъ.

Аристъ.

И все-таки Сафиръ.

Эльмира.

Тебѣ онъ угодилъ:
Онъ сдѣлалъ, что твои уважила я мнѣнья;
Ты вѣрно очень радъ?

Аристъ, сухо.

Я нѣмъ отъ восхищенья.
Да какъ послушалась Сафировыхъ ты словъ
Такъ скоро,—невзначай?

Эльмира.

И безъ большихъ трудовъ
Мнѣ перестали быть тѣ общества противны,
Гдѣ предвѣщаетъ онъ веселья непрерывны:
Гдѣ можно нравиться легко въ моихъ лѣтахъ.
Нѣтъ! больше не сижу я въ четырехъ стѣнахъ.
Пускай къ разсѣянью кто нову страсть осудитъ,
Сафиръ ее внушилъ и отвѣчать онъ будетъ.

Сафиръ.

За что такая честь! Я, право, ужь боюсь,
Что краснорѣчіемъ невольно возгоржусь.

Эльмира.

Не даромъ—въ полчаса вы совершить умѣли
То, въ чемъ-бы во сто лѣтъ другіе не успѣли.

Аристъ.

Завиденъ тотъ, кому даръ слова данъ такой.
Такъ вмѣстѣ на вечеръ поѣдемъ мы съ тобой.

Эльмира.

И, нѣтъ! Тамъ многіе, въ сужденьи торопливы,
Безвинно посвятятъ тебя въ мужья ревнивы
Или найдутъ, что мы какъ пара голубковъ:
Я-жъ отъ двусмысленныхъ шептаній, полусловъ
Старалась по сихъ поръ быть сколько можно далѣ.

Аристъ.

Какъ! если вмѣстѣ мы покажемся на балѣ,
Двусмысленно о томъ свѣтъ будетъ говорить?
Мнѣ все двусмысленнымъ ужъ начинаетъ быть.

Эльмира.

Сафиръ! еще совѣтъ: какого лучше цвѣту
Купить-бы шляпку мнѣ?

Сафиръ.

Малиноваго.

Аристъ.

Нѣту.

По мнѣ небеснаго.

Эльмира.

Нѣтъ, нѣтъ!

Аристъ.

А почему?

Эльмира.

Не вѣрю иногда я вкусу твоему.

Аристъ.

Подписанъ приговоръ! Мой вкусъ уже порочен̆ъ!

Эльмира.

Пороченъ,—не скажу, а перемѣнчивъ очень.
Но съ вами не хотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафиръ! желайте мнѣ успѣха.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аристъ и Сафиръ.

Аристъ.

Что за диво!

Сафиръ.

Каковъ съ Аглаей ты?—Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскалъ?

Аристъ, не внимая ему.

При всемъ томъ какъ мила!

Сафиръ.

Надѣюсь, для тебя всего милѣе свѣта.
Увы! на долго-ли?

Аристъ.

Какъ хорошо одѣта!

Сафиръ.

О, этимъ славится не безъ причинъ она;
Что болѣе въ ней есть?

Аристъ.

Жива, ловка, умна!

Сафиръ.

Пріятно сладостныхъ часовъ воспоминанье!
А гдѣ произошло съ любезною свиданье?
Что сдѣлалось съ тобой? какъ ты задумчивъ.

Аристъ.

Да,
Я таковой ее не видѣлъ никогда!

Сафиръ.

Вскружила голову тебѣ совсѣмъ Аглая,
Скажи по совѣсти?

Аристъ.

Охъ, братецъ, нѣтъ, другая.

Сафиръ.

Другая уже? Я какъ вкопанный стою!

Аристъ.

Да, я влюбился вновь.

Сафиръ.

Въ кого?

Аристъ.

Въ жену мою.

Сафиръ.

Вотъ новости еще!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Прежніе и Эльмира.

Эльмира.

Какъ будто это надо,
Чтобъ именно со мной тутъ встрѣтилась досада.

Аристъ.

А что случилось?

Эльмира.

Что? вы-бъ это не снесли.

Аристъ.

Быть можетъ; но скажи...

Эльмира.

Вы-бъ съ ума сошли.

Аристъ.

Я вѣрю, но скажи, въ чемъ происходитъ дѣло?

Эльмира.

Ужели о пустомъ я такъ-бы зашумѣла?

Аристъ.

Печальное пришло извѣстье?

Эльмира.

Охъ, не то!
Мнѣ плакать хочется.

Аристъ.

Не умеръ-ли ужь кто?

Эльмира.

Не можетъ развѣ быть несчастія инова?

Аристъ.

Да что-же сдѣлалось?

Эльмира.

Карета не готова.

Аристъ.

Загадки этой я не разрѣшилъ-бы въ вѣкъ

Эльмира.

Васъ это веселитъ? счастливый человѣкъ
Въ забаву для себя все обратить умѣетъ!
Но если новое мнѣ платье не поспѣетъ,
То я не знаю, въ чемъ ужо на балѣ быть.

Аристъ.

Ужо? Такъ перестань, мой другъ, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабывъ наряды,
На красоту твою всѣ обратятся взгляды.

Эльмира.

Удачно мадригалъ вы, сударь, мнѣ сплели;
Аглаѣ лучше-бы его поберегли.

Аристъ.

Какъ! что это?

Эльмира.

Сафиръ! пожалуй подойдите.

Сафиръ.

Чего изволите?

Эльмира.

Рукавчикъ завяжите.
Послушайте меня. (*Тихо ему*). Аристъ не долженъ знать,
Что по его дѣламъ я ѣду хлопотать.

Сафиръ.

Я умолчалъ о томъ.

Эльмира.

Я этого страшилась,
И только для того сюда къ вамъ воротилась.

Аристъ, въ сторону.

Они съ ней шепчутся.

Эльмира, громко.

Благодарю.

Сафиръ.

За что-жъ?

Аристъ.

У васъ таинственность; а я на что похожъ?

Эльмира.

И тайну чтобъ узнать, догадки надо много.

Аристъ.

Сафиръ! прошу сказать.

Эльмира.

Сафиръ! ахъ! ради Бога!

Сафиръ.

Не бойтесь, не скажу.

Аристъ.

Я угадаю самъ.

Эльмира.

Ломайте голову, я позволяю вамъ;
А вы не дѣлайте, Сафиръ, ему разсказы.
Пора ужъ отомстить мнѣ за его проказы.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Аристъ и Сафиръ.

Аристъ

Конечно, ежели сего лишь захотятъ.
И ангела съ пути прямаго совратятъ:
Не правда ли Сафиръ?

Сафиръ.

Мнѣ это непонятно.

Аристъ.

Не ждалъ отъ дружбы я услуги столь пріятной.

Сафиръ.

Пожалуй, объяснись.

Аристъ.

Иль славно поступилъ
Ты, что женѣ мою съ Аглаей связь открылъ?

Сафиръ.

Кто, я?

Аристъ.

Да, ты.

Сафиръ.

Аристъ!

Аристъ.

Сознайся, что некстати
Увѣдомлять жену о мужниномъ развратѣ?
Коль вѣтреность мою такъ можно называть.

Сафиръ.

Аристъ!

Аристъ.

Когда-же мнишь любовь ея снискать,
То лучше отложи всѣ ковы въ долгій ящикъ,
Такой-ли женщинѣ пріятенъ пересказчикъ?

Сафиръ.

Ужъ это черезъ чуръ!—Вотъ, на, рука моя,
Что ей не говорилъ о томъ ни слова я.

Аристъ.

Да кто-же ей сказалъ?

Сафиръ.

Кто?—мнѣ какое дѣло?
Но только что не я, могу увѣрить смѣло.

Аристъ.

Ужели у меня есть скрытые враги,
Привыкшіе мои извѣдывать шаги?..

Сафиръ.

Ты все колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о томъ сказалъ, даю честное слово.

Аристъ.

Довольно. Извини, прости меня, Сафиръ.

Сафиръ.

Какъ могъ подумать ты?

Аристъ.

Ну, миръ.

Сафиръ

Пожалуй, миръ.

Аристъ.

Я очень чувствую, что это быть не можетъ.
Не знаю, нынѣ что весь день меня тревожитъ?

Сафиръ.

А поводъ къ этому?

Аристъ.

Эльмира.—Посуди,
Блаженство обрѣталъ я на ея груди,
Смиренный, тихій нравъ, испытанный во многомъ,

Любви достаточнымъ казался мнѣ залогомъ.
Я такъ увѣрепъ былъ, безпеченъ, что, ей-ей,
Въ объятіяхъ ея не помышлялъ объ ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору,
Эльмира внѣ себя отъ шляпки, отъ убору,
Она сбирается на балъ, а я,—сказать стыжусь!—
И въ провожатые ужъ болѣ не гожусь.

Сафиръ.

Ну что-жъ? ей можетъ быть единообразье скушно,
И ты на то глядѣть обязанъ равнодушно.

Аристъ.

Я это говорилъ, я точно не былъ правъ:
Еще не зналъ тогда я ревности отравъ.

Сафиръ.

А нынѣ чувствуешь?

Аристъ.

Не точно ревность...

Сафиръ.

Что-же?

Аристъ.

А что-то на нее ужасно какъ похоже.

Сафиръ.

Мой другъ, не вовсе-ль ты разсудокъ потерялъ?
Когда жена твоя, чего ты самъ желалъ,
Къ приманкамъ свѣтскости не столько хладнокровна,
Уже ты внѣ себя, уже она виновна.

Аристъ.

Премѣнчивости тѣнь убійственна тому,
Кто ввѣрился, какъ я, блаженству своему.—
Постой, что́ давича она тебѣ шептала?

Сафиръ.

Вотъ видно на меня опять сомнѣнье пало.
Весь толкъ о шляпкѣ былъ; ты вѣрно слышалъ самъ?

Аристъ.

Неправда, выдумка, я вижу по глазамъ.
Скажи мнѣ истину сейчасъ—или ни слова.

Сафиръ.

По крайней мѣрѣ нѣтъ тутъ ничего такого,
Что непріятность-бы могло тебѣ подать.

Аристъ.

Къ чему-жь таинственность?

Сафиръ.

Я обѣщалъ молчать.

Аристъ.

Довольно.

Сафиръ.

Что съ тобой? въ лицѣ весь измѣнился.

Аристъ.

Тебѣ, знать, чудится.

Сафиръ.

Ну, право, разсердился.

Аристъ.

Я... ничего.

Сафиръ.

Постой, куда же ты пошелъ?

Аристъ.

Я такъ...

Сафиръ.

Куда, скажи?

Аристъ.

Здѣсь воздухъ мнѣ тяжелъ.
(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Сафиръ одинъ.

И это былъ Аристъ! онъ можетъ быть ревнивымъ!

Такъ! вертопрахамъ онъ примѣръ велерѣчивымъ:
Блаженства сущностью они не дорожатъ:
Его утративши, по немъ-же загрустятъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Сафиръ и **Эльмира.**

Сафиръ.

Вы скоро съѣздили.

Эльмира.

Не правда-ль; торопливо?
Не менѣе того мой выѣздъ пресчастливый:
И въ сей записочкѣ еще подтверждено,
Что въ пользу Ариста все дѣло рѣшено.
Прочтите,—съ симъ письмомъ слуга мнѣ повстрѣчался.
Успѣхомъ наконецъ мой поискъ увѣнчался.

Сафиръ.

Я поздравляю васъ.

Эльмира.

А что Аристъ?

Сафиръ.

Пропалъ.
Отчаянно брюзгливъ и недовѣрчивъ сталъ;
Любезныя черты ревнивца онъ являетъ.

Эльмира.

Что́ неожиданно его перемѣняетъ?

Сафиръ.

Что́ хочетъ женщина, то сбудется всегда.

Эльмира.

Какіе случаи бываютъ иногда:
Я радуюсь тому, о чемъ иная плачетъ:
Мой мужъ ревнивъ!

Сафиръ.

И какъ!

Эльмира.

Сафиръ! что это значитъ?

Сафиръ.

То значитъ. что ему досталось унывать.

Эльмира.

О, я берусь его достойно наказать:
Отъ дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафиръ.

Ахъ! какъ жестоко!

Эльмира.

Мпой чувства жалости совсѣмъ отдалены;
Съ ума его сведу.

Сафиръ.

По милости жены,
Не первый попадаетъ въ число онъ съумасшедшихъ.

Эльмира.

Нѣтъ! а раскается онъ въ шалостяхъ прошедшихъ,
Ручаюсь вамъ за то.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Прежніе и **Аристъ** въ дверяхъ.

Сафиръ.

Признаться, что Аристъ
Предъ вами совѣстью своей не очень чистъ
И наказанія примѣрнаго достоинъ.

Эльмира.

И накажу его, онъ можетъ быть покоенъ.

Сафиръ.

А чѣмъ? не этимъ-ли письмомъ?

Эльмира.

Чѣмъ Богъ послалъ.
Отдайте мнѣ его. чтобъ онъ не увидалъ.

Аристъ.

Итакъ, сбылись мои правдивыя сомнѣнья!
Скажи, безсовѣстный; еще въ недоумѣньи
Не знаю, какъ судить мнѣ по твоимъ словамъ:
Помощникъ что-ли ты, иль обольститель самъ?

Сафиръ.

Къ чему такая рѣчь?

Эльмира.

Замѣшаны мы оба.

Аристъ.

Ужь болѣ не къ лицу невинною особой
Прикидываться вамъ: сей день васъ обличилъ;
Довольно времени я легковѣренъ былъ.

Сафиръ.

Обдумайся, Аристъ.

Эльмира.

Онъ въ полномъ-ли разсудкѣ?

Аристъ.

О, бросьте наконецъ безвременныя шутки.
Скажи, сударь!... Иль нѣтъ, оставь покуда насъ;
Мы лучше свидимся съ тобою черезъ часъ,
Тогда произойдетъ короче объясненье.

Сафиръ.

Но что ввело тебя въ такое изступленье?
Скажи причину намъ.

Аристъ.

Оно у ней въ рукахъ.

Сафиръ и Эльмира.

Письмо!

Аристъ.

Неужели вы ощутили страхъ?

Сафиръ.

Дай мнѣ тебѣ сказать...

Аристъ.

Мнѣ слушать недосужно.

Сафиръ.

Одно...

Аристъ.

Не надобно.

Сафиръ.

Лишь слово дай...

Аристъ.

Не нужно.

Эльмира.

Вы видите, Сафиръ, онъ, кажется, въ бреду:
Подите, пусть его упрямится.

Сафиръ.

Иду.
Онъ, право, жалокъ мнѣ!

Аристъ.

Ужимки бросьте эти:
Еще-ль вамъ повторять, что намъ не нуженъ третій?
(Сафиръ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Аристъ и **Эльмира.**

Эльмира.

Чего хотите вы? вотъ мы на-единѣ.

Аристъ.

Не вамъ разспрашивать, сударыня, а мнѣ.

Эльмира.

Чего хотите вы?

Аристъ.

Чего? вопросъ забавный!

Подайте мнѣ письмо, гдѣ я увижу явно,
Какъ женской честности вы презрѣли законъ,
Какъ вами я забытъ, поруганъ, оскорбленъ!

Эльмира.

Поруганъ! оскорбленъ!—какія выраженья!
Но ваши не хочу я разрѣшать сомнѣнья
И не отдамъ письма.

Аристъ.

Должны его отдать,
Иль бѣшенство мое хотите испытать?

Эльмира.

Подумайте—читать письмо чужое низко,
И хлопотенъ надзоръ надъ женской перепиской.

Аристъ.

Я, кажется, вамъ мужъ.

Эльмира.

Я, сударь, вамъ жена.
И любопытствомъ я большимъ одарена,
Но ваши тайны мнѣ всегда казались святы.

Аристъ.

Вамъ свято что-нибудь! не я ль ужъ виноватый?
Подайте мнѣ письмо.

Эльмира.

Нѣтъ, право, не отдамъ.
Читаю-ль я когда, что пишетъ часто вамъ
Любезная для васъ, прелестная Аглая,
И можетъ-быть еще прелестница другая?

Аристъ.

Какъ заблужденія дерзаете равнять
Мои вы съ вашими? Иль вамъ растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира.

Гдѣ эти ветхія нашли вы наставленья?

Аристъ.

Но и погрѣшности мои вамъ не покровъ:
Я вамъ невѣренъ былъ на нѣсколько часовъ;
А въ доказательство, здѣсь для моей очистки,
Вотъ какъ я берегу любовныя записки.

(Вынимаетъ записки изъ бумажника и рветъ).

Эльмира.

Ахъ! доказательства не служатъ ни къ чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И безполезнѣе, когда я къ вамъ остыла.

Аристъ.

Въ глаза мнѣ говоритъ, что точно измѣнила!
Простительно-ль сему безстыдству мнѣ внимать?
Не думайте, чтобъ я васъ могъ подозрѣвать
По недостаточной какой-нибудь причинѣ;
Нѣтъ! поводъ вы къ сему мнѣ подали не нынѣ,
А перемѣну въ васъ замѣтилъ я давно.

Эльмира.

Чтó вы замѣтили?

Аристъ.

То, что... Но все равно,
Я тысячу могу вамъ случаевъ исчислить,
По коимъ долженъ былъ объ васъ я худо мыслить:
Довольно было-бы смѣшно, не замѣчать
Мнѣ на лицѣ у васъ унынія печать,
Когда наединѣ мы оставались съ вами;
И часто думалъ я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вамъ выѣзжать со мной.—
Сегодня по утру, на чтó искать мнѣ далѣ,
Въ смятеньи были вы, погружены въ печали,
Когда напомянулъ я объ деревнѣ вамъ;
Конечно, скоро-бы прибѣгнули къ слезамъ,
Къ упрекамъ, жалобамъ!—на дѣло непохоже...
Является Сафиръ, я ухожу,—и что-же?
Откуда все взялось на бѣдствіе мое:
Веселость, острота, наряды и пѣнье,
Всѣ, словомъ, женскія чертовскія приманки.

Я въ дверь, вы со двора, и очень съ позаранки.
Не вѣдаю, какой злой духъ въ меня вдохнулъ,
Чтобы Сафиру я объ этомъ намекнулъ?
Измѣнникъ! надъ моимъ ругался какъ несчастьемъ!
Какъ утѣшалъ меня притворнымъ соучастьемъ!
Непринужденно какъ смѣялся, ободрялъ!
Отъ горькой истины какъ хитро отвращалъ!
Какъ другомъ и женой жестоко я обманутъ!
Но болѣе меня обманывать не станутъ.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте-жъ мнѣ письмо.

Эльмира.

Мой Богъ! какъ вы смѣшны!

Аристъ.

Я очень чувствую: однако непристойно
Вамъ это замѣчать.

Эльмира.

Нравъ самый безпокойный.
Мнѣ, право, кажется, что вы больны—въ жару.
Не сами-ль нынѣ вы твердили по утру,
Чтобъ одѣвалась я наряднѣй, выѣзжала,
Чтобъ дарованьями не столь пренебрегала?
По волѣ вашей я за это принялась,
И вышло не впопадъ;—какъ угодить на васъ?
Откуда прихотей вы набрались?

Аристъ.

Откуда?
Я впрямь несправедливъ, и былъ, и есмь*), и буду!
Подайте **) мнѣ письмо.

Эльмира.

Пора объ немъ забыть.

Аристъ.

Какъ можете еще такой спокойной быть?

---

*) По изд. Серчевскаго: *и есть.*

**) По изд. Серчевскаго: *По дайте мнѣ письмо.*

Эльмира.

Да это отъ того, что нравъ имѣю ровный.

Аристъ.

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно:
Письмо *) я требую: прошу его отъ васъ
Не для того, чтобы съ сей вывѣской тотчасъ
Повсюду разглашать вашъ **) стыдъ, мое безчестье,
И вскорѣ безъ меня о томъ пройдетъ извѣстье;
Надъ этимъ случаемъ свѣтъ ѣдкость изострить,
Печальну истину раскраситъ, распестритъ,
Еще похвалитъ васъ, что мужа обманули.
Нѣтъ! лучше припасу двѣ роковыя пули:
Одну бездѣльнику, другую для себя.

Эльмира.

Какъ хладнокровно!

Аристъ.

Нѣтъ! васъ сверхъ всего любя,—
Скажите,—я могу-ль такъ вдругъ возненавидѣть?
Подайте мнѣ письмо,—ахъ! дайте мнѣ увидѣть,
Вамъ точно-ли всегда другой казался милъ;
Все притворялись вы, я все обманутъ былъ.
Вы усмѣхаетесь:—кто смѣху здѣсь предметомъ?

Эльмира.

Я думала теперь, ей-Богу, не объ этомъ.

Аристъ.

Не будемъ долѣе комедію играть ***);
Подайте мнѣ письмо,—вѣдь, надобно-жь отдать?
Подайте,—право, я за васъ боюсь.

Эльмира.

Не бойтесь.

---

*) По изд. Серчевскаго: *Письма я требую.*
**) По изд. Серчевскаго: *мой стыдъ.*
***) По изд. Серчевскаго: *Не будемъ долго комедіи играть.*

Аристъ.

Подайте.

Эльмира.

Полноте.

Аристъ.

Подайте.

Эльмира.

Успокойтесь;
Возьмите, вотъ оно.

Аристъ.

Что буду я читать?
(Читаетъ).
«Не надлежало-бъ такъ Ариста баловать,
«Эльмира, милый другъ! но такъ и быть; и дѣло
«Онъ нынѣ выигралъ,—ты этого хотѣла.
«Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.»
N.
Эльмира! я дуракъ! прости мнѣ, ангелъ мой!

Эльмира.

Насилу сдѣлались опять вы справедливы.

Аристъ.

Я недовѣрчивый, неистовый, строптивый!
Какія клеветы произносилъ съ сердцовъ?
Для оправданія мнѣ не достанетъ словъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Прежніе и Сафиръ.

Сафиръ.

Вотъ неожиданность! хоть бы въ волшебныхъ
тѣняхъ:
Супруга нѣжная въ слезахъ, мужъ на колѣняхъ!
Раскаянье, любовь, согласіе!—что, братъ?

Аристъ.

Предъ ней я, предъ тобой, предъ всѣми виноватъ.
Прости, Эльмира, мнѣ сомнѣнье безразсудно;
Конечно, мнѣ къ тебѣ его питать-бы трудно,

Но мой неправый гнѣвъ... но и проступокъ сей,
Не есть-ли вѣрный знакъ къ тебѣ любви моей?

Эльмира.

Нѣтъ, безпорочной мнѣ была холодность платой.
И ревность, я когда казалась виноватой.

Аристъ.

Что требуешь, скажи: чтобъ удалился я
Въ лѣса дремучіе, въ безлюдные края?
Мой другъ, изволь, и тамъ забуду я съ тобою
Веселья бурныя, утраченныя мною.

Эльмира.

Такія жертвы я, конечно, откажу:
Пріятность въ городѣ сама я нахожу.

Аристъ.

Какъ хочешь; но теперь въ столицѣ иль въ пустынѣ
Съ тобою дома я всегда сижу отнынѣ
Днемъ, утромъ, вечеромъ, и въ полдень и въ полночь;
Всѣ вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира.

Но дома не всегда меня ты видѣть будешь.

Аристъ.

Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафиръ.

Или прикажете мнѣ къ вашимъ пасть ногамъ.

Эльмира.

Прощаю,—пусть онъ всѣмъ обязанъ будетъ вамъ.
(Аристу).
Такъ, если нѣсколько тебя сей день исправилъ,
Его благодари; онъ и меня наставилъ,
Чтобъ вкусамъ я твоимъ старалась снисходить *)

*) Въ изд. Серчевскаго этотъ стихъ пропущенъ.

Затѣмъ, чтобъ отъ другихъ приманокъ отвратить:
Чтобъ иногда твоей противилась я волѣ
Затѣмъ, чтобъ ты цѣнилъ мое смиренство болѣ.
Такъ! онъ любовь твою мнѣ возвратить хотѣлъ,
Старался, сколько могъ,—и можетъ быть успѣлъ.

ПЯТЬ СЦЕНЪ

изъ втораго дѣйствія комедіи

„СВОЯ СЕМЬЯ или ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА“*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ**).

Ѳекла Савишна, Любимъ, Наташа.

Любимъ.

Да! я обѣгалъ всю почтенную родню,
И счастія своего покамѣстъ не виню:
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось,
Кромѣ одной.—За то ужь отъ нея досталось!
Къ Раисѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ:
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную,—тамъ въ очкахъ она читала,
Вспрыгнула, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. Боже мой! тутъ только-что держись:
Увѣщаванія рѣкою полились;
И все печатное, что только вышло вновѣ,

---

*) Представлена въ 1-й разъ въ С.-Петербургѣ, 24 января 1818 г.

**) Эти пять сценъ напечатаны Грибоѣдовымъ въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г., съ слѣдующимъ очеркомъ содержанія комедіи: „Любимъ, молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Ѳекла Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны, которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ знакомится со всею мужниной роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ.— Это содержаніе одной комедіи князя А. А. Шаховскаго, въ которой я взялся сдѣлать нѣсколько сценъ изъ втораго акта. Вотъ онѣ“.

Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ.
Ну, такъ и сыплетъ вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла:
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,
Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной,
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,
Ни сердца простоты... А я, безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взялъ шляпу, былъ таковъ.
Наташа, какъ я глупъ! зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

Варвара Савишна.

Вотъ такъ-то! поздравляю!
Всѣ виноваты мы...

Любимъ.

Ахъ, нѣтъ! всегда женѣ
Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы, да я.

Варвара Савишна.

Повѣрь мнѣ: помаленьку
На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ секундъ-маіоромъ. Ну.
Полюбятъ также всѣ они твою жену;
Дай срокъ.

Наташа.

Ахъ, дядюшкѣ понравиться не трудно;
Онъ веселъ, добръ и милъ,—и, право, даже чудно,
Какъ онъ напоминалъ Любима мнѣ.

Любимъ.

А чѣмъ?

Желая сочинить новую комедію для бенефиса г-жи Валберховой (украсившей прелестнымъ даромъ своимъ Липецкія воды), я выбралъ такое содержаніе піесы, въ которомъ-бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался сколько можно связать простою интригою эпизодическія явленія. Времени до назначеннаго дня, для бенефиса, оставалось мало, и боясь не сдержать моего обѣщанія, я просилъ А. С. Грибоѣдова и Н. И. Хмѣльницкаго помочь мнѣ: они, по пріязни своей ко мнѣ, согласились, и первый написалъ все начало втораго дѣйствія до ухода Ѳеклы Савишны; а второй въ третьемъ дѣйствіи сцену, въ которой Бирюлькинъ экзаменуетъ Наташу. Благодарность и справедливость требуютъ, чтобъ я сдѣлалъ сіе извѣстнымъ и не присвоилъ себѣ чужаго.

К. Шаховской.

Наташа.

. Да кромѣ лѣтъ, лица и воспитанья, всѣмъ.
Ты точный дядюшка, мой другъ, подъ старость
будешь.

Любимъ.

Вотъ на!

Наташа.

Ты никогда гусарить не забудешь.
Все станешь вспоминать съ восторгомъ старину,
И молодечество, и службу, и войну.
Я вижу ужь тебя: ты, въ дядюшкины годы,
Какъ онъ въ сѣдыхъ усахъ, про славные походы,
Про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ безъ памяти
кричишь.
Безъ милосердія все новое бранишь;
Свой полкъ, своихъ друзей, свои проказы славишь,
Повѣсамъ будущимъ себя примѣромъ ставишь
И сердишься за то, что рано устарѣлъ.

Любимъ.

А ты въ углу ворчишь: онъ все еще пострѣлъ;
Когда ты, батюшка, дурачиться уймешься?
И вслухъ меня бранишь, а внутренно смѣешься.
Не правда-ли, мой другъ?

Наташа.

Да, можетъ быть легко;
Но, къ счастью, до того еще намъ далеко.

Вельдюзева.

Сестра сюда идетъ.

Наташа.

Ахъ, Боже мой! какая?

Вельдюзева.

Ахъ! Ѳекла Савишна.

Любимъ.

Крикуша и скупая.

Наташа.

Да гдѣ-бы платьеце найти мнѣ попростѣй?

Вельдюзева.

У Груньки ты возьми передникъ поскорѣй.
Уйдите-же: она ужь подошла къ порогу.

Наташа (уходя).

Любимъ!

Любимъ.

Я за тобой. (Уходятъ вмѣстѣ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ѳекла Савишна, Варвара Савишна.

Ѳекла Савишна.

Скажи-ка: слава Богу!
Вѣдь, нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить!
Хоть, правда, поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
Да вишь пожаловалъ вь тотъ самый часъ, въ
который
Къ вечернѣ я хожу. Охъ! эти мнѣ проворы!
Я чай, развѣдывалъ, когда-де побывать?
Когда потрафить такъ, чтобъ дома не застать?

Варваа Савишна.

Ну, можно-ли...

Ѳекла Савишна.

Чего? Онъ развѣ малой путной?
Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
Меня не наградилъ: а то у нихъ такой
Обычай водится въ столицахъ, объ Святой
И въ Рождество. Да что? тамъ вѣчно наглость та-же:
Знатнѣйшіе дома—а родственниковъ даже
Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
Карету и пошлетъ, а въ ней холопъ сидитъ,
Какъ будто господинъ: обрыскаетъ край свѣта,
Швыряетъ карточки!... Спасибо, мерзость эта
Что не дошла до насъ:—помиловалъ Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть:
Что самъ онъ заходилъ, я отъ Потапки знаю;

А все-таки спѣсивъ! увижу, разругаю.
Вѣдь, нѣтъ, чтобъ подождать полчасика... бѣда,
Никакъ нельзя, спѣшитъ. Спроси его: куда?
Небось не думаетъ угодность сдѣлать теткѣ,
А въ Петербургѣ-бы, къ какой-нибудь красоткѣ...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Наташа.

Наташа.

Ахъ, вы здѣсь не однѣ! простите!

Ѳекла Савишна.

Ничего.

Ѳекла Савишна.

Кто это? здѣшняя?

Варвара Савишна.

Нѣтъ; мужа моего
Покойнаго родня, пріѣхала недавно.
Знакома вамъ была Ѳедосья Николавна?

Ѳекла Савишна.

Твоя золовка?

Варвара Савишна.

Да, ее въ живыхъ ужь нѣтъ.
Вотъ дочь ея.

Ѳекла Савишна:

Она?—Прошу! какихъ ужь лѣтъ!
Невѣста хоть куда.—Мы вмѣстѣ выростали
Съ твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ;
При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ.
Ахъ! на семъ свѣтѣ я куды давно таскаюсь!
Ты съ нами долго-ли пробудешь? а?

Наташа.

Не знаю-съ;
Какъ будетъ тетушкѣ угодно...

Варвара Савишна.

Мнѣ, другъ мой?
Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.
(Обращаясь къ Ѳеклѣ Савишнѣ).
Въ глаза и за глаза скажу: неприхотлива,
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь имѣть.

Наташа.

Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть,
Тамъ приготовила для васъ одно я блюдо?

Варвара Савишна.

А! знаю, хорошо.—Останься здѣсь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у насъ,
Не взыщете, а я назадъ приду сейчасъ.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ѳекла Савишна, Наташа.

Ѳекла Савишна.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?

Наташа.

Къ обѣду не поспѣло;
Хватились поздно мы. Такъ, какъ-то не пришлось.

Ѳекла Савишна.

Какое-жь кушанье?

Наташа.

Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.

Ѳекла Савишна.

Твоей?—оно-бъ не худо,
Да, вѣдь, пирожное затѣйливое блюдо.
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составитъ счетъ,
Такъ лакомство, ей-ей! на умъ ужъ не пойдетъ.

Наташа.

Да-съ, у меня за то все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

Ѳекла Савишна.

Ну, сахаръ входитъ-же?
(Наташа качаетъ головой).
Хоть крошечка?

Наташа.

Отнюдь!
Какъ, сахаръ? шутка-ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ очень много.

Ѳекла Савишна.

Да! согрѣшили мы! крутыя времена!

Наташа.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно;
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

Ѳекла Савишна.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ;
Въ иной и въ пожилой такого смысла нѣтъ.

Наташа.

Помилуйте...

Ѳекла Савишна.

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная-ль улика,
Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Разсчету ни на грошъ, увидишь ты сама:
Всегда столы у ней,—зачѣмъ? кому на диво?

Наташа.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хотъ матушка моя покойная жила,
Куда не ро́скошно, я чай, и вамъ извѣстно.

Ѳекла Савишна.

Умна была,—дай Богъ ей царствіе небесно!

Наташа.

Однако странность вамъ одну я разскажу.

Ѳекла Савишна.

Какъ, другъ мой? что?—Садись.

Наташа.

Вотъ что...

Ѳекла Савишна.

Да сядь!

Наташа (сѣвши на краешекъ стула)

Сижу.

Вотъ что... спросить у васъ позвольте: вы давно-ли
Разстались съ матушкой!

Ѳекла Савишна.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.
(Со вздохомъ).
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужь трехъ мужей!

Наташа.

Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случалось
Объ томъ, что къ Ладовой, графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

Ѳекла Савишна.

Нѣтъ, не слыхала я.

Наташа.

Ужь странность подлинно!—Она и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ;
Не знаю, между ихъ какъ случай связь составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала!
Представьте-же себѣ: я въ домъ попала знатный,
У Ладовой на все расходъ невѣроятный!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ:
И собирается у ней весь модный свѣтъ:

Вчера концертный день, а нынче танцовальной,
А завтра что-нибудь другое.—Натурально,
Вы можете судить, что въ эдакомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

Ѳекла Савишна.

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортитъ жизнь такая.

Наташа.

Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство,
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами,
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли, что лучше-бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ-бы ходила,
Да лишь-бы суетно такъ время не губила?

Ѳекла Савишна.

Ужь-ли, голубка! да какъ же это ты?
Я, я свертѣлась-бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій!—Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь!—А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь, и булавочка намъ можетъ пригодиться.

Ѳекла Савишна.

Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю, и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свѣтъ! Ужь ты-ли не водилась
Съ большими барами? а все съ пути не сбилась!

Наташа.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.

Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только-бы купить что ни попало.
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то и се.
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И, дома запершись, крою себѣ, крою.
Теперь-же, вѣрите-ль? я что угодно шью:
Вы не увидите на мнѣ чужой работы
Вотъ ни на столько.
(Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука).

Ѳекла Савишна.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій,—и тебѣ подобной не сыскать!

Наташа.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало, прочія лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконецъ до тысячи рублей.

Ѳекла Савишна.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила!—чѣмъ?—трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать!
(Обнимаются).
Вотъ, если-бъ нашъ Любимъ былъ человѣкъ толковый,
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ! случай здѣсь готовый!
И услужилъ-бы всѣмъ роднымъ и самъ себѣ,
Когда женился-бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму-бы разуму его ты научала,
Любила-бы его, мотать-бы не давала;
А то, слышь, въ Питерѣ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашелъ!
Преакуратная голубушка, я чаю.

Наташа.

А почему-же знать?

Ѳекла Савишна.

Какъ почему?—Я знаю.

Наташа.

Конечно, это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

Ѳекла Савишна.

Вотъ то-то, видишь-ли, что всей его роднѣ
Она не по нутру.—Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить.
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко-ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось:
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!
(Останавливается отъ избытка чувствъ).
Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда-бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла-бъ за него,
Не расточила-бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по французскому умѣешь говорить?

Наташа.

Умѣю нѣсколько.

Ѳекла Савишна.

И вѣрно мастерица.
Имъ только надобно...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Варвара Савишна, Ѳекла Савишна, Наташа.

Ѳекла Савишна.

Послушай-ка, сестрица!
Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда-ли, она
Любиму нашему, вѣдь, по всему жена?

Варвара Савишна.

Я то-же говорю.

Өекла Савишна.

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ Петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ, прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай:
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чемъ. Прости!

(Обращаясь къ Наташѣ).

Ахъ! жаль, что недосужно,
А то-бы мы съ тобой... прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать,
И что, мой свѣтъ, сидѣть не любишь, склавши руки,
Такъ я тебѣ найду заняться чѣмъ отъ скуки;
На это мастерство у насъ есть заведенье.
Туда свожу тебя, увидишь:—заглядѣнье.

(Варварѣ Савишнѣ).

Скажи-жь Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ-бы ко мнѣ.—Быть-можетъ и безъ брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заранѣ.
Авось!.. не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи.

(Уходитъ. Варвара Савишна ее провожаетъ.)

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. С. Грибоѣдова.

Родился въ Москвѣ 1795 г. 4 янв.
Годъ творенія 1823.
Убитъ въ Тегеранѣ, 1829 г. 30 янв.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.
Софья Павловна, дочь его.
Александръ Андреевичъ Чацкій.
Платонъ Михайловичъ } Горичевы.
Наталья Дмитріевна }
Репетиловъ.
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.
Полковникъ Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ.
Лиза, служанка.
Хлестова.
Графиня Хрюмина.
Графиня, ея внучка.
Князь Тугоуховскій.
Княгиня, жена его.
1 }
2 }
3 } ихъ дочери.
4 }
5 }
6 }
1 } слуги Фамусова.
2 }
Г. N.
Г. D.
Лакей Чацкаго.
Лакей Горичевыхъ.
Лакей Хрюминой.
Лакей Скалозуба.

Эта комедія напечатана по списку, сдѣланному С. А. Ивановымъ *) и хранящемуся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеяхъ (№ 2765). Списокъ сдѣланъ весь рукою С. А. Иванова, но съ какой рукописи—не обозначено. Судя по фабричному клейму на бумагѣ (фабрики Аристархова) и по тому, что уже въ шестидесятыхъ годахъ С. А. Ивановъ жилъ въ Римѣ, нужно предполагать, что списокъ сдѣланъ въ концѣ пятидесятыхъ или въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

*) Архитекторъ, братъ знаменитаго художника А. А. Иванова, написавшаго картину „Явленіе Христа народу“.

ДѢЙСТВІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышны фортепьяно съ флейтою, которыя умолкають. — Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ кресель.

(Утро, чуть-чуть день брезжется.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Лиза, вдругъ просыпается, встаетъ съ кресель, оглядывается.

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказъ!
Ждемъ друга — нуженъ глазъ да глазъ!
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вотъ только-что вздремнула —
Ужь день!.. Сказать имъ...
(Стучится къ Софьѣ).
Господа!
Эй, Софья Павловна! бѣда!
Зашла бесѣда ваша за ночь!
Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!.. И страхъ ихъ не беретъ!
(Отходитъ отъ дверей)
Ну, гость неприглашенной,
Быть можетъ, батюшка войдетъ...
Прошу служить у барышни влюбленной!
(Опять подходитъ къ дверямъ).
Да расходитесь, утро... Что-съ?
(Голосъ Софьи).
Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ поднялось.

Софья, изъ комнаты.

Который часъ?

Лиза.

Седьмой, восьмой, девятый.

Софья, изъ комнаты.

Неправда.

Лиза.

Ахъ! амуръ проклятый!
И слышатъ, не хотятъ понять...
Ну, чтобы ставни имъ отнять...
Переведу часы, хоть знаю, будетъ гонка—
Заставлю ихъ играть. (Лѣзетъ на стулъ и передвигаетъ стрѣлку; часы бьютъ и играютъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Лиза и **Фамусовъ**.

Лиза.

Ахъ! баринъ!

Фамусовъ.

Баринъ, да!
(Останавливаетъ часовую стрѣлку).
Вѣдь, экая шалунья ты дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что это за бѣда?
То флейта слышится, то будто фортепьяно,
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано.

Лиза.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай—за вами примѣчай.
Такъ вѣрно съ умысломъ...
(Жмется къ ней и играетъ).
Охъ! зелье, баловница!

Лиза.

Вы баловникъ,—къ лицу-ль вамъ эти лица!

Фамусовъ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтра на умѣ.

Лиза.

Пустите... Вѣтренники сами!..
Опомнитесь,—вы старики...

Фамусовъ.

Почти.

Лиза.

Ну, кто придетъ, куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда придти!
Вѣдь, Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала.

Фамусовъ.

Сейчасъ? А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала.

Фамусовъ.

Вишь прихоти какія завелись!

Лиза.

Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.

Фамусовъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И въ чтеньи прокъ-отъ не великъ.
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится!

Лиза.

Что встанетъ, доложу-съ.
Извольте-же идти. . разбудите, боюсь...

Фамусовъ.

Чего будить! Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза, какъ можно громче.

Да полноте-съ!

Фамусовъ, зажимая ей ротъ.

Помилуй, какъ кричишь!
Съ ума ты сходишь!

Лиза.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Фамусовъ.

Чего?

Лиза.

Пора, сударь, вамъ знать—вы не ребенокъ:
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь,
Все слышатъ.

Фамусовъ.

Все ты лжешь.

(Голосъ Софьи).

Эй, Лиза!

Фамусовъ.

Тсъ! (крадется на цыпочкахъ).

Лиза, идетъ.

Ушелъ... Ахъ! отъ господъ подалѣй,
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.
Минуй насъ, пуще всѣхъ печалей,
И барскій гнѣвъ и барская любовь!

ЯВЛЕНІЕ III.

Лиза, **Софья** со свѣчей и за ней **Молчалинъ**.

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело!
До свѣта запершись, а кажется все мало.

Софья.

Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!
(Тушитъ свѣчу).
И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите, знай,—со стороны нѣтъ мочи.
Сюда вашъ батюшка зашелъ; я обмерла,
Вертѣлась передъ нимъ, не помню, что врала...
Ну, что же стáли вы? Поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... Сердце не на мѣстѣ!
Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Не наблюдайте—ваша власть!
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.

Софья, Молчалину.

Идите! Цѣлый день еще потерпимъ скуку.

Лиза.

Богъ съ вами!.. Прочь возьмите руку!
(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и **Фамусовъ.**

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ! ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

Зачѣмъ-же здѣсь? и въ этотъ часъ?
И Софья!.. Здравствуй, Софья! что ты

Такъ рано поднялась? а? для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

Софья.

Онъ только что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки...

Фамусовъ.

Другъ! Нельзя ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, *) чуть изъ постели прыгъ—
Съ мужчиной, съ молодымъ! Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небылицы,—
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій Мостъ и вѣчные французы!
Оттуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... Кружится голова,
Я отъ испуга духъ перевожу едва...
Изволили вбѣжать вы такъ проворно—
Смѣшалась я...

Фамусовъ.

Благодарю покорно!
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!
Я помѣшалъ, я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха; мечусь, какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня;
Тотъ пристаетъ, другой,—всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ-ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ...**)

---

*) По ред. Гг. Веселовскаго и Гарусова: *сударушка*.

**) По рук. Булгарина и по изданіямъ Приваловскаго и Берлинскому: Но ждалъ-ли новыхъ я хлопотъ? чтобъ былъ обманутъ?

Софья, сквозь слезы.

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ, попрекать мнѣ станутъ
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь—я дѣло говорю.
Ужъ о твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?
Мать умерла—умѣлъ я пріискать
Въ мадамъ Розье вторую мать,
Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ.
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ—
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамѣ сила;
Не надобно другого образца,
Когда въ глазахъ примѣръ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,
Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ;
Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ...

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери,—да сами добряки! *)
Дались намъ эти языки...
Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!
Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
Безроднаго призрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,

---

*) По изд. Гг. Веселовскаго и Гарусова: *дураки*.

Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари:
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣлъ бы ты въ Твери!..

Софья.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ—великая напасть:
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую!..

Фамусовъ.

Попалъ или хотѣлъ попасть,
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно.

Софья.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давича вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ.
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софья.

Вамъ разсказать?

Фамусовъ, садится.

Ну, да.

Софья.

Позвольте... Видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню на яву...
Вдругъ милый человѣкъ,—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ, будто вѣкъ знакомы,—

Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... Знать, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ! матушка, не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Потомъ пропало все, луга и небеса—
Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда,
Раскрылся полъ, и вы оттуда,
Блѣдны, какъ смерть, и дыбомъ волоса!..
Тутъ съ громомъ распахнулись двери...
Какіе-то не люди и не звѣри
Насъ врозь!.. и мучили сидѣвшаго со мной!..
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ—
Хочу къ нему,—вы тащите съ собой!
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.
Онъ вслѣдъ кричитъ...
Проснулась... Кто-то говоритъ...
Вашъ голосъ былъ... Что, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда, и васъ обоихъ нахожу.

Фамусовъ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу.
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана—
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты...
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

Фамусовъ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой, и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ, зачѣмъ же? Говори.

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

Фамусовъ.

Да, ихъ не доставало!
Помилуйте! что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?
(Встаетъ).
Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ.
Бываютъ странны сны, а на яву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе.
Повыкинь вздоръ изъ головы—
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ка, лягъ, усни опять.
(Молчалину).
Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для докладу.
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ; а въ иныхъ
Противорѣчье есть, и многое не дѣльно.

Фамусовъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ.
Дай волю вамъ, оно бы и засѣло:
А у меня, что дѣло, что не дѣло—
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.
(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Софья и Лиза.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! Ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно и замерла душа!
Грѣхъ не бѣда,—молва не хороша.

Софья.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ.
Да, батюшка задуматься принудитъ:

Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ,
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

Лиза.

Сужу-съ не по разсказамъ.
Запретъ онъ васъ, добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой!

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже —съ рукъ сойдетъ;
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,—
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда!
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни вò вѣки вѣковъ!
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами...
Ну, разумѣется, къ тому бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ бáлы.
Такъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ:
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софья.

Куда какъ милъ! и весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ.

Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій?
Не для того, чтобъ васъ смутить—
Давно прошло, не воротить,—
А помнится...

Софья.

Чтó помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ—мнѣ забавно;
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

И только будто бы? Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался:
«Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь!»
А онъ въ отвѣтъ: «Не даромъ, Лиза, плачу:
«Кому извѣстно, что найду я воротясь,
«И сколько можетъ быть утрачу!»
Бѣдняжка, будто зналъ, что года черезъ три...

Софья.

Послушай, вольности ты лишней не бери!
Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила,
И знаю, и винюсь; но гдѣ же измѣнила,
Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой; но потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ.
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ.
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ,—
Вотъ объ себѣ задумалъ онъ высоко,
Охота странствовать напала на него...
Ахъ! если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
Лѣчился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
Не отъ болѣзни, чай,—отъ скуки, повѣрнѣе.

Софья.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я, не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ.
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть!
Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
Сударыня, мое ли это дѣло?

Софья.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ;
Изъ глубины души вздохнетъ;
Ни слова вольнаго,—и такъ вся ночь проходитъ.
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ...
Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому—
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду—не съумѣла
Забыла волосы чернить,
И черезъ три дня посѣдѣла!
(Продолжаетъ хохотать).

Софья, огорченная.

Вотъ также обо мнѣ потомъ заговорятъ!

Лиза.

Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Слуга.

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и **Чацкій**.

Чацкій.

Чуть свѣтъ—-ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!
Что жъ, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.
Удивлены! И только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.
Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я въ сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся... вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!

Софья.

Ахъ, Чацкій! я вамъ очень рада.

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однако искренно: кто жъ радуется эдакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,—
Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами...

Софья.

Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, издалека,
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ,—тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой! ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ, у васъ? да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ, тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?..
Или вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы въ темномъ уголкѣ, и, кажется, что въ этомъ?
Вы помните? вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ,
дверь...

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ вы разцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно;
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ
Безъ думы,—полноте смущаться!..

Софья.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте! не вамъ—чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ.

Софья.

Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ.
Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба

Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его... онъ турокъ или грекъ?
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься—тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей вселенной породнятся?
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи,
Самъ толстъ, его артисты тощи;
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней?
А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда-жь постранствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?..
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:
Что нынче, также какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:

Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ менторъ,—помните: колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ,
Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ?..

Софья.

Танцмейстеръ!.. можно-ли?

Чацкій.

Что-жъ? онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ при-
ходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.

Лиза.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ.

Чацкій.

По крайней мѣрѣ не надутой.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,

Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ—пристаетъ: «пожалуйте списать!»
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ—
Вѣдь нынче любятъ *безсловесныхъ*.

Софья, въ сторону.

Не человѣкъ—змѣя!
(Громко).
Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь, или съ печали,
Ошибкою, добро о комъ нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть...

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только-что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя;
И какъ васъ нахожу? Въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!..
И все-таки я васъ безъ памяти люблю.
(Минутное молчаніе).
Послушайте, ужель слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ,—умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите-жъ мнѣ въ огонь—пойду, какъ на обѣдъ.

Софья. *)

Да, хорошо—сгорите, если-жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

---

*) Въ изд. Берлинскомъ и Приваловскаго: *Лиза*.

Софья.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку.
(Уходитъ).

Фамусовъ, ей вслѣдъ въ полголоса.

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Фамусовъ и **Чацкій** смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла.

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ,
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ!
(Обнимаются).
Здорово, другъ! здорово, братъ, здорово!
Разсказывай: чай, у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй!
(Садятся).

Чацкій, разсѣянно.

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другого нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!..

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

«Сонъ въ руку»—мнѣ она изволила шепнуть,—
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей: все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ.
Вѣкъ не встрѣчалъ — подписку дамъ —
Что бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли.
(Встаетъ поспѣшно).
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду;
Вамъ первымъ: вы потомъ разсказывайте всюду.
(Въ дверяхъ).
Какъ хороша!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Фамусовъ, одинъ.

Который-же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ, какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня.
Теперь... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...
Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
(Уходитъ).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фамусовъ и **слуга.**

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разста-
новкой.
Постой-же. На листѣ черкни, на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится.
Отмѣть-ка, въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить:
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминаютъ:
«Кузьма Петровичъ! миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ,—одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу—
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.

Она не родила, но по разсчету,
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНIЕ II.

Фамусовъ, **слуга** и **Чацкiй**.

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ.
Садитесь-ка.

Чацкiй.

Вы заняты?

Фамусовъ, слугѣ.

Поди.

(Слуга уходитъ).

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется того гляди.

Чацкiй.

Вы что-то невеселы стали;
Скажите, отчего? Прiѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!.. Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкiй.

Никто не приглашаетъ васъ.
Я только-что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то-же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ,—не хочешь ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь, я ей нѣсколько сродни,—
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное—поди-ка послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно!

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили-бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ!.. онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ его услугамъ;
Весь въ орденахъ: ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,—
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ,—тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя? что твой князь! что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ.
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться—
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не пришибъ.
Старикъ заохалъ; голосъ хрипкой,
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой:

Изволили смѣяться. Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ въ другой разъ ужъ нарочно,
А хохотъ пуще, онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему?.. По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми знатенъ и почтенъ?
Максимъ Петровичъ!.. Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!.. Вы, нынѣшніе, нутка!..

Чацкій.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши:
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ...
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше,—лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай, приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ то-же!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонари!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышетъ
И не торопится вписаться въ цехъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что говоритъ! и говоритъ, какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно,
Предоставляю вамъ во власть:

Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу, —
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

Чацкій.

Я досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши.

Чацкій.

На что жъ? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ, скороговоркой.

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье!

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Слуга.

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ, ничего не видитъ и не слышитъ.

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ, какъ пить дадутъ!

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ! подъ судъ!

Чацкій.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

Фамусовъ, оборачивается.

А! бунтъ! Я такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ, встаетъ.

Ослы! сто разъ вамъ повторять!
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись.
(Слуга уходитъ).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ, и чинъ завидный:
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько...
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ... Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода, а впрочемъ власть Господня!..
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось.
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! какую бы причину...
А! знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину.
(Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій, одинъ.

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья? Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужаго!
Какъ здѣсь бы ей не быть?..
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Фамусовъ и **Скалозубъ**.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе:
Прозябли вы—согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

Скалозубъ, басомъ.

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ...

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу,
Сергѣй Сергѣичъ дорогой?
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой...

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы,—а я подавно,—
Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да! счастье у кого есть эдакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа: засѣли мы въ траншею,
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть, такъ хватъ.
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ, хвать!..

Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ,
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ моего счастливѣе везетъ.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ, хоть сказать, бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь-ли за полкомъ?
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу:
Да, чтобъ чины добыть есть многіе каналы:
О нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести объ генеральшѣ?

Скалозубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что-жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ, вѣдь, нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцу и сыну честь:
Будь плохонькій, да если наберется
Душъ тысячи двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой, хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь, только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
Да это ли одно!.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ вамъ пожаловать—изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько,—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы: отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь,
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички, какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово—приговоръ!
Вѣдь, столбовые всѣ, въ усъ никому не дуютъ,

И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если бъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ оставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать, время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло!..
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему,—надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ—
Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь, самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ,
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ...
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна...
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
Ихъ благонравію,—не лицамъ.
И точно, можно ли воспитаннѣе быть!
Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ, и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой!
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!

Скалозубъ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужъ мало ли крехтятъ!
Да, батюшка, съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ, Чацкому.

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать—не велика услуга.
(Скалозубу).
Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ.
Не служитъ, то-есть,въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой!
Жаль, очень жаль,—онъ малый съ головой;
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ..

Чацкій.

Нельзя ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ,—всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,
Вражда ихъ къ намъ непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?..
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дѣтей возили на поклонъ?

Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь и честь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вотъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ Зефирахъ и въ Амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и Зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь, пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, —
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету...
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть!
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужь въ это мнѣ ребячество не впасть.
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся,
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ, про себя.

Ужь втянетъ онъ меня въ бѣду!
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Скалозубъ и **Чацкій**.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.
Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?*)
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, **Софья** и **Лиза**.

Софья, бѣжитъ къ окну.

Ахъ, Боже мой! упалъ! убился!..

Чацкій.

Кто?
Кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху!

---

*) Два варіанта послѣднихъ четырехъ стиховъ:
1) А въ первой арміи какъ выправленъ солдатъ!
Мундиры пригнаны по тальямъ, всѣ въ обхватъ,
И платья нижнія облѣплены, такъ узки,
Въ шагу доходятъ какъ ни въ чемъ;
И офицеровъ, и проч.
2) А въ первой арміи не то, что встарь!
Однажды на смотру изволилъ государь
Замѣтить самолично,
Что выправка и стойка—все отлично.

Скалозубъ.

Да кто? Откудова?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ ли нашъ далъ маху?

Лиза, хлопочетъ около барышни.

Кому назначено-съ, не миновать судьбы!
Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы—
Онъ объ землю—и прямо въ темя.

Скалозубъ.

Поводья затянулъ; ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ: грудью или въ бокъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, безъ **Скалозуба.**

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ, скажи скорѣе?

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.
(Чацкій бѣжитъ и приноситъ воду. Все слѣдующее въ полголоса до того, какъ очнется Софья).

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей уксусомъ потри,
Опрыскивай водой! Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно:
Молчалинъ на ногахъ давно!
Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза.

Да-съ, барышнинъ несчастливъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою.
Вотъ такъ... Еще... Еще.

Софья, съ глубокимъ вздохомъ.

Кто здѣсь со мною?
Я точно какъ во снѣ?
(Торопливо и громко).
Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ...

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею!
Васъ чуть было не уморилъ.

Софья.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!..

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи, однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?
Да, правда, не свои бѣды—для васъ забавы.
Отецъ родной убейся—все равно.
(Лизѣ).
Пойдемъ туда, бѣжимъ...

Лиза, отводитъ ее въ сторону.

Опомнитесь! куда вы?
Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ окно.
(Софья смотритъ въ окно).

Чацкій.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ испуга!..
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаешься единственнаго друга.

Софья.

Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять!..

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаньи?

Софья.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же, Скалозубъ и **Молчалинъ** (съ подвязанной рукой).

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ! рука
Ушиблена слегка;
А впрочемъ, все фальшивая тревога.

Молчалинъ

Я васъ перепугалъ,—простите, ради Бога!

Скалозубъ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація: опрометью вбѣжали,—
Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали—
И что жъ? Весь страхъ изъ ничего.

Софья, не глядя на него.

Ахъ! очень вижу, изъ пустова,
А все еще теперь дрожу.

Лацкій, про себя.

Съ Молчалинымъ—ни слова.

Софья, по прежнему.

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива. Такъ бываетъ:
Карета свалится, поднимутъ—я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ—до этого нѣтъ дѣла...

Чацкій, про себя.

Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова,—но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—
На дняхъ расшиблась въ пухъ:
Жокей не поддержалъ—считалъ онъ, видно, мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,
Теперь ребра не достаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софья.

Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ
Явитесь вы вполнѣ великодушны,—
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ, и оттираньемъ...
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.
(Беретъ шляпу и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, кромѣ **Чацкаго**.

Софья, Скалозубу.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепьяно.
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь; но къ батюшкѣ зайти я обѣщался
Откланяться.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ, жметъ руку Молчалину.

Вашъ слуга.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья, **Молчалинъ** и **Лиза**.

Софья.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь, знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога, —
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно!
Скажите, что у васъ съ рукой?
На дать ли капель вамъ? Не нуженъ ли покой?
Пошлите къ доктору: пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ, не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ — вѣдь, нынче кто не шутитъ?

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу—люблю, хочу—скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала;
При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно? — пусть шутятъ ихъ! Досадно? — пусть бранятъ!

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

Софья.

Неужто на дуель васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета!

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ ка-бы вы порхнули въ дверь

Съ лицомъ веселымъ, беззаботно.
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ—съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ.
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ,—
Улыбочка и пара словъ...
А кто влюбленъ—на все готовъ.

~~Софья.~~ Молчалина

Я вамъ совѣтовать не смѣю.
(Цѣлуетъ ей руку).

~~Молчалинъ.~~ Софья.

Хотите вы? Пойду любезничать сквозь слезъ.
Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Молчалинъ и **Лиза**.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее
По должности, тебя...
(Хочетъ ее обнять).

Лиза.

Отъ скуки?
Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ—прехитрая работа!
Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,
Кругомъ все прорѣзь, позолота:
Подушечка, изъ бисера узоръ,
И перламутровый приборъ:
Игольничекъ и ноженки—какъ милы!
Жемчуженки, растертыя въ бѣлилы!
Помада есть для губъ, и для другихъ причинъ;
Съ духами стклянoчки: резеда и жасминъ.

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы.
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я,—обвязки не сниму.
Приди въ обѣдъ, побудь со мною—
Я тайну всю тебѣ открою.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Лиза и **Софья.**

Софья.

Была у батюшки,—тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
(Уходитъ къ себѣ въ комнату).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Лиза, одна.

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ!..
А я?.. одна лишь я любви до смерти трушу...
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чацкій, потомъ **Софья**.

Чацкій.

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!..
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ —
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви — играть ей въ жмурки,
А мнѣ...
(Софья входитъ).
Вы здѣсь, я очень радъ,
Я этого желалъ.

Софья, про себя.

И очень не впопадъ.

Чацкій.

Конечно, не меня искали?

Софья.

Я не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя ли, —
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ, —
Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе родные.

Чацкій.

Всѣ болѣе меня?

Софья.

Иные...

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!

Софья.

Хотите-ль знать вы истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна—
Веселость ваша не скромна,—
У васъ тотчасъ ужъ острота готова:
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? не правда ли, смѣшонъ?

Софья.

Да! грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна...
А надъ собой гроза куда не безполезна.

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ,
Молчалинъ, напримѣръ?

Софья.

Примѣры мнѣ не новы;
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы.
А я, чтобы не мѣшать, отсюда удалюсь.

Чацкій, удерживая ее.

Постойте же! (Въ сторону) Разъ въ жизни притворюсь.

(Громко) Оставимте мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ:
Быть можетъ, онъ не то, что три года назадъ.
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ!
Есть люди важные,—слыли за дураковъ:
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда!
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою—*вы*, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу!
А онъ—смолчитъ и голову повѣситъ!
Конечно, смиренъ—всѣ такіе не рѣзвы:
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, для него что выдумали вы, *)
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита!
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему.
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе.
Нѣтъ! нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе;
Но васъ онъ стоитъ ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ;
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ!
Потомъ
Отъ сумашествія могу я остеречься:
Пущусь подалѣе—простыть, охолодѣть,

---

*) Въ изд. Веселовскаго и Ефремова *за него что выдумали вы*. По изд. Гарусова: *за него что такъ вступились вы*.

Не думать о любви! Тамъ буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься!..

Софья, про себя.

Вотъ нехотя съ ума свела!
(Вслухъ).
Что притворяться?
Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться.
Я живо въ немъ участье приняла:
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились разсчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору;
Но, можетъ, истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту.
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ дерзку на языкъ? *)
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?... чего!
Случись кому назвать его.
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?

Чацкій,

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни—смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю.
А чаще—съ ними я скучаю.

Софья

Напрасно: это вы относи́те къ другимъ.
Молчалинъ вамъ наскучилъ-бы едва-ли,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій, съ жаромъ.

Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

Софья.

Я не старалась,—Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ:
Тотъ часто безъ толку сердитъ,

*) По ред Веселовскаго: *такъ невоздержну на языкъ?*

А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
От доброты души проститъ;
И между прочимъ
Веселостей искать бы могъ—
Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ!
Мы рѣзвимся, хохочемъ,—
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!
Молчитъ, когда его бранятъ!...
(Въ сторону) Она его не уважаетъ!

Софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ...
Да эдакой ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира иль мораль смыслъ этого всего?
(Въ сторону) Она не ставитъ въ грошъ его!

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ:
Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ—
Вотъ я за что его люблю!

Чацкій, въ сторону.

Шалитъ! она его не любитъ.
(Вслухъ) Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!
Онъ за своихъ стоитъ горой; *)
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

---

*) Въ печатн. изданіяхъ: *за армію стоитъ горой.*

Софья.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Чацкій, Софья и Лиза.

Лиза, шопотомъ.

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите,—надобно идти мнѣ поскорѣй.

Чацкій.

Куда?

Софья.

Къ прикмахеру. *)

Чацкій.

Богъ съ нимъ!

Софья.

Щипцы простудитъ.

Чацкій.

Пускай себѣ...

Софья.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако, дайте мнѣ зайти, хотя украдкой,
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ:
Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно!..
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминаніемъ объ томъ, что невозвратно!

---

*) По ред. Веселовскаго: *къ парикмахеру*, отчего нарушается размѣръ стиха.

Не засижусь; войду,—всего минуты двѣ...
Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую мольбѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.
(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій, потомъ **Молчалинъ**.

Чацкій.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей?
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;
Но, чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума не доставало?
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.
(Входитъ Молчалинъ).
Вотъ онъ,—на цыпочкахъ и небогатъ словами...
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?
(Обращается къ нему).
Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоютъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины, по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!..

Чацкій.

Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ...

Чацкій.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею незнакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это полно та-ли-съ?
Татьяна Юрьевна!.. извѣстная; притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ ..

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ! частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче.
Отъ рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить.
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ; я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите! Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ—знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что жъ?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья:
Переведенъ сюда...*)

Чацкій.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ!

Молчалинъ.

Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть:
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть.

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

---

*) По ред. В. Веселовскаго и Гарусова: *изъ Петербурга къ намъ переведенъ.*

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ

Вѣдь, надобно зависѣть отъ другихъ.

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій, почти громко.

Съ такими чувствами, съ такой душой
Любимъ!.. Обманщица, смѣялась надо мной!

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Вечеръ. Всѣ двери настежъ, кромѣ двери въ спальню Софьи. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ; слуги суетятся: одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ).

Эй! Филька, Ѳомка, ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Софьѣ въ дверь).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ; и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.
(Расходятся; остается одинъ Чацкій).

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій и **Наталья Дмитріевна**, молодая дама.

Нат. Дмитр.

Не ошибаюсь ли? Онъ точно, по лицу...
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы;
Неужли такъ меня три года измѣнили?

Нат. Дмитр.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно ли?

Чацкій.

Нынче лишь...

Нат. Дмитр.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Нат. Дмитр.

Я замужемъ.

Чацкій

Давно бы вы сказали!

Нат. Дмитр.

Мой мужъ—прелестный мужъ: вотъ онъ сейчасъ
войдетъ:
Я познакомлю васъ,—хотите?

Чацкій.

Прошу.

Нат. Дмитр.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

Нат. Дмитр.

О, нѣтъ-съ! не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайловичъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ оставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,

Когда бы службу продолжалъ.
Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чацкій, Натал. Дмитр., и Платонъ Михаил.

Нат. Дмитр.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

Чацкій.

Ба!
Другъ старый! мы давно знакомы! Вотъ судьба!

Плат. Мих.

Здорово, Чацкій, братъ!

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно.

Плат. Мих.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Плат. Мих.

Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Плат. Мих.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и то-же.

Чацкій.

Отъ скуки! Какъ? ужъ ты ей платишь дань!

Нат. Дмитр

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ
разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... Иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ—эскадронъ дадутъ! Ты оберъ или штабъ?

Нат. Дмитр.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

Нат. Дмитр.

Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край!
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай!

Нат. Дмитр.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій.

Москву и городъ!.. Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Плат. Мих.

Да, братъ, теперь не такъ...

Нат. Дмитр.

Ахъ! мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

Плат. Мих.

Теперь, братъ, я не тотъ!..

Нат. Дмитр.

Послушайся разочекъ,
Мой милый.—застегнись скорѣй.

Плат. Мих., равнодушно.

Сейчасъ.

Нат. Дмитр.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Плат. Мих.

Теперь, братъ, я не тотъ!...

Нат. Дмитр.

Мой ангелъ. Бога ради.
Отъ двери дальше отойди.

Плат. Мих., глаза къ небу.

Ахъ, матушка!

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди!
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время.
Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро,—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Плат. Мих.

Эхъ! братецъ! славное тогда житье-то было!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, Князь Тугоуховскій и Княгиня съ шестью дочерьми.

Нат. Дмитр., тоненькимъ голоскомъ.

Князь Петръ Ильичъ! княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія, потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1 Княжна.

Какой фасонъ прекрасный.

2 Княжна.

Какія складочки!

1 Княжна.

Обшито фалбарой.

Нат. Дмитр.

Нѣтъ, если бъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3 Княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4 Княжна

Ахъ! да, барежевый!

5 Княжна.

Ахъ, прелесть!

6 Княжна.

Ахъ, какъ милъ!

Княгиня.

Тсъ! Кто это въ углу, вошли мы,—поклонился?

Нат. Дмитр.

Пріѣзжій,—Чацкій

Княгиня.

От-ста-вной?

Нат. Дмитр.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Нат. Дмитр.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь, князь! сюда! живѣе!

Князь, обращая къ ней слуховую трубу.

О! хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго: вотъ онъ!

Князь.

И, хмъ!
(Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ).

Княгиня.

Вотъ то-то, дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ.
Танцовщики ужасно стали рѣдки!..
Онъ камеръ-юнкеръ?

Нат. Дмитр.

Нѣтъ.

Княгиня.

Богатъ?

Нат. Дмитр.

О, нѣтъ!

Княгиня, громко, что есть мочи.

Князь, князь! назадь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Граф. внучка.

Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя! (Пропадаетъ въ боковую комнату).

Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ!
Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ, ужъ Богъ ее проститъ.

Граф. внучка, вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ.

Мсье Чацкій! вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе!

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Граф. внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Граф. внучка.

Въ чужихъ краяхъ *на комъ*?
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ *).

Чацкій.

Несчастные! должны упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ **Загорѣцкій.** Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и пр. **Софья** отъ себя выходитъ; всѣ къ ней на встрѣчу.

Граф. внучка.

Eh, bon soir! vous voilá! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

Загорѣцкій.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ.

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за то
Куда я ни кидался!
Въ контору—все взято;

*) По изд. Гарусова: *съ модистками изъ модныхъ лавокъ.*

Къ директору,—онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей въ шестомъ часу, и кстати-ль!
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему—всѣхъ сбилъ я съ ногъ;
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного,—старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,—
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье—вдвое.
(Являются еще кое-какіе; между тѣмъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ).

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ!

Плат. Мих.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь!
Я правду объ тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. (Чацкому). Вотъ, братъ, рекомендую:
Какъ эдакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій. *)
При немъ остерегись; переноситъ гораздъ;
И въ карты не садись: продастъ.

Загорѣцкій.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы!

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы;
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

---

*) Въ изд. Гг. Веселовскаго и Гарусова за этимъ стихомъ слѣдуютъ четыре стиха, которые напечатаны впервые въ изданіи Гарусова:

На дняхъ онъ банкъ по шулерски сорвалъ,
Смигнулся съ шулеромъ такимъ же записнымъ,
И обыгралъ меня. Богъ съ нимъ!
Вчера укралъ билетъ, а слышалъ, какъ совралъ?
При немъ остерегись, и проч.

Плат. Мих.

Охъ, нѣтъ, братецъ, у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.
(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и Хлестова.

Хлестова.

Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница!.. Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки,—силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачку.
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (Садится). Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна, да какъ страшна!
Вѣдь, создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...
Позвать ли?..

Софья.

Нѣтъ-съ; въ другое время.

Хлестова.

Представь, ихъ какъ звѣрей выводятъ на показъ.
Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...
А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
(Онъ выставляется впередъ).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ:
(Загорѣцкій исчезаетъ).
Я отъ него было и двери на запоръ;
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;

Купилъ, онъ говоритъ: чай, въ карты сплутовалъ,
А мнѣ подарочекъ: дай Богъ ему здоровье!

Чацкій, съ хохотомъ Платону Михайловичу.

Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ—пропалъ.

Хлестова.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья.

Вотъ этотъ? Чацкій.

Хлестова.

Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
А помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала,—только мало. *)

---

*) По изданію г. Гарусова, за этими стихами должны слѣдовать приводимые ниже 45 стиховъ.

(Указывая на Платона Михайловича, сидящаго къ ней спиной).

А это что за чучело? Скажи, кто онъ?

Софья.

Натальи Дмитріевны мужъ, Платонъ Михайловичъ.
(Платонъ Михайловичъ оборачивается и кланяется).

Хлестова.

Знаю—А! Здравствуйте! Супруга
Ужъ вѣрно здѣсь: вы неразлучные два друга.

Наталья Дмитріевна (подходя).

Я кланялась, вы не всмотрѣлись.
(Цѣлуются).

Хлестова.

Не мудрено, глаза подъ старость приглядѣлись.
(Наталья Дмитріевна отходитъ).
Ну, вотъ такъ парочка! По чести—заглядѣнье!
(Увидя двухъ княженъ проходящихъ).
Ахъ! Боже мой! Племянница, гляди,
Какъ у второй княжны измято назади...
Какъ выемка низка!—Ну, право, омерзенье!
Ахъ, какъ растрепана она,
Какъ будто дома и одна!
(Мимо проходятъ другія двѣ княжны).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Фамусовъ.

Фамусовъ, громогласно.

Ждемъ князь-Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.

У всѣхъ запачканы, измяты шемизетки.
(Увидя княгиню, ей громко).
я тКнягиня! Какъ прекрасны ваши дѣтки!
Невѣсты, милы всѣ, хоть разомъ подъ вѣнецъ.

Княгиня (въ сторону, съ досадою).

Стара, вѣкъ зла!
(Вслухъ).
Ростутъ.—О, мой Творецъ!
Давно ли я сама...

Хлестова (перебивая).

Мы вмѣстѣ съ вами
Къ вѣнцу шли...

Княгиня (прерывая ее).

Полноте! Ребенкомъ я была.

Хлестова (Софьѣ).

Примѣтно молодится.
(Княгинѣ).
Можетъ, съ нами
Вы завтра? насъ Татьяна Юрьевна звала.

Княгиня.

И насъ звала; мы вмѣстѣ будемъ.
Князь, князь! отмѣть.—Мы, правда, не забудемъ.
(Отходитъ къ гостямъ).

Хлестова (указывая Софьѣ на Скалозуба).

А это кто стоитъ тамъ у колонны.
(Софья, не дослышавъ, отходитъ къ гостямъ).
Какія нынче стали моды,
Конецъ вѣкамъ!—Какія таліи!—Уроды!
Ну, что за галстуки? какъ словно хомуты.
(Увидя графиню-бабушку).
Ну, вотъ какой чепецъ напялила огромный!
Смотри-ка, Сонюшка... Племянница! Гдѣ ты?
(Софья подходитъ).
Взгляни, какъ стянута, въ чемъ держится душа!
Глуха, беззубая, ряба, не хороша...

Гдѣ скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ? онъ человѣкъ замѣтной, —
Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ.

Хлестова.

Творецъ мой! оглушилъ звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же и **Скалозубъ**, потомъ **Молчалинъ**.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣевичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали.
(Подходитъ къ Хлестовой).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова, сидя.

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ...
гренадерскомъ?

Скалозубъ, басомъ.

Въ его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянскомъ мушкатерскомъ?

Давно бы ей пора въ могилу...
А балъ, такъ, вѣрно, въ первыхъ здѣсь.
(Увидѣвъ графиню-внучку).
А внучка... Что за срамъ!—Тьфу!.. вся въ прорѣзь!
Чуть-чуть не голая... Глядѣть-то не подъ силу.
(Обѣ графини подходятъ и кланяются.)
Графиня милая, мой другъ! давненько съ вами
Въ пикетъ, въ имперіалъ мы не играли. Съ нами...
Ахъ! кажется за мной есть маленькій должокъ?
Такъ съ княземъ въ полъ вы, какъ придется,
А послѣ какъ нибудь сочтется.
(Цѣлуетъ графиню-внучку).
Садись, мой миленькій дружокъ!
Какъ ты мила!
Какъ разцвѣла!
(Графинѣ-бабушкѣ).
Графиня, другъ мой! какъ я рада,
Что вижу васъ, божусь... Не вспомнюсь... безъ души...
Живу въ такой глуши,
Друзей увидѣть вся отрада.

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ.

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я посмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу.
(Его и князя уводитъ съ собою).

Хлестова, Софьѣ.

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь, полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ,
Знакомитъ, не спросясь, пріятно ли намъ, нѣтъ-ли?

Молчалинъ, подаетъ ей карту.

Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

Хлестова, встаетъ.

Спасибо, мой дружокъ.

Молчалинъ.

Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ, не болѣе на-
перстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая шерстка!

Хлестова.

Спасибо, мой родной.
(Уходитъ, съ нею Молчалинъ и многіе).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ лицъ, которыя въ продолженіи сцены расходятся.

Чацкій.

Ну! тучу разогналъ!..

Софья.

Нельзя-ль не продолжать?

Чацкій.

Чѣмъ васъ я напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

Софья.

А кончили бы злостью.

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ—
Молчалинъ!—Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во время погладитъ!
Тутъ въ пору карточку вотретъ...
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Софья, потомъ Г. N.

Софья, про себя.

Ахъ! этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ! *)

Г. N. подходитъ.

Вы въ размышленьи?

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

---

*) По берлинскому изданію:
Указывать всѣмъ радъ, завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N.

Ужель съ ума сошелъ?

Софья, помолчавши.

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. N.

Однако есть примѣты?

Софья, смотритъ на него пристально.

Мнѣ кажется.

Г. N.

Какъ можно въ эти лѣты!

Софья.

Какъ быть!
(Въ сторону) Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить, *)
Угодно ль на себѣ примѣрить?
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Г. N., потомъ Г. D.

Г. N.

Съ ума сошелъ!.. Ей кажется! вотъ на!
Не даромъ, стало быть!.. съ чего бъ взяла она!
Ты слышалъ?

Г. D.

Что?

Г. N.

Объ Чацкомъ?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

Съ ума сошелъ.

---

*) По изд. Веселовскаго и Гарусова, долженъ стоять еще стихъ:
Вы никого не любите щадить,

Г. D.

Пустое!

Г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D.

А ты разславить это радъ?

Г. N.

Пойду, освѣдомлюсь; чай, кто нибудь да знаетъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Г. D., потомъ **Загорѣцкій.**

Г. D.

Вѣрь болтуну!..
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?

Г. D.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А! знаю, помню, слышалъ.
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя плутъ...
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. D.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь къ комнатѣ былъ тутъ.

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили.

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ!
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу,—однако, чуръ, секретъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Загорѣцкій, потомъ **Наталья Дмитріевна**.

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная фамилья...
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Нат. Дмитр.

Объ комъ?

Загорѣцкій.

Объ Чацкомъ: онъ въ комнатѣ, сейчасъ, здѣсь былъ.

Нат. Дмитр.

Знаю.
Я говорила съ нимъ...

Загорѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій!..

Нат. Дмитр.

Что?

Загорѣцкій.

Да, онъ сошелъ съ ума!

Нат. Дмитр.

Представьте, я замѣтила сама!
И хоть пари держать: со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ-же, Граф. Бабушка.

Нат. Дмитр.

Ахъ, Боже мой! вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести! вотъ мило!

Гр. Бабушка.

Мой другъ, мнѣ уши заложило;
Скажи погромче...

Нат. Дмитр.

Время нѣтъ!
Il vous dira toute l'histoire...
Пойду, спрошу. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Загорѣцкій, Гр. Бабушка.

Гр. Бабушка.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всѣ эту кутерьму.

Гр. Бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ ранъ.

Гр. Бабушка.

Пошелъ онъ въ басурманы? *)

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь! (уходитъ).

Гр. Бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ?
И онъ бѣжитъ; всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

---

*) По изд. Гарусова, Веселовскаго и Ефремова, этому стиху вредшествуетъ стихъ:

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ!

ЯВЛЕНІЕ XX.

Гр. Бабушка и Князь Тугоуховскій.

Гр. Бабушка.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ
чуть дышетъ!

Князь.

А! хмъ?

Гр. Бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э! хмъ?

Гр. Бабушка.

Въ тюрьму-то, князь, что Чацкаго схватилъ?

Князь.

И! хмъ?

Гр. Бабушка.

Тесакъ ему да ранецъ,
Въ солдаты! Шутка ли—перемѣнилъ законъ!

Князь.

У! хмъ?

Гр. Бабушка.

Да!.. въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.
Охъ! глухота большой порокъ.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ-же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Плат. Мих., Нат. Дм., Гр. Внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ **Фамусовъ** и другіе.

Хлестова.

Съ ума сошелъ! прошу покорно!

Да невзначай! да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Плат. Мих.

Кто первый разгласилъ?

Нат. Дмитр.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

Плат. Мих.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ, входитъ.

О комъ? о Чацкомъ, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.
Попробуй о властяхъ, и не-вѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ
Хоть предъ монаршимъ то лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я: онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Гр. Внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

Нат. Дмитр.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ.

Загорѣцкій.

Безумный по всему.

Гр. Внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня.

О! вѣрно...

Гр. Внучка.

Безъ сомнѣнья.

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ.

Нат. Дмитр.

Бутылками-съ и пребольшими!

Загорѣцкій, съ жаромъ.

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

Фамусовъ.

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда.
Безумныхъ развелось и дѣлъ, и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ одних
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-гическій—такъ, кажется зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи
Профессора!.. У нихъ учился нашъ родня
И вышелъ, хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерьи!

Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ лишь для большихъ оказій.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь:
Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загорѣцкій.

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы напалъ; охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хотя животныя, а все-таки цари!..

Хлестова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно: отъ книгъ ли, отъ питья ль?
А Чацкаго мнѣ жаль.
По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь!

Фамусовъ.

Четыреста!

Хлестова.

Нѣтъ! триста!

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ....

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ! триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ.

Четыреста, прошу понять!

Хлестова.

Нѣтъ! триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ-же и Чацкій.

Нат. Дмитр.

Вотъ онъ!

Гр. Внучка.

Шшъ!

Всѣ.

Шшъ! (Пятятся отъ него въ противную сторону).

Хлестова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ,—потребуютъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо). Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ?

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ!... мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.
(Подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой.

Хлестова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него! (Дѣлаетъ знакъ Софьѣ).
Гмъ, Софья!—Не глядитъ!

Софья, Чацкому.

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ. со страхомъ и слезами:
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца,
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто бы въ отечествѣ, съ друзьями:
Своя провинція.—Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ—
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края»!—
Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья:
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ нибудь съ душей,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ промѣнъ на новый ладъ.
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;

Движенья связаны и не краса лицу!
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!...
Какъ платье, волосы,—такъ и умы коротки!..
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
«Какъ европейское поставить въ параллель
«Съ національнымъ—странно что-то!
«Ну, какъ перевести *мадамъ* и *мадмуазель?*
«Ужли—сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите, тутъ у всѣхъ,
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! прекрасно!
«Сударыня! ха! ха! ужасно!»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый.
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо.
Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье,
И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ.
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—*)
Глядь...
(Оглядывается; всѣ вальсируютъ; старики усѣлись за карты).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

---

*) По редакц. Гг. Веселовскаго и Гарусова, за этимъ стихомъ слѣдуютъ еще три стиха:
Вездѣ его бѣгутъ, вездѣ его страшатся:
Въ привычку всѣмъ вошло умомъ его чуждаться.
Начнетъ онъ разсуждать,
Напрасный трудъ! А глядь...

ДѢЙСТВІЕ IV.

Слабое освѣщеніе. Лакеи—иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Граф. Бабушка и **Внучка**.

Лакей.

Графини Хрюминой карета!

Гр. Внучка, пока ее укутываютъ.

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей созвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта,
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Гр. Бабушка.

Поѣдемъ, матушка! мнѣ право не подъ силу;
Когда нибудь я съ бала, да въ могилу.
(Обѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Горичевы. Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ.

Карета Горичева!

Нат. Дмитр.

Мой ангелъ, жизнь моя!
Безцѣнный, душенька! что смотришь такъ уныло?
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

Плат. Мих.

Наташа, матушка, дремлю въ балахъ я!
До нихъ смертельный неохотникъ,

А не противлюсь: твой работникъ,
Дежурю за полночь, подъ часъ,
Тебѣ въ угодность! Какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ

Нат. Дмитр.

Ты притворяешься, и очень неискусно:
Охота смертная прослыть за старика.
(Уходитъ съ лакеемъ).

Плат. Мих. хладнокровно.

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька!
А кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь, сказано жъ, иному на роду...

Лакей, съ крыльца.

Въ каретѣ барыня, и гнѣваться изволитъ.

Плат. Мих.

Иду, иду!
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Чацкій и его **Лакей** впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали.
(Лакей уходитъ).
Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...
Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ! радость! обнялись!... Пустое!..
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди
Свѣтло, сине, разнообразно;
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый: вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ! чѣмъ больше думать станешь...
(Лакей возвращается).
Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдутъ.

Чацкій.

Пошелъ, ищи,—не ночевать же тутъ. (Лакей уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чацкій и **Репетиловъ.**

Репетиловъ сбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется.

Тьфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель?..
Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сейчасъ... растолковать прошу:
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу—
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть;
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей, ей!..
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
И разразитъ меня Господь!..

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня—естественное дѣло!
Съ другими я и такъ и сякъ,
Съ тобою говорю несмѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Брани меня; я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!..
Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ,
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ;
Танцовщицу держалъ и не одну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! не спалъ ночей по десяти!
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври, да знай же мѣру;
Есть отъ чего въ отчаянье придти.

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! всю ночь не рыщу напролетъ...

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ.

Что, ночь одна не въ счетъ!
За то спроси, гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь:
Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья...
Пожалуста, молчи: я слово далъ молчать...
У насъ есть общество, и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ! братецъ, я боюсь!
Какъ? Въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ,—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ, ну, о матерьяхъ важныхъ.—
Частенько слушаю, не разжимая губъ...
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ!..
Ахъ, Александръ! У насъ тебя недоставало.
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ,—мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми! ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? Домой! я спать хочу.

Репетиловъ.

Э! брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій
Рѣшись, а мы!.. у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ!...

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько? *)

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ!..

Чацкій.

Шумите вы—и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ.
Есть государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло,—
Нельзя же вдругъ!..
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во первыхъ, князь Григорій,—
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка!...
Ты незнакомъ? о! познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? о! диво!
Послушай милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нонъ ла-шьяръ ми, но-но-но».
Еще у насъ два брата:
Левонъ и Боринька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать!

---

*) По редакціямъ Гг. Веселовскаго и Гарусова, тутъ слѣдуетъ еще стихъ:
Ужъ вѣрно изъ какихъ нибудь да пустяковъ?

Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего.
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: *взглядъ* и *нѣчто.*
Объ чемъ бишь *нѣчто?*—обо всемъ. *)
Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,—
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуелистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ,—
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.
Когда жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! есть-ли имъ подобные? Наврядъ.
Ну, между ними я конечно зауряд,
Немножко поотсталъ, лѣнивъ подумать ужасъ!
Однако жъ я, когда умишкомъ понатужусь,
Засяду, часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ-шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся; а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простятъ...

Лакей, у подъѣзда.
Карета Скалозуба!

Репетиловъ.
Чья?

---

*) По редакціямъ Гг. Весселовскаго и Гарусова, слѣдуютъ еще стихи:

Ахъ, это *нѣчто!*... Милый другъ,
Какія мысли, смѣлость, духъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Скалозубъ спускается съ лѣстницы.

Репетиловъ.

А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!
(Душитъ его въ объятіяхъ).

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? (входитъ въ швейцарскую).

Репетиловъ.

Слухъ объ тебѣ давно затихъ;
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? (Ищетъ глазами Чацкаго). Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды! Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:
У князь-Григорія теперь народу тьма;
Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.
Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ—не наскучатъ;
Во первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь! Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ
А пикните,—такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ. *)

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,

*) По редакціямъ Гг. Веселовскаго и Гарусова:

Репетиловъ.

Тебѣ все служба на умѣ!..
Повѣрь, любезный, мнѣ,
Что вашей братіи у насъ есть не одинъ
Полковникъ,—всѣ съ имѣніемъ, служаки,
Грудь въ орденахъ, съ умомъ, рубаки.
Умомъ однимъ лишь красенъ чинъ!
Mon cher, гляди сюда; и проч.

Какъ можетъ быть никто и никогда.
По статской я служилъ; тогда
Баронъ ФонъКлокъ въ министры мѣтилъ.
А я,
Къ нему въ зятья;
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы:
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси,
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ
Съ колоннами, огромный! сколько стоилъ!..
Женился наконецъ на дочери его,
Приданаго взялъ—шишъ, по службѣ,—ничего!
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку,
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми! да легче ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Все пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ нынче важны:
Взгляни-ка въ адресъ-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты—душѣ мытарства...
Лохмотьевъ Алексѣй изрядно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства,
Желудокъ больше не варитъ... *)
(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Репстиловъ и **Загорѣцкій**.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь.
Такой же, какъ и вы, ужасный либералъ!
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!..

---

*) По редакціямъ Гг. Веселовскаго и Гарусова:
Желудокъ больше не варитъ.
Повѣрь, мой другъ, что скоро
Пойдетъ и наше дѣло споро.
(Увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ).
Пустое всѣ чины!... Найдемъ, чего хотимъ.

Репетиловъ, съ досадой.

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ—гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій—вдругъ изчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль. .
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ-же вкусы.

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

Репетиловъ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Репетиловъ, **Загорѣцкій**, **Князь** и **Княгиня съ шестью дочерьми**; немного погодя, **Хлестова** спускается съ парадной лѣстницы; **Молчалинъ** ведетъ ее подъ-руку. **Лакеи** съ суетахъ.

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 Княжна.

Какое жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3 Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы!..

4 Княжна.

Ахъ! вѣсти старыя, кому онѣ ужь новы?

5 Княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣритъ...

6 Княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсье Репетиловъ! вы?—Мсье Репетиловъ! что вы?—
Да какъ вы?—Можно ль противъ всѣхъ!—
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ, затыкаетъ себѣ уши.

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора.
Послушать, такъ его мизинецъ

Умнѣе всѣхъ и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ,—
Вашъ Чацкій... Ѣдемте! Князь, ты везти бы могъ
Катишь или Зизи; мы ѣдемъ въ шестимѣстной.

Хлестова, съ лѣстницы.

Княгиня, карточный должокъ?

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ, другъ другу.

Прощайте.
(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Репетиловъ, **Хлестова** и **Молчалинъ**.

Репетиловъ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ! Чацкій бѣдный!.. вотъ!
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ!

Хлестова.

Такъ Богъ ему судилъ; а впрочемъ,
Полечатъ—вылечатъ авось;
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось.
Изволилъ во время явиться! *)
Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой:

---

*) По редакціямъ Гг. Веселовскаго и Гарусова:
Изволилъ во время явиться!—
Ночные шатуны! Вишь, говорятъ, женаты!..
За чѣмъ пожаловалъ? Чтобъ посмотрѣть, небось,
Красивъ-ли Фамусовъ въ халатѣ:
Всѣ, всѣ разъѣхались.

Репетиловъ.

Браните, бейте! Ахъ,
Анфиса Ниловна! я самъ себя гнушаюсь:
Пустой я человѣкъ, шалунъ и вертопрахъ,
Чистосердечно, слезно каюсь!
Несчастье Чацкаго разительный урокъ,

Не нужны проводы: поди, Господь съ тобой.
(Молчалинъ уходитъ).
Прощайте, батюшка: пора перебѣситься.
(Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ IX. *)

Репетиловъ, съ своимъ лакеемъ.

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда нибудь!
(Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ).

Что не въ большомъ умѣ намъ прокъ.
Дѣтьми займусь—и дѣло будетъ глаже.
Вселю въ нихъ Божій страхъ: и съ завтрашняго дня-же
Остепенюсь,—моя жена
Ужъ болѣе не ляжетъ спать одна.

Хлестова.

Такъ видно никогда бѣдняжкѣ не ложиться!—
Молчалинъ и проч.

*) По редакціямъ Гг. Веселовскаго и Гарусова:

ЯВЛЕНІЕ IX.

Репетиловъ со своимъ **Лакеемъ**.

Репетиловъ.

Не удалось!—Къ несчастью опоздалъ.
Вотъ эта намъ была бъ подъ масть:
Заговоритъ, не дастъ пропасть.
Ужъ язычекъ! ужъ бабушка пахалъ!..
Ахъ бѣдный Чацкій! Что съ тобою?
Неужли вправду говорятъ?..
Какъ жаль!.. Съ такою головою
Для нашего собранья—кладъ.
А Загорѣцкій?.. Сомнѣваюсь,
Едва-ли бы онъ нашимъ сталъ...
Вотъ какъ-бы Скалозубъ! А дай-ка попытаюсь...
Ума въ немъ нѣтъ, да золотой каналъ.
(Подумавъ).
Куда теперь, и проч.

ЯВЛЕНІЕ X.

Чацкій, выходитъ изъ швейцарской.

Что это? слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ—какъ словно торжество,
Другіе будто сострадаютъ...
О! если бъ кто въ людей проникъ: *)
Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ,
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній пріѣздъ,
Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ.
А Софья знаетъ ли?—Конечно, разсказали.
Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась,—и правда, или нѣтъ—
Ей все равно: другой ли, я ли;
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?
Нервъ избалованность, причуда?
Возбудитъ малость ихъ и малость утишитъ...
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей,—ни крошки!
Она конечно бы лишилась также силъ,

*) Этотъ и слѣдующіе пять стиховъ, имѣютъ слѣдующій варіантъ, напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 года.
О, праздный, жалкій, мелкій свѣтъ!
Не надо пищи,—сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье,
Глупецъ повѣритъ, передастъ:
Старухи, кто во что гораздъ,
Тревогу бьютъ... И вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва!.. Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ—глыба, этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ;
Гулъ, грохотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность...
Но что̀ это въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой, чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой!
И вотъ та родина, и проч.

Когда бы кто нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки.

Софья, надъ лѣстницей во второмъ этажѣ, со свѣчкою.

Молчалинъ, вы? (Поспѣшно запираетъ опять дверь).

Чацкій.

Она! она сама!
Ахъ! голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
Явилась—нѣтъ ее! неужели въ видѣньи?
Не впрямь ли я сошелъ съ ума?...
Къ необычайности я точно приготовленъ;
Но не видѣнье тутъ—свиданья часъ условленъ,
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина,—вотъ комната его!

Лакей, съ крыльца.

Каре...

Чацкій, выталкиваетъ его вонъ.

Ссъ!.. Буду здѣсь, и, не смыкая глазу,
Хоть до утра. Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше сразу,
Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется. (Прячется за колонну).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Чацкій спрятанъ; **Лиза** со свѣчкой.

Лиза.

Ахъ! мочи нѣтъ! робѣю:
Въ пустыя сѣни! въ ночь!.. Боишься домовыхъ,
Боишься и людей живыхъ!
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
Ей Чацкій, какъ бѣльмо въ глазу...
Вишь, показался ей онъ гдѣ-то, здѣсь внизу.
(Осматривается).
Да, какъ же! по сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ, чай, давно ужъ за ворота
Любовь на завтра поберегъ,
Домой—и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
(Стучится къ Молчалину).

Послушайте-съ! Извольте-ка проснуться:
Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!..
Да поскорѣй, чтобъ не застали.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чацкій, за колонною, **Лиза, Молчалинъ** потягивается и зѣваетъ, **Софья** крадется съ верху.

Лиза.

Вы, сударь, камень! сударь, ледъ!

Молчалинъ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ.

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ
Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди!
Надежды много впереди:
Безъ свадьбы время проволочимъ!

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого жъ
Себѣ въ мужья другаго прочимъ?

Молчалинъ.

Не знаю. А меня такъ разбираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ разъ
Когда нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато!
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его...
Мой ангельчикъ! желалъ бы въ половину
Къ ней то-же чувствовать, что чувствую къ тебѣ...
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну.

Софья, въ сторону.

Какія низости!

Чацкій, за колонною.

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ,
Во первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику,—для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?
Пойдемте же,—довольно толковали.

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали.
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты.
(Лиза не дается).
Зачѣмъ она не ты!
(Хочетъ идти, Софья не пускаетъ его).

Софья, почти шопотомъ; вся сцена въ полголоса.

Нейдите далѣе!.. Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ!.. Софья Павловна...

Софья.

Ни слова, ради Бога!
Молчите,—я на все рѣшусь!

Молчалинъ, бросается на колѣна, Софья его отталкиваетъ.

Ахъ! вспомните... не гнѣвайтеся! взгляните!..*)

Софья.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминанія—какъ острый ножъ онѣ...

Молчалинъ, ползаетъ у ногъ ея.

Помилуйте!..

Софья.

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость!.

Софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Молчалинъ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего, окромѣ...

---

*) По редакціямъ Гг. Веселовскаго и Гарусова слѣдуетъ еще пол-стиха.

Сердиться перестаньте.

Софья.

Отстаньте, говорю! Сейчас,*)
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ!
(Молчалинъ встаетъ).
Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала!..
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать—не стоите вы ихъ!..
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

Софья.

Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ, съ досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите... Стойте!.. Будьте рады,
Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во правѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала;
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давича, когда я въ обморокъ упала,—
Здѣсь Чацкій былъ.

Чацкій, бросается между ними.

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и **Софья.**

Ахъ! Ахъ!...
(Лиза роняетъ свѣчку съ испуга; Молчалинъ убѣгаетъ въ свою комнату).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же, кромѣ **Молчалина.**

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ!—теперь оно въ порядкѣ:
Важнѣе давишней причина есть къ тому.

---

*) По редакціямъ Гг. Весселовскаго и Гарусова:
Да встаньте жъ, говорю!.. Сейчасъ, и проч.

Вотъ наконецъ рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ:
Глядѣлъ и видѣлъ—и не вѣрилъ!
А *милый*, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.
Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой—гонительца, бичъ!
Молчалины—блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья, въ слезахъ.

Не продолжайте; я виню себя кругомъ!..
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ
коваренъ!

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой! сюда бѣжитъ весь домъ,
Вашъ батюшка! вотъ будетъ благодаренъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-же, Фамусовъ, и толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда, за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя все лица!
Дочь!.. Софья Павловна! срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять она,
Какъ мать ея, покойница жена:
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врозь—ужъ гдѣ нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ, чѣмъ онъ тебя прельстилъ?..
Сама его безумнымъ называла!
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ!

Чацкій, Софьѣ.

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти: не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь—не повѣрю!

Ты, Филька! ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!..
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ, и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая, все отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій Мостъ, наряды, да обновы:
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дни два терпѣнія возьми,
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми:
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.
А васъ, сударь, прошу я толкомъ:
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюся, въ набатъ я пріударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ
И оглашу во весь народъ!
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю...

Чацкій.

Не образумлюсь... виноватъ! *)
И слушаю—не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю...

---

*) Варіанты монолога Чацкаго:

1) По первоначальной редакціи, напечатанной впервые въ изданіи Г. Веселовскаго:

Я передъ вами виноватъ.
Не знаю, почему васъ съ тѣми ставилъ въ рядъ,
Которымъ, впрочемъ, здѣсь найдутся сотни равныхъ.
Искательницъ фортунъ и жениховъ чиновныхъ,
Которымъ красотой едва дано разцвѣсть.

Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ! Вотъ счастье, думалъ,
близко!
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко

Ужъ глубоко натвержено искусство:
Не сердцемъ поискать, а взвѣсить и разсчесть.
И продавать себя въ замужство.
Вы выше этого. По васъ такой, чтобъ былъ
Немножко простъ и очень милъ,
Чтобъ вы могли его и въ возрастѣ бы зрѣломъ
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга изъ женииныхъ пажей,—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Но, Боже мой, кого себѣ избрали?
Когда размыслю я, кого вы поискали!
За что меня вы завлекли,
Повергли въ бездну золъ, мученій и печали?..
Слѣпецъ! и т. д.
2) По изд. Берлинскому, Приваловскаго и Тиблена:
Не образумлюсь, виноватъ!
Не знаю, какъ я не впопадъ
Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ
Искательницъ фортунъ и жениховъ чиновныхъ,
Которой красотѣ едва дано разцвѣсть,
Глубоко ужъ натвержено искусство,
Не сердцемъ поискать, а взвѣсить и разсчесть,
И торговать собой въ замужство!
Нѣтъ, нѣтъ! ошибся я! намѣченъ былъ у васъ
Любовникъ миленькій, котораго подъ часъ
Могли-бы, не смотря, что въ возрастѣ онъ зрѣломъ,
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ:
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женииныхъ пажей.—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!..
Но, Боже мой, кого себѣ избрали?
Когда размыслю я: кого вы предпочли?
Зачѣмъ меня взманили, завлекли,
Повергли въ бездну золъ, мученій и печали?..
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?..
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ... Вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давича, такъ страстно и такъ низко,
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!..
Но, что! наказаны всѣ горемъ справедливымъ...
(Фамусову).
А вы, сударь, отецъ! Вы жертвуйте чинамъ,
Собой и дочерью... желаю быть счастливымъ! *)
Я сватаньемъ моимъ, и проч.

---

*) По изданію Г. Тиблена, эти два стиха читаются такъ:
А вы, сударь, отецъ,—вы страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ

Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы, о, Боже мой! *кого* себѣ избрали?
Когда подумаю, *кого* вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ?
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки—все противно:
Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ...
(Насмѣшливо).
Вы помиритесь съ нимъ, по размышленьи зрѣломъ.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ;
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей —
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ;
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было сряду,
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ: мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разскащиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,

Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.
Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!
(Быстро уходитъ; Фамусовъ долгое время стоитъ въ остолбенѣнiи).

ЯВЛЕНIЕ XV.

Тѣ-же, кромѣ **Чацкаго**.

Фамусовъ.

Ну, что? Не вѣришь ты, что онъ съ ума сошелъ?
Скажи серьезно?
Безумный! что онъ тутъ за чепуху мололъ!
«Низкопоклонникъ! тесть!» и про Москву такъ грозно!
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна:
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна.

КОНЕЦЪ.

Отдѣлъ II.

МЕЛКІЯ СТАТЬИ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

О кавалерійскихъ резервахъ *).

Блистательныя событія прошедшей войны обращали на себя всеобщее вниманіе и не давали публикѣ времени для наблюденій побочныхъ, но между тѣмъ важныхъ причинъ, которыя способствовали къ успѣхамъ нашего оружія. Къ онымъ, конечно, принадлежатъ резервы — сіе мудрое учрежденіе вѣнценоснаго нашего героя. Сей разсадникъ юныхъ воиновъ, который единственно дѣлалъ, что войско наше, послѣ кровопролитныхъ кампаній 1812 и 1813 годовъ, послѣ дорого-купленныхъ побѣдъ, какъ фениксъ, возставало изъ пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнскихъ поляхъ и явить грозное лицо свое въ столицѣ непріятеля.

Буду говорить только о формированіи кавалеріи, ибо самъ былъ очевидцемъ, дивился быстротѣ хода его, трудностямъ, съ коими оно сопряжено, и неусыпнымъ стараніямъ командующаго сею частію, который въ точности оправдалъ слова Великаго нашего Государя, изъявившаго ему во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ **), «что не нашелъ инаго, коему бы можно было ввѣрить столь важную часть». Все сіе усмотритъ читатель изъ обозрѣнія кавалерійскихъ резервовъ, которое я постараюсь сдѣлать какъ можно внятнѣе и короче, не входя въ излишнія подробности.

---

*) Мы получили эту статью изъ Брестъ Литовска при слѣдующемъ письмѣ:

«Прошу васъ покорно, милостивый государь, помѣстить слѣдующую статью «О кавалерійскихъ резервахъ» въ вашемъ журналѣ. Чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ болѣе обяжете меня и всѣхъ моихъ здѣшнихъ сослуживцевъ. Кажется, что это не противъ плана вашего изданія, не думаю также, чтобы читатели меня упрекали въ сухости. Они находили въ «Вѣстникѣ» извѣстія о доходахъ, расходахъ и долгахъ Франціи и другихъ націй: неужели государственная экономія ихъ отечества менѣе стоитъ вниманія. Честь имѣю пребыть и проч...

Грибоѣдовъ.

**) 14 іюня 1813 года изъ деревни Петервальде, въ Селизіи.

18 октября 1812 года получилъ генералъ отъ кавалеріи Кологривовъ рескриптъ о принятіи его въ службу и повелѣніе приготовить въ Муромѣ 9,000 кавалеріи и по два эскадрона для каждаго гвардейскаго полка. Формированіе, возложенное прежде на генерала графа Толстова, не было еще начато по многимъ важнымъ причинамъ: ни людей, ни лошадей, ни матеріаловъ для обмундировки, ниже какихъ необходимыхъ пособій не было. Едва начали собираться толпы рекрутъ, какъ былъ сказанъ походъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а не доходя до мѣста получено было повелѣніе идти на Могилевъ Бѣлорусскій. Между тѣмъ планъ формированія перемѣненъ и сдѣланъ гораздо обширнѣе. Повелѣно было сформировать для каждаго армейскаго полка по два эскадрона изъ 200 нижнихъ чиновъ. Въ Могилевѣ, однако, все болѣе и болѣе приходило въ устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съѣзжаться офицеры, которые всѣ, подстрекаемые духомъ достойнаго ихъ начальника, пылали благороднымъ соревнованіемъ, чтобы споспѣшествовать къ славѣ дѣйствующей арміи, и доказательство сему не двусмысленно. Въ началѣ марта 1813 года зачали поступать рекруты и лошади, въ исходѣ того же мѣсяца сѣдла и ружья, а въ началѣ апрѣля выступили въ армію 14 и вслѣдъ за сими 32 эскадрона, готовые въ строгомъ смыслѣ. Потомъ вся резервная кавалерія двинулась къ Слониму, и едва успѣла туда вступить, какъ уже выслано 10 гвардейскихъ эскадроновъ, являющихъ видъ всадниковъ испытанныхъ, закоснѣлыхъ въ военномъ ремеслѣ, и кои вскорѣ сдѣлались ужасными непріятелю. Такъ! въ толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусникъ не былъ бы вправѣ ничего требовать, кромѣ нѣкотораго навыка въ обращеніи съ лошадьми, возникли сіи съ блестящей наружностью искусные въ построеніяхъ и всѣмъ отличные, достойные тѣлохранители Великаго! Но что? Одобреніе Его Величества, по прибытіи ихъ во Франкфуртъ, есть несомнѣнный знакъ ихъ достоинства.

Изъ Слонима перешли всѣ кавалерійскіе резервы въ Брестъ-Литовскій, и оттолѣ отправлялись ежемѣсячно въ дѣйствующую армію по десяти, двѣнадцати, двадцати, а въ разныя времена отъ августа до января пошло въ армію 113, нынѣ же въ готовности 150 эскадроновъ. И такъ въ пятнадцать, а съ настоящаго формированія въ двѣнадцать мѣсяцевъ образовалось 65,000 кавалеріи.

Кто когда-либо служилъ въ кавалеріи; кто хоть малѣй-

шее имѣетъ понятіе о трудностяхъ сей службы: кто приведетъ себѣ на память, что прежде сего одинъ конный полкъ формировался цѣлыми годами; кто вспомнитъ, въ какое смутное время кавалерійскіе резервы воспріяли свое начало, кто расчислитъ, какія запутанности встрѣчаются при началѣ всякаго важнаго и огромнаго государственнаго дѣла; кто взвѣситъ обстоятельства, коихъ не въ силахъ отвратить никакая предусмотрительность, напримѣръ: отдаленность губерній, изъ коихъ приводятся лошади, порча ихъ на дорогѣ, неопытность иныхъ гражданскихъ чиновниковъ, коимъ поручено было въ губерніяхъ принимать, разбирать, отводить ремонты, и такъ далѣе; кто, притомъ, знаетъ, чего стоитъ въ кроткаго земледѣльца внушить духъ бранный, чего стоитъ заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы пріучить къ непреклоннымъ воинскимъ уставамъ: тотъ, конечно, подивится многочисленной и отборной конницѣ, образованной въ столь короткое время, въ безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста, на походѣ отъ Оки до Буга (2,000 верстъ), по краямъ, опустошеннымъ непріятелемъ; подивится войску, ополченному въ случайностяхъ войны, какъ бы въ тишинѣ мира, подъ сѣнію котораго рѣдко что требуется къ спѣху и дается времени столько, сколько потребно для совершенія нужнаго дѣла.

Къ вящшему доказательству, какъ успѣшно формировалась кавалерія, служитъ конница польской арміи, стоявшая подъ Гамбургомъ, равно какъ и большая часть бывшая во Франціи, которая вся составлена генераломъ Кологривовымъ; притомъ эскадроны изъ новообразованныхъ, которые принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти всѣ отличились. Для примѣра упомянемъ о Павлоградскомъ гусарскомъ, который, составленный весь изъ рекрутъ и не доходя еще до своего назначенія, въ одной сшибкѣ съ непріятелемъ, разбилъ его на - голову и взялъ 200 нижнихъ чиновъ въ плѣнъ; также и Сумской ударилъ одинъ на два эскадрона и обратилъ ихъ въ бѣгство, имѣя въ виду сильное непріятельское подкрѣпленіе. Теперь, обозрѣвъ быстрое и успѣшное формированіе, займемся другимъ, не менѣе важнымъ предметомъ.

Утихла буря на политическомъ горизонтѣ; уже не отзываются громы ея, и миръ, какъ благотворный лучъ солнца, озаряетъ гражданскую дѣятельность; истинный патріотъ, непомышлявшій о своемъ стяжаніи тогда, когда отечество, удрученое бѣдствіями, взывало къ нему, нынѣ въ мирномъ

досугѣ разсчитываетъ убытки, претерпѣнные государствомъ. Убытки сіи неизбѣжны въ военное время. Но скажемъ, къ успокоенію людей, пекущихся о народномъ благосостояніи, что кавалерійскіе резервы, относительно къ огромности сего учрежденія, весьма мало стоили казнѣ не по одному только безкорыстію командующаго этою частію: (я не хочу вѣрить, чтобы какой-нибудь русскій чиновникъ помыслилъ о личныхъ своихъ выгодахъ, особенно въ то время, какъ дымилась еще кровь его собратій па отеческихъ поляхъ), нѣтъ! Но не мудрено было бы ему, единственно занятому важнымъ порученіемъ, и простительно даже не имѣть вниманія къ экономическимъ разсчетамъ, повидимому несовмѣстнымъ съ пылкимъ духомъ ревностнаго военачальника. Отдадимъ справедливость генералу Кологривову, что онъ во всякое время умѣлъ сливать воинскую дѣятельность съ соблюденіемъ государственной экономіи, и покажемъ это на опытѣ.

Въ Муромѣ дѣлались заготовленія провіанта и фуража на 12,000 человѣкъ и 90,812 лошадей. Генералъ Кологривовъ, по прибытіи своемъ туда, прекратилъ это, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло придти въ одно время и содержаться въ одномъ мѣстѣ. Послѣдствія оправдали принятыя имъ мѣры; ибо резервы перемѣнили квартиры, а безполезныя заготовленія продались бы съ публичнаго торгу гораздо дешевле, чѣмъ стоили казнѣ: такимъ образомъ сбережено болѣе полумилліона казенной суммы.

Военнымъ министерствомъ назначено было употребить вольныхъ ремесленниковъ для скорѣйшаго обмундированія нижнихъ чиновъ, и для дѣланія конскаго прибора. Это оказалось ненужнымъ: хозяйственными распоряженіями, употребленіемъ своихъ мастеровъ и пріученіемъ наиболѣе къ ремеслу рекрутъ, все сдѣлано равно поспѣшно, а казенныя издержки уменьшены болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей.

Съ самаго начала формированія приводились лошади не только въ изнуреніи, но и въ болѣзняхъ; должно было продавать ихъ съ публичнаго торгу. Но генералъ Кологривовъ, почитая всегда священнѣйшею обязанностью пещись о сохраненіи государственной пользы, завелъ на свой счетъ конскій лазаретъ, въ коемъ лошади по большей части вылѣчиваются и обращаются на службу. Основаніе и содержаніе этого заведенія не стоитъ казнѣ ничего, кромѣ корма лошадямъ.

Скажу еще одно слово о продовольствіи войска, объ этой необозримой части государственныхъ расходовъ. Вездѣ, гдѣ

только стояла резервная кавалерія, не только не допускали возвышаться справочнымъ цѣнамъ, но и значительно понижали ихъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ послѣ непріятеля сами жители во всемъ нуждались. Польза, проистекавшая отъ того для казны, можно сказать неисчислима; ибо только во время пребыванія кавалерійскихъ резервовъ въ Брестскомъ и сосѣдственныхъ повѣтахъ уменьшеніе казенныхъ издержекъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ.

Впрочемъ, нельзя упомнить всѣхъ случаевъ, въ коихъ генералъ Кологривовъ отвращалъ по возможности ущербъ, который могла претерпѣть казна. Конечно, должно бы болѣе сказать о ревности его къ службѣ, объ извѣстной опытности, о невѣроятныхъ его стараніяхъ и о чудесной дѣятельности, но онъ, сколько я знаю, не любитъ небереженныя, хотя правдивыя, хвалы; касательно же до читателей, вѣрно всякій благоразумный человѣкъ, который приложилъ вниманіе къ этой статьѣ, со мною вмѣстѣ скажетъ: хвала чиновнику, точному исполнителю своихъ должностей, радѣющему о благѣ общемъ, заслуживающему признательность соотечественниковъ и милость государя! Хвала мудрому Государю, умѣющему избирать и цѣнить достойныхъ чиновниковъ!

Письмо изъ Бреста-Литовска къ издателю «Вѣстника Европы».

Іюня 26 дня 1814 г.
Брестъ.

Позвольте доставить вамъ нѣкоторое свѣдѣніе о праздникѣ, который давали командующему кавалерійскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель Вѣстника Европы долженъ въ немъ принять участіе; ибо ручаюсь, что въ Европѣ немного начальниковъ, которыхъ столько любятъ, сколько здѣшніе кавалеристы своего.

Поводомъ къ празднеству было награжденіе, полученное генераломъ Кологривовымъ; ему пожалованъ орденъ святаго Владиміра 1-ой степени. Неподражаемый Государь нашъ на высочайшей степени славы, среди торжества своего въ Парижѣ, среди восторговъ удивленнаго свѣта, среди безчисленныхъ и безпримѣрыхъ трофеевъ, помнитъ о ревностныхъ, достойныхъ чиновникахъ и щедро ихъ награждаетъ. При первомъ объявленіи о монаршей милости любимому начальнику, приближенные генералы условились торжествовать радостное происшествіе, и назначили на то день 22 іюня. День былъ прекрасный, утро, смѣю сказать, піитическое.

Такъ, день желанный возсіялъ,
И къ генералу строй предсталъ
Піитовъ всякаго сословья;
Одинъ стихи ему кладетъ
Въ карманъ, другой подъ изголовье;
А онъ—о доброта! какой примѣровъ нѣтъ,
Всѣ оды принимаетъ,
Читаетъ ихъ—и не зѣваетъ

Нѣтъ; онъ былъ тронутъ до глубины сердца и, подобно всѣмъ, дивился, сколько стихотворцевъ образовала искренняя

радость. Вотъ приглашеніе, которое онъ получилъ отъ всего дежурства:

Вождь, избранный Царемъ
Къ трудамъ, Отечеству полезнымъ!
Се новымъ грудь твою лучемъ
Монархъ нашъ озаряетъ звѣзднымъ.
Державный сей герой,
Смиривъ крамолу
И мечъ склоняя долу,
Являетъ благость надъ тобой,
Воспомянувъ твои заслуги неизсчетны:
Тогда, какъ разрушалъ онъ замыслы навѣтны.
И ты перуны закалялъ,
Отъ коихъ міръ весь трепеталъ;
Тобою внушены кентавры,
Что нынѣ пожинали лавры,
И въ вихрѣ смерть несли врагамъ.
Царь помнитъ то—и радость намъ!
Скорѣе осушимъ, друзья, заздравны чаши!
А ты приди, узри, вкуси веселья наши
Межъ окружающихъ сподвижниковъ твоихъ,
Не подчиненныхъ зри—друзей, сыновъ родныхъ.
Въ кругу приверженцовъ, въ кругу необозримомъ,
Ты радость обрѣтешь въ сердцахъ,
Во взорахъ, на устахъ.
Блаженно славнымъ быть, блаженнѣй быть любимымъ!

Все это происходило въ верстѣ отъ Бреста, на дачѣ, гдѣ генералъ имѣетъ обыкновенное пребываніе; множество офицерства явилось съ поздравленіями; потомъ поѣхали на мѣсто, гдѣ давали праздникъ—одни, чтобы посмотрѣть, другіе, чтобъ докончить нужныя приготовленія.

Есть въ Бугѣ островъ одинокой:
Его восточный мысъ
Горою надъ рѣкой нависъ,
Заглохъ въ травѣ высокой,
(Преданья гласъ такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные тамъ нынѣшней порой;
Преданье кажется мнѣ сказкой между нами.
Хоть вѣрю набожно я древности сѣдой;
Нѣтъ, для окоповъ сихъ отцы не знали мѣста,

Сражались, били, шли впередъ.
А впрочемъ, лѣтописи Бреста
Пусть.................разберетъ.)
Усадьбы, города и села,
И возвышенности и долы
Съ горы рисуются округъ,
И стелется внизу межъ водъ прекрасный лугъ.
На семъ избранномъ мѣстѣ,
При первой ликованья вѣсти,
Подъялись сотни рукъ:
Сѣкиръ и заступовъ вездѣ былъ слышенъ стукъ.
Едва-ль румянила два раза сводъ небесный
Аврора утренней порой—
Все воспріяло видъ иной,
Видъ новый, видъ прелестный,
Творенье феиной руки.
Гдѣ были насыпи—пестрѣлись цвѣтники,
А гдѣ темпѣли кущи—
Явились просѣки, къ веселію ведущи,
Къ красивымъ, убраннымъ шатрамъ,
Раскинутымъ небрежно по холмамъ.
Въ срединѣ ихъ, на возвышеньѣ,
Стояли свѣтлые чертоги угощенья;
Изъ оконъ видѣнъ ихъ
Въ лугу разбитый станъ для воиновъ простыхъ.
На темѣ острова былъ къ небу флагъ возвышенъ,
Чтобъ знакъ веселія узрѣть со всѣхъ сторонъ,
И жерловъ рядъ поставленъ,
Чтобъ радости отзывъ вездѣ былъ слышенъ.
На скатѣ-жъ, гдѣ приступенъ валъ,
Одинъ лишь входъ удобный,
И городъ гдѣ являлъ
Картинѣ видъ подобный,
Воздвигнули врата искусною рукой
Изъ копій, связанныхъ цвѣтами,
И укрѣпили ихъ въ полукругѣ надъ столпами,
Унизанными осокой.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала:
Подзорами оружіе снабдила;
Потомъ веселость въ нихъ вошла.

Въ три часа пополудни всѣ приглашенные на праздникъ офицеры съѣхались; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія

генерала. Наконецъ вздернутый кверху флагъ и пушечные залпы возвѣстили приближенiе его. Онъ ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый болѣе 50 офицеровъ. Мнѣ бы весьма хотѣлось описать вамъ въ стихахъ блескъ этого шествiя, блескъ воинскихъ нарядовъ; къ несчастью, никакъ не могъ прибрать риѳмы для лядунокъ и киверовъ, итакъ пусть будетъ это въ прозѣ. Но то, чего не въ силахъ выразить никакая поэзiя, была встрѣча генерала на мосту, нарочно для этого дня наведенному, гдѣ онъ, при громѣ пушекъ и нѣсколькихъ оркестровъ, при радостныхъ восклицанiяхъ, съ восторгомъ былъ принятъ военными хозяевами и гостями. Слезы душевнаго удовольствiя полились изъ глазъ его и всѣхъ предстоящихъ. Онъ нѣсколько времени стоялъ безмолвенъ, удивленъ, обрадованъ, растроганъ, потомъ взошелъ, или, лучше сказать, внесенъ былъ окружающею толпою въ трiумфальныя врата.

Сей входъ отличiямъ условнымъ былъ рубежъ;
Но случай подшутилъ, и что-жъ?
Кто чиномъ высшимъ украшался,
И доблестями тотъ отличнѣй всѣхъ являлся.

Взошедъ въ галерею, онъ былъ еще привѣтствуемъ стихами; но я ихъ здѣсь не помѣщу оттого, что не спросился у кавалериста сочинителя. Потомъ генералъ пошелъ на возвышенiе и нѣсколько времени восхищался рѣдкими живописными видами. На валу шатры, кои бѣлѣлись между березками; у подошвы горы лугъ, гдѣ разбитъ былъ лагерь; рѣка Бугъ, обтекающая все мѣсто празднества, мѣстечко Тересполь и другiя селенiя въ отдаленности; толпа народа на мостахъ и на берегу, взирающаго съ удивленiемъ на пышный, невиданный имъ праздникъ—все плѣняло взоръ наблюдателя, все приводило въ изумленiе. Вдругъ запѣли на сей случай сочиненную солдатскую пѣснь, и разгласилось на лугу троекратное ура! Послѣ чего всѣ были созваны къ обѣду. Столы въ галереѣ и въ палаткахъ были накрыты на 300 кувертовъ.

Ужъ запахомъ къ себѣ манили яствы,
Литавры грянули—и новыя прiятства.
Обѣдъ сближаетъ всѣхъ,
Съ нимъ водворяется въ собранье сто утѣхъ.
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, прiязнь, непрунужденность

И, словомъ вамъ сказать,
Всѣ радости сошлись насъ угощать.
Когда же, при трубахъ, барабанахъ,
Заискрилось шампанское въ стаканахъ,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зардѣлось,
У всякаго лицо отъ нектара краснѣлось:
Но стихотворецъ тутъ перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велитъ лучше пить вино, чѣмъ описывать, какъ пьютъ, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вамъ говорить о различныхъ сластяхъ и пышностяхъ стола, который, само собою разумѣется, былъ весьма великолѣпенъ: 300 человѣкъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ были угощены какъ нельзя лучше, нельзя роскошнѣе, нельзя веселѣе.

И гости всѣ едва-ли
Изъ-за обѣда встали.
Взялись за пѣсни, остроты:
Тутъ изліянія сердечны
Рѣкою полились: всѣ въ радости безпечны!
Болтливость пьянаго есть признакъ доброты;
Піиты-же, какъ искони, доселѣ
Всѣхъ болѣе шумѣли.
Не отъ вина—нѣтъ: на бѣду
Всегда они въ чаду:
Имъ голову кружитъ другое упоенье—
Сестеръ парнасскихъ вдохновенье.

Не думайте, однакожъ, чтобъ забвеніе всего овладѣло шумнымъ обществомъ—нѣтъ; забывали важныя дѣла, скуку, горести, непріятности, но не забывали добродѣтель:—она сопутница чистой радости, и въ эти часы, когда сердце всякаго было на языкѣ и душа отверзта для добрыхъ впечатлѣній, открылась подписка въ пользу госпиталя и бѣдныхъ всякаго званія. На этотъ предметъ собрано 6,500 рублей.

Такъ посвящали мы—честь нашему собранію!
Забавамъ часъ, другой же состраданью.

Время было тихое, благопріятное для прогулки. Сѣрая мгла, нависшая на небѣ, предохранила отъ лѣтняго жара; всѣ разсыпались по валу, между тѣмъ пушечная пальба, хоры музыкантовъ и пѣсенниковъ не умолкали ни на пять ми-

нутъ. Мало-по-малу стало смеркаться, и подъ вечеръ пригласили всѣхъ на противоположную сторону острова. Зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое разстояніе, все въ глазахъ ихъ перемѣнилось; исчезли за кустами и пригорками шатры, галерея и все мѣсто празднества; явилась природа въ дикости: грозные утесы, глубокіе рвы, по ту сторону рѣки сельская картина, луга и рощи возбуждали пріятное удивленіе, прежнія сцены казались призракомъ. Къ общей радости нашли тамъ множество дамъ, которыхъ присутствіе, конечно, есть первое украшеніе всякаго праздника.

Ихъ взоры нѣжные шумливость укрощаютъ
И грустныя сердца къ веселью возбуждаютъ.

Нѣсколько ракетъ возвѣстили начало фейерверка. Онъ былъ прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искусственнаго огня горѣло вензелевое имя генерала и владимірская звѣзда. Амфитеатръ, гдѣ сидѣли зрители, сдѣланъ былъ изъ уступовъ горы при выходѣ оттуда, а весь островъ былъ уже иллюминованъ. Дамы и офицеры смѣшались вмѣстѣ; въ галереѣ начались танцы; въ полночь былъ ужинъ. Генералъ до разсвѣта принималъ участіе въ праздникѣ, потомъ возвратился домой, сопровождаемый такими же чувствами, тѣми же отголосками любви и приверженности, съ какими былъ встрѣченъ. Онъ въ сей день являлъ любезнаго начальника, пріятнаго гостя и чувствительнаго человѣка. Есть праздники, которые на другой же денъ забываютъ оттого, что даются безъ цѣли или цѣль ихъ пустая. Въ столицахъ видѣнъ блескъ, въ городахъ полубоярскія затѣи: но праздникъ, въ коемъ участвуетъ сердце, который украшали пріязнь, благотворительность и другія душевныя наслажденія, такой праздникъ оставляетъ по себѣ надолго неизгладимыя воспоминанія.

Философы въ ученомъ заточеньи!
Защитники уединенья!
Нашъ посѣтите станъ, когда вамъ есть досугъ.
Здѣсь узрите вы дружный, братскій кругъ,
Начальника, отца обширнаго семейства.
Коль надобно—на смерть идутъ;
Не нужно—праздники даютъ.
У васъ какъ-будто чародѣйство:
Отъ книгъ нейдете вы на часъ.

Минута дорога для васъ:
А мы на дней не ропщемъ скоротечность:
Они не истекутъ, доколѣ мы живемъ;
А тамъ настанетъ вѣчность,
Такъ дней не перечтемъ.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Намъ стоитъ 10,000 рублей, кромѣ фейерверка. Кончая мою реляцію, желаю вамъ также веселиться, какъ я веселился 22-го іюня, съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю и проч.

Александръ Грибоѣдовъ.

P. S. Посылаю вамъ 1000 рублей для бѣдныхъ, которыхъ такъ много послѣ пожара Москвы. Въ отдаленности отъ любезнаго отечественнаго края, намъ неизвѣстно, какія частныя лица наиболѣе терпятъ отъ бѣдности. Полагаемся на васъ. Конечно заступникъ неимущихъ лучше всѣхъ знаетъ, кому нужна помощь.

О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровской баллады «Ленора».

Я читалъ въ Сынѣ Отечества балладу: «Ольга» и на нее критику, на которую сдѣлалъ свои замѣчанія.

Г-ну рецензенту не понравилась «Ольга»: это еще не бѣда, но онъ находитъ въ ней безпрестанныя ошибки противъ грамматики и логики,—это очень важно, если только справедливо: сомнѣваюсь, подлинно-ли оно такъ; дерзость меня увлекаетъ еще далѣе: посмотрю, каковъ логикъ и грамотѣй самъ сочинитель рецензіи!

Г. Жуковскій, говоритъ онъ, пишетъ баллады, другіе тоже, слѣдовательно эти другіе или подражатели его, или завистники. Вотъ образчикъ логики г. рецензента. Можетъ быть, иные не одобрятъ оскорбительной личности его заключенія; но въ литературномъ быту то-ли дѣлается? Г. рецензентъ читаетъ новое стихотвореніе; оно не такъ написано, какъ бы ему хотѣлось; за то онъ бранитъ автора, какъ ему хочется, называетъ его завистникомъ, и это печатаетъ въ журналѣ и не подписываетъ своего имени.—Все это очень обыкновенно и уже никого не удивляетъ.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и съ родни его логикѣ: она, наприм., никакъ не допускаетъ, чтобъ

> Рать подъ звонъ колоколовъ
> Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Вступать въ городъ *подъ* звонъ колоколовъ, плясать *подъ* музыку—такъ говорится и пишется и утверждено постояннымъ употребленіемъ; но г. рецензенту это не нравится, стало быть, грамматически неправильно.

Между тѣмъ уважимъ прихоти рецензента, разсмотримъ по порядку все, что ему не нравится.

Во первыхъ, онъ не жалуетъ балладъ и повторяетъ сказанное въ одной комедіи, что «однѣ только красоты поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ семъ родѣ сочиненій стран-

ный выборъ предметовъ». Странный выборъ предметовъ, т. е. чудесное, которымъ наполнены баллады—признаюсь въ моемъ невѣжествѣ:—я не зналъ до сихъ поръ, что чудесное въ поэзіи требуетъ извиненія.

Въ «Ольгѣ» г. рецензенту не нравится, между прочимъ, выраженіе *рано поутру*; онъ его ссылаетъ въ прозу, для стиховъ есть слово гораздо кудрявѣе *).

Также ему не по-сердцу восклицаніе «ахъ!» когда оно вырывается отъ души въ стихахъ:

Измѣнилъ ли другъ любезный!
Умеръ ли, ахъ! я умру.

Въ строфѣ, въ которой живо описано возвращеніе воиновъ-побѣдителей въ отеческую страну:

На сраженьи пали шведы,
Туркъ безъ брани побѣжденъ,
И желанный плодъ побѣды—
Миръ Россіи возвращенъ.
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ трубами,
Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Слово «Туркъ,» которое часто встрѣчается и въ образцовыхъ одахъ Ломоносова и въ простонародныхъ пѣсняхъ, несносно для вѣрнаго слуха г. рецензента, также и сокращенное: «съ пѣсньми». Этому горю можно бы помочь, стоитъ только растянуть слова: но тогда должно будетъ растянуть и цѣлое; тогда исчезнетъ краткость, черезъ которую описаніе дѣлается живѣе; и вотъ что нужно г. рецензенту: его длинная рецензія доказываетъ, что онъ не изъ краткости бьется.

---

*) Онъ вообще непремиримый врагъ простоты.
Не знаю, какъ ускользнули отъ его критики дышущіе піитическою простотою стихи:

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

Далѣе онъ изволитъ забавляться надъ выраженіемъ: «слушай, дочь»; «подумаешь (замѣчаетъ онъ), что мать хочетъ бить дочь.» Я такъ полагаю, и вѣрно не одинъ, что мать просто хочетъ говорить съ дочерью.

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

. . . . Въ Украйнѣ дальной,
Если клятвъ не чтя своихъ,
Обошелъ налой вѣнчальный
Ужъ съ другою твой женихъ.

Онъ находитъ, что проза его гораздо лучше:

Можетъ быть, быть невѣрной
Въ чужой землѣ, Венгерской,
Отрекся отъ своей вѣры
Для новаго брака.

Такъ переводитъ онъ изъ Бюргера; не видно, между тѣмъ, почему это хорошо, а русскіе стихи дурны. Притомъ г. рецензенту никакъ не хочется, чтобъ налой, при которомъ вѣнчаются, назывался налоемъ вѣнчальнымъ. Но онъ часъ-отъ-часу прихотливѣе: въ иномъ мѣстѣ эпитетъ *слезный* ему кажется слишкомъ *сухимъ*, въ другомъ тонъ мертвеца слишкомъ грубымъ. Въ этомъ, однако, и я съ нимъ согласенъ: поэтъ не правъ; въ нашъ слезливый вѣкъ мертвецы должны говорить языкомъ романическимъ. Nous avons tout changé, nous fairons maintenant la médécine d'une méthode toute nouvelle.

Вотъ какъ въ балладѣ любовникъ-мертвецъ говоритъ съ Ольгой.

«Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ;
«Я съ Украйны за тобой:
«Поздно выѣхалъ оттолѣ,
«Чтобы взять тебя съ собой.
— «Ахъ, войди, мой ненаглядный!
«Въ полѣ свищетъ вѣтеръ хладный;
«Здѣсь, въ объятіяхъ моихъ,
«Обогрѣйся, мой женихъ»!
Пусть онъ свищетъ, пусть колышетъ,
Что до вѣтру мнѣ? Пора!
Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ,
Мнѣ нельзя здѣсь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Воронъ конь домчитъ стрѣлою,

Намъ сто верстъ еще: пора!
Въ путь до брачнаго одра.

* *
*

— «Гдѣ живешь? скажи нелестно:
Что твой домъ? великъ? высокъ?»
«Домъ—землянка» «Какъ въ ней»?—«Тѣсно».
—«А кровать намъ?» «Шесть досокъ».
—«Въ ней уляжется-ль невѣста?» —
«Намъ двоимъ довольно мѣста».

Стихъ: «въ ней уляжется-ль невѣста?» заставилъ рецензента стыдливо поступить взоры. Въ ночномъ мракѣ, когда робость любви обыкновенно исчезаетъ, Ольга не должна дѣлать любовнику такого вопроса, съ которымъ готовится раздѣлить брачное ложе. Что-жъ ей? предаться тощимъ мечтаніямъ любви идеальной? Богъ съ ними, съ мечтаніями, нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь, посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ, и

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ,
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица,
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица,
Конь бѣжитъ—земля дрожитъ.
Искры бьютъ изъ-подъ копытъ.

Эта прекрасная строфа, сверхъ чаянія, понравилась и г. рецензенту; онъ только замѣчаетъ, что поэтъ далъ слову: пращъ значеніе ему несвойственное. Наконецъ, исписавъ 17 страницъ, г. рецензентъ дописался до замѣчанія справедливаго. Скажу только, что слово *пращъ* въ такомъ смыслѣ, какъ оно принято въ «Ольгѣ», находится также въ одномъ мѣстѣ у Жуковскаго.

Отъ стука палицъ, свиста пращей,
Далече слышанъ гулъ дрожащій.
Стихот. Жуковск. т. I стр. 107.

Потомъ г. рецензентъ, отъ нечего дѣлать, предлагаетъ нѣсколько вопросовъ для рѣшенія, отъ нечего дѣлать, говорю я: потому что онъ могъ легко бы самъ себѣ на нихъ отвѣчать, напр., въ стихахъ:

Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ:
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ.
Спали петли и запоръ.

Онъ спрашиваетъ: что такое *наскакалъ на заборъ?* Всякій грамотный и неграмотный русскій человѣкъ знаетъ, что наскакалъ на заборъ, значитъ, примчался во всю прыть къ забору. «Съ какой двери (продолжаетъ онъ) спали петли», и пр.—съ той же, на которую въ переводѣ у г. рецензента *сѣдокъ поскакалъ, опустивъ узду*. Далѣе въ стихахъ:

На дыбы конь воронъ взвился.
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю—провалился
И на вѣки съ глазъ пропалъ.

Рецензентъ спрашиваетъ: съ чьихъ глазъ? Такіе вопросы заставляютъ сомнѣваться, точно ли русскій человѣкъ ихъ дѣлаетъ. Онъ свою рецензію прислалъ изъ Тентелевой деревни, С.-Петербургской губерніи; нѣтъ ли тамъ колонистовъ? не колонистъ ли онъ самъ? Въ такомъ случаѣ прошу сто разъ извиненія. Для переселенца изъ Нѣметчины онъ еще очень много знаетъ нашъ языкъ. Но къ концу рецензентъ дѣлается чрезвычайно веселъ. Ему не нравится, что

Ольга въ страхѣ, безъ ума.
Неподвижна и нѣма.

и онъ хочетъ ее уронить.—Да, да! *вѣдь у Бюргера*, говоритъ онъ, *могла же она упасть и лежать.* Надобно ее непремѣнно уронить. Куда дѣвалась ваша стыдливость, г. рецензентъ?

Но за этимъ слѣдуетъ замѣчаніе, которое похоже на дѣло. Въ балладѣ адскіе духи припѣваютъ погибшей Ольгѣ:

Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти,
Грѣшну душу Богъ прости.

Точно, не шло бы адскимъ духамъ просить Бога о помилованіи грѣшной души, хотя это у Бюргера такъ; однако три первые стиха, по-моему, болѣе походятъ на злобныя укоризны, чѣмъ на проповѣдь, вопреки г. рецензенту; но вид-

но, что участь моя ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться. Его сужденія мнѣ не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленькій предразсудокъ, надъ которымъ онъ вѣрно будетъ смѣяться: напримѣръ: я думаю, что тотъ, кто взялъ на себя трудъ свѣрять русскій переводъ съ нѣмецкимъ подлинникомъ, долженъ, между прочимъ, хорошо знать и тотъ и другой языкъ. Конечно, г. рецензентъ признаетъ это излишнимъ, ибо кто же свѣдущій въ русскомъ языкѣ переведетъ съ нѣмецкаго:

> Rasch auf ein eisern Gitterthor
> Gings mit ferhängtem Zügel.

т. е. «пустился во весь опоръ на желѣзныя рѣшетчатыя ворота».

Кто переведетъ это такимъ образомъ, какъ г. рецензентъ: *быстро на желѣзную рѣшетчатую дверь поскакалъ (сѣдокъ), опустивъ узду*. Такъ точно французское: ventre à terre можно перевести *брюхомъ на землѣ*.

У Бюргера Леонора говоритъ:

> Verloren ist verloren.

А Ольга въ русской балладѣ:

> Нѣтъ надежды, нѣтъ, какъ нѣтъ!

Рецензентъ кричитъ: *нѣтъ! не то! не то! не то!* Надлежало сказать: то, то, именно то, не можетъ быть проще и вѣрнѣе, не можетъ быть иначе. Но если вѣрить г. рецензенту, онъ самъ по себѣ не вооружался бы противъ Ольги. Взыскательные, неотвязчивые читатели его окружаютъ; они заставили его написать длинную критику. Жалѣю я его читателей; но не клеплетъ ли онъ на нихъ? Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ было говорить съ ними такъ темно? «Что касается до меня, то я, право, ничего бы не нашелъ сказать противъ этихъ стиховъ, кромѣ того, что они, такъ сказать, нейдутъ въ душу». Такой нескладный отвѣтъ, натурально, никого не удовлетворитъ: съ неугомонными читателями надобно было поступить простѣе; надобно было сказать имъ однажды навсегда: «Государи мои! не будемъ толковать о поэзіи: она для насъ мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а безполезная и оскорбительная критика въ журналѣ не наполнила бы 22-хъ страницъ.

Но нѣтъ, г. рецензентъ не могъ отговориться: судить криво, бранить — какое невинное удовольствіе! Какъ отка-

зать себѣ въ этомъ? Притомъ же писать для того, чтобы находить одно дурное въ какомъ либо твореніи — подвигъ немноготрудный; стоитъ только запастись бумагой, присѣсть и писать до тѣхъ поръ, доколѣ не наскучитъ; надоѣло — кончить, и выйдетъ рецензія въ родѣ той, которая сдѣлана на Ольгу. Можетъ быть, иные мнѣ не вдругъ повѣрятъ: для такихъ опытъ — лучшее доказательство.

Переношусь въ Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя видъ рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грѣхи. Около меня лежатъ разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ, но мнѣ, будто невзначай, попалась въ руки «Людмила». Читаю и на первомъ стихѣ втораго куплета останавливаюсь:

Пыль туманитъ отдаленье.

Можно сказать: пыль туманитъ даль, отдаленность, но и то слишкомъ фигурно, а отдаленіе просто значитъ, что предметъ удаляется. Если принять, что пыль туманитъ отдаленіе, можно будетъ сказать, что она туманитъ *удаленье и приближенье*. Но за симъ слѣдуетъ:

Свѣтитъ ратныхъ ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для риѳмы. О, риѳма!..*) Далѣе:

Гдѣ же, Людмила, твой Герой?

Слишкомъ напыщенно.

Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости надежда-сладость.

Надежда-сладость. Опять-таки для риѳмы! Одно существительное сливаютъ съ другимъ для того, чтобъ придать ему понятіе, которое не заключается въ немъ необходимо. Напримѣр. дѣвица-краса, любовникъ-воинъ; но надежда — всегда сладость. Далѣе мать говоритъ дочери:

Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.

А дочь отвѣчаетъ:

. . . .
Не призвать минувшихъ дней

*) Читатели не должны бытъ въ заблужденіи на счетъ этихъ рѣзкихъ замѣчаній: они сдѣланы только въ подраженіе рецензенту Ольги.

. . . .
Что прошло—невозвратимо.
. . . .
Возвращу-ль невозвратимыхъ?

Мнѣ кажется, что онѣ говорятъ одно и то же, а намѣреніе поэта заставить одну говорить дѣло, а другую то, что ей внушаетъ отчаяніе. Вообще, какъ хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти всѣ дышатъ кротостью и смиреніемъ; за что-жъ бы, кажется, ее такъ жестоко наказывать? Должно думать, что за безразсудныя слова, ибо подъ конецъ усопшихъ хоръ ей завываетъ:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ,
Часъ твой билъ, и пр.

Но гдѣ же этотъ ужасный ропотъ, который навлекъ на нее гнѣвъ Всевышняго? Самая богобоязненная дѣвушка скажетъ то же, когда узнаетъ о смерти своего любезнаго. *Царь небесный насъ забылъ*—вотъ самое сильное, что у ней вырывается въ горести; но при первомъ призракѣ счастія, когда она мертвеца принимаетъ за своего жениха, ея первое движеніе благодарить за то Бога. И вотъ ея слова:

Знать тронулся Царь небесный
Бѣдной дѣвицы тоской!

Неужели это такъ у Бюргера? Раскрываю Ленору. Вотъ какъ она говоритъ съ матерью:

O Mutter, Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament,
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben.

Извините г. Бюргеръ, вы не виноваты! Но возвратимся къ нашей Людмилѣ. Она довольно погоревала, довольно поплакала. Наступаетъ вечеръ.

И зеркало зыбкихъ водъ
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны.

Облеченны вмѣсто *облечены* нельзя сказать. Это маленькая ошибка противъ грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтовъ! Но чу! бьетъ полночь... Къ Людмилѣ крадется мертвецъ на цыпочкахъ, конечно, чтобъ никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо.
Тихимъ шопотомъ сказали—
Всѣ въ ней жилки задрожали;
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
«Спитъ иль нѣтъ моя Людмила,
«Помнитъ друга, иль забыла?» и т. д.

Этотъ мертвецъ слишкомъ милъ; живому человѣку нельзя быть любезнѣе.

Послѣ онъ спохватился и перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ, но все-таки говоритъ много лишняго, особливо, когда подумаешь, что ему данъ *краткій, краткій срокъ* и *мигъ страшенъ замедленья.*

Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.

Такіе стихи:

Хотя и не Варяго-Росски,
Но истинно немного плоски.

И не прощаются въ хорошемъ стихотвореніи.

Поздно я пустился въ путь,
Ты моя—моею будь!

Къ чему приплетенъ послѣдній стихъ?

Способъ, который употребляетъ мертвецъ, чтобъ уговорить Людмилу за собою слѣдовать, очень оригиналенъ:

Чу! совы пустынной крики!
. . . .
Ѣдемъ, ѣдемъ......

Кажется, что крикъ совъ вовсе не заманчивъ, и онъ долженъ бы удержать Людмилу отъ ночной поѣздки. И это чу! слишкомъ часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
. . . .
Чу! полночный часъ звучитъ
. . . .
Чу! въ лѣсу потрялся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!

Такія восклицанія надобно употреблять гораздо бережнѣе, иначе они теряютъ всю силу. Но въ Людмилѣ есть слова,

которыя преимущественно передъ другими повторяются. Мертвецъ говоритъ:

Слышишь! пѣнье, брачны лики!
Слышишь? борзый конь заржалъ.
. . . .
Слышишь? конь грызетъ бразды!

А Людмила отвѣчаетъ:

Слышишь? колоколъ гудитъ!

Наконецъ, когда они всего уже наслушались, мнимый женихъ Людмилы признается ей, что домъ его — гробъ и путь къ нему далекъ. Я бы, наприм., послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался: но не всѣ видятъ вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нѣжною рукою и помчалась съ нимъ:

Скокомъ, летомъ по долинамъ.

Дорогой спутникъ ея ворчитъ сквозь зубы, что онъ мертвый и что:

Путь ихъ къ кельѣ гробовой.

Эта несообразность замѣчена уже рецензентомъ «Ольги». Но что-же? Людмила, вѣрно, вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвѣчаетъ:

Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ—земли утроба.

Впрочемъ дорогой Людмилѣ довольно весело: ей встрѣчаются пріятныя тѣни, которыя

Легкимъ свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились.

И вкругъ нея

Поютъ воздушны лики,
Будто въ листьяхъ павилики
Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто течетъ ручеекъ.

Потомъ мертвецъ опять сбивается на тонъ аркадскаго пастушка и говоритъ своему коню:

Чую ранній вѣтерокъ.

Но пусть Людмила мчится на погибель: не будемъ далѣе за нею слѣдовать.

Чтобъ не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю съ себя маску привязчиваго рецензента и, въ заключеніе, скажу два слова о критикѣ вообще. Если разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Если ихъ нѣтъ, не стоитъ того, чтобы писать критику; если жь есть, то разсмотрѣть, какого онѣ рода? много ли, или мало? Соображаясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія. Вотъ чего рецензентъ «Ольги» не знаетъ, или знать не хочетъ.

Грибоѣдовъ.

ПЛАНЪ и СЦЕНА.

из драмы 1812 года. *)

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, пріѣздъ государя, сборъ раненыхъ, разсказъ раненыхъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера.

Соборъ Архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныя и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откудова нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годинѣ искупленія для Россіи, если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя сынамъ, возбудятъ въ нихъ огонь неугасимый, рвеніе къ славѣ о свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и изчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремлѣ.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе—или нѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ. Самъ себѣ преданный—что бы онъ могъ произвести!

*) Повсей вѣроятности, одно изъ первыхъ произведеній Грибоѣдова.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Галерея въ домѣ Позднякова. *)

Входитъ офицеръ К. изъ приближенныхъ къ Наполеону (см. сц. 3-я 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдѣлый воинъ, съ горькимъ предчувствіемъ опытности, остерегаетъ на счетъ будущихъ дѣйствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки пляски и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Между тѣмъ зарево обнимаетъ повременно окна галереи; болѣе и болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ. — R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

Село подъ Москвой.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Трусость служителей правительства—выставлена или нѣтъ, какъ случится).

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятеля и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдѣлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ, и оба умираютъ героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

ЭПИЛОГЪ.

Вильна.

Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ изчезаетъ; M* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. M* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе....... самоубійство.

*) Поздняковъ, большой театралъ, устроилъ театръ въ своемъ домѣ на Никитской; на этомъ театрѣ исполнялись піесы крѣпостными актерами.

СЦЕНА.

Отецъ и дочь.

Петръ Ан.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выражать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ. Не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато убранной каретѣ.
А нынѣ знать, вельможи,—гдѣ они?..
Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Блистали разноцвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безсчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ,
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ житья роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдапа,
А мнѣ куда съ тобой?.. Куда укрыться?
И если-бъ могъ бѣжать отселѣ я,
Нѣтъ! Нѣтъ!.. Не оторвался-бъ отъ тебя,
О, матерь наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится,—потерпимъ,
И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!.. О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

Наташа.

Ахъ батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора...

(Рыдаетъ).

Петръ Ан.

И тѣ-ли времена? О братѣ что-ли?
Нашъ Алексѣй... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердитъ,—онъ будетъ живъ.

Наташа.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.
(Рыдаетъ пуще прежняго).

Петръ Ан.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя,—и для тебя
Отраднаго я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно,—посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца,
Обнимешь, все осмотришь... уголъ мой
На полгода весельемъ просвѣтится...
А нынѣ вмѣстѣ мы, и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!..
(Растворяетъ окно).

Прости, отечество. *)

Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь!
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки — не увлекайте!
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно;
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ...
Какъ неожиданно, какъ дивно!..
Но скоро бросишь кисть и прочь
Бѣжишь отъ радужной палитры!
Мы молоды и вѣримъ въ рай,
И гонимся и вслѣдъ и вдаль
За слабо брежжущимъ видѣньемъ...
Постойте!.. Нѣтъ его, угасло!
Обмануты, утомлены...
И что-жь съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали
Ногой отмѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.
Займемся былью стародавной,
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой
Что такъ обманчиво и славно.

---

*) Вѣроятно, написано въ 1819 г. во время первой поѣздки автора въ Персію.

Лубочный театръ *).

Comptable de l'ennui dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme.
Gilbert.

Эй! господа!
Сюда! сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тьма у насъ оказій разныхъ.
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ,
Взойдите къ намъ.
Добро пожаловать, кто баринъ тароватый,
Извольте видѣть—вотъ
Рогатый—не рогатый
И всякій скотъ.
Вотъ вамъ Михайло Моськинъ **)
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгинъ и
Князь Блеткинъ.
Они хоть и смѣшны, да самъ за то ужъ онъ —
Куда смѣшонъ!
Водиться съ нимъ, ей Богу, праздникъ,
Вотъ вамъ его *Проказникъ*; ***)
Спроказилъ онъ не ловко: разъ упалъ
Да и не всталъ;

---

*) Эта пародія вызвана критикою Загоскина на первую работу Грибоѣдова для театра, «Молодые супруги», и представляетъ рядъ насмѣшекъ надъ литературными произведеніями и критикою Загоскина, издававшаго журналъ «Сѣверный наблюдатель», въ которомъ и былъ помѣщенъ разборъ «Молодыхъ супруговъ». Напечатано съ автографа въ «Рус. Ст.», май, 1874 г., откуда и перепечатывается здѣсь.

**) Во всѣхъ спискахъ: «Вотъ господинъ Загоскинъ».

***) Комедія Загоскина.

Но авторъ таковымъ примѣромъ
Не наученъ—грѣшитъ передъ партеромъ:
Проказитъ до сихъ поръ:
Что видитъ и что слышетъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ, и пишетъ.
Вотъ *Богатоновъ* *) вамъ—особенно онъ милъ,
Богатъ чужимъ добромъ—все крадетъ, что находитъ.
Съ *Транжирина* **) кафтанъ стащилъ,
Да въ немъ и ходитъ.
А свѣтскій тонъ,
Не только онъ,
И вся его бесѣда—
Переняли у *Буйнаго Сосѣда* ***)
Что вы? не ужь-то по домамъ?
Ужь надоѣли вамъ?
И кстати-ль?
Вотъ вамъ Моськинъ-наблюдатель;
А вотъ другой чудакъ... съ нимъ вѣчный состязатель.
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе?..
Что вы смѣетесь, господа?
Писцу насмѣшка не бѣда:
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
Да ужь давно махнулъ рукою;
Махнулъ перомъ, отдалъ сыграть,
А вы, пожалуй, разсуждайте!
Махнулъ перомъ, отдалъ въ печать,
А вы читайте!

16 октября 1817 г.

---

*) Пяти-актная комедія Загоскина.

**) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи «Полубарскія Затѣи» кн. Шаховскаго.

***) Извѣстная поэма «Опасный Сосѣдъ», В. Л. Пушкина.

Прологъ Фауста.

(Die lustige Person).

Изъ Гёте.

По дружбѣ, мнѣ, вы господа,
При случаѣ посильно, иногда
И дѣятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображенію дать смѣлый вамъ полётъ?
Парите вверхъ, и внизъ спускайтесь произвольно,
Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
Которое живетъ и жить даетъ.
Домъ зрѣлища устроенъ пребогатый,
И бревяной накатъ, и полъ дощатый,
И всё по зву:—одинъ свистокъ:
Храмъ взыдетъ до небесъ, раскинется лѣсокъ.
Лишь то бѣда, ума намъ гдѣ добиться?
Смотрите вы на брови знатоковъ,
Они, и всякой кто каковъ,
Чему-нибудь хотѣли бъ удивиться;
А я испуганъ, сталъ въ тупикъ;
Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли,
Да начитались столько книгъ!
Всю подноготную проникли!
Увы!
И слушаютъ, и ловятъ все такъ жадно?
Чтобъ были вещи имъ новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящійся народъ
Я, при раздачѣ ложъ и креселъ;
Кому терпѣнье—труденъ входъ.
Тотъ получилъ себѣ—и веселъ,
Но вотъ ему возврата нѣтъ!
Стѣной густѣютъ непроломной,
Толпа ростетъ, и рокотъ громный,

А голоса: билетъ! билетъ!
Какъ будто ихъ рождаетъ преисподня;
И это чудо кто творитъ?—Поэтъ:
Нельзя ли, милый другъ, сегодня?

Поэтъ.

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной!
Задерни, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая пестрѣющей пучиной
Съ собой противовольно насъ влечетъ.
Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
Поэту радость чистая цвѣтетъ;
Гдѣ дружба и любовь, его къ покою
Обвѣятъ, освѣжатъ божественной рукою.
Ахъ! часто, что отраду въ душу льетъ,
Что робко намъ уста пролепетали,
Мечты неспѣлыя........ и вотъ
Ихъ крылья бурнаго мгновенія умчали.
Едва искупленыхъ трудами многихъ лѣтъ,
Ихъ въ полнотѣ красы увидитъ свѣтъ.
Обманчивъ блескъ:—онъ не продлится,
Но истинный потомству сохранится.

Весельчакъ.

Потомству? да, и слышно только то,
Что духомъ всѣ парятъ къ потомкамъ отдаленнымъ;
Неужто, наконецъ, никто
Не порадѣетъ современнымъ?
Неужто холодомъ мертвитъ какъ чародѣй
Присутствіе порядочныхъ людей?
Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
Кому ниспосланы кисть, лира и рѣзецъ
Изгибы обнажать сердецъ:
Тотъ поробѣетъ ли?—Толпа ему и кстати;
Желаетъ онъ побольше кругъ,
Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
Скорѣй фантазію, гласъ скорби безотрадной,
Движенье, пылъ страстей, весь хоръ ея нарядной
Къ себѣ зовите на чердакъ.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежь, вполовину, такъ,
Чтобъ всякому пришло по сердцу.

Директоръ.

Побольше дѣйствія!—Что зрителей манитъ?
Имъ видѣть хочется—ну живо
Представить имъ дѣла на видъ!
Какъ хочешь, жаръ души излей краснорѣчиво;
Иной уловкою успѣхъ себѣ упрочь;
Побольше дѣйствія, сплетеній и развитій!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей числомъ событій.
Гдѣ приключеній тьма—никто не перечтетъ,
На каждаго по нѣскольку придется,
Народъ доволенъ разойдется,
И всякій что нибудь съ собою понесетъ.
Сліяніе частей измучитъ васъ смертельно:
Давайте намъ подробности отдѣльно.
Что цѣлое? какая прибыль вамъ?
И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудитъ?
Его расхитятъ по долямъ,
И публика по мелочи осудитъ.

Весельчакъ.

Ахъ! это-ли имѣть художнику въ виду!
Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду!—
Не чувствуетъ какъ душу мнѣ терзаетъ.

Директоръ.

Размыслите вы сами напередъ:
Кто сильно потрясти людей желаетъ,
Способнѣе оружье изберетъ;
Но время ваши призраки развѣять,
И гордые искатели молвы!
Опомнитесь!—кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразсѣять,
И скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась—дремлетъ онъ;
Другой явился отягчонъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ;
Иной небрежный ловитъ стихъ,—
Сотрудникъ глупыхъ онъ журналовъ.
На святочныя игры ихъ
Чистѣйшее желанье окрыляетъ,
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать;

Красавицы подъ бременемъ уборовъ
Тишкомъ желаютъ расточать
Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
Что возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лицо! — вотъ тѣ
Окременѣвшія толпы живымъ утесомъ;
Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ;
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежные ловцы;
Тотъ буйно ночь провесть въ объятіяхъ безчестныхъ;
И для кого хотите вы, слѣпцы,
Вымучивать внушенье музъ прелестныхъ.
Побольше пестроты, побольше новизны,
Вотъ правило, и непреложно.
Легко мы всѣмъ изумлены,
Но угодить на насъ не можно.
Что? гордости порывъ утихъ?
Разсудокъ превозмогъ....

Поэтъ.

Нѣтъ! нѣтъ! — негодованье.
Поди, ищи услужниковъ другихъ.
Тебѣ-ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу въ жертву прихотей твоихъ?
Чѣмъ равны небожителямъ поэты?
Что силой неудержною влечетъ
Къ ихъ жребію сердца, и всѣхъ обѣты,
Стихіи всѣ во власть имъ предаетъ?
Не сладкозвучіе-ль?—которое тѣснится
Изъ ихъ груди, вливаетъ ту любовь,
И къ нимъ она отзывная стремится,
И въ нихъ восторгъ рождаетъ вновь, и вновь.
Когда природой равнодушно
Крутится длинно-вьющаяся прядь;
Кому она такъ дѣлится послушно?
Когда созданья всѣ, слаба ихъ мысль обнять,
Однѣ другимъ звучатъ противогласно;
Кто съединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ,
Такъ величаво! такъ прекрасно!
И кто виновникъ ихъ потомъ
Спокойнаго и пышнаго теченья?
Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
И бури, вопли, крикъ страстей

Мѣняетъ вдругъ на дивные аккорды?
Кѣмъ славны имена и памятники тверды?
Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ частей,
Изъ бренныхъ листвіевъ кто чудно соплетаетъ
Съ вѣками болѣе нетлѣнно и свѣжѣй
То знаменье величія мужей,
Которымъ онъ ихъ чёла украшаетъ?
Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
Цвѣты роскошные родитъ предъ нею перстъ
Того, кто спутникъ ей отрадъ, любви стезёю;
По смерти имъ Олимпъ отверзтъ;
И невечернею вѣнчается зарею
Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
Но въ гимнъ единый слилъ красу небесъ съ землею.
Ты постигаешь-ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ—душа поэта.
(«Полярная Звѣзда» на 1825 годъ.)

Телешевой.

Въ балетѣ «Русланъ и Людмила», гдѣ она является обольщать витязя.

О, кто она? Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита?
И вдругъ—какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше окриленной....
Не такъ ли нашъ лелѣетъ духъ
Отрадное во снѣ видѣнье,
Когда задремлетъ взоръ и слухъ?
Но бодро въ насъ воображенье,
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ-будто влаги обліянье,
Прерывно—персей волнованье,
И томной думы полонъ взоръ:
Созданье выспренняго міра

Скользитъ какъ по зыбямъ эѳира,
Несется легкій метеоръ.

Зачѣмъ манишь рукою нѣжной?
Зачѣмъ влечешь изъ дальнихъ странъ
Пришельца въ плѣнъ твой неизбѣжной,
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ?
Уже не тверды заклинаньемъ
Броня, и щитъ его, и шлемъ;
Не истомляй его желаньемъ,
Не сожигай его огнемъ
Въ лицѣ, въ груди горящей страсти,
И нѣгой распаленныхъ чувствъ!
Ахъ! этихъ игръ, утѣхъ искусствъ
Одинъ ли не признаешь власти?
Изнеможенный онъ въ борьбѣ,
До капли въ душу влилъ отраву,
Себя и честь, и домъ, и славу—
Все въ жертву онъ отдалъ тебѣ.

Но, сердце! кто твой восхищенный
Внушаетъ отзывъ? для кого
Порывъ восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южныхъ странъ,
Чье царство—розъ и пальмъ обитель,
Которымъ Эльфъ обворожитель
Въ сопутники природой данъ?
О, нимфы, дѣвы легкокрылы!
Здѣсь жаждутъ прелестей иныхъ:
Рабы корыстныхъ пользъ унылы,
И безразсвѣтны души ихъ.
Пѣвцу красавицъ что̀ въ награду?
Пожнетъ онъ скуку и досаду,
Роптаньемъ струнъ не пробудивъ
Любви въ пустынѣ сей печальной,
Гдѣ сномъ покрыто лоно нивъ
И небо ризой погребальной.

(«Сынъ Отечества» 1825 г.).

Хищники на Чегемѣ *)

1.

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плѣнъ—
Блескомъ ружей, твержей стѣнъ!
Какъ не крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами!
Будто быстрые орлы,
Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ.
На угонъ коней табунныхъ
И овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

3.

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева!
Тѣ же льдяныя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады,
Та же дикость, красота,
По ущельямъ разлита!

4.

Наши камни, наши кручи!
Русь! зачѣмъ воюешь ты?
Вѣковыя высоты
Досягнешь ли? вонъ подъ тучей—
Двувершинный, и могучій, *)
Рѣжется изъ облаковъ,
Надъ главой твоихъ полковъ.

---

*) Горная рѣка при сѣверномъ склоненіи Кавказа. Прим. Булгарина.
*) Гора Эльборусъ.

5.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ;
Вотъ невидимъ онъ очамъ!—
Той же тканію свіенной,
Такъ же скрыты мы мгновенно,
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣлъ, два—и сгинулъ слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропою!
Не въ краю вы селъ и нивъ,
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ—берите съ бою.
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ,
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

7.

Ждемъ. Готовы къ новой сѣчѣ...
Но и слухъ о нихъ изчезъ!..
Загорайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлежомъ,
Дѣлимъ взятое ножомъ.

8.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ,
И джигитамъ, *) узденямъ,
Юныхъ плѣнницъ пріумножимъ,
И кадіямъ, людямъ Божьимъ,
Плѣнныхъ отроковъ дадимъ:
(Вѣрой станъ нашъ невредимъ).

9.

Узникамъ удѣлъ обычный,
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука.

---

*) Джигитъ: удалецъ. Примѣчаніе Булгарина.

Узы—жребій имъ приличный;
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный!
И ужасенъ-ли обмѣнъ?
Дома цѣпи! Въ чужѣ—плѣнъ!

10.

Дѣлимъ женамъ ожерелье.
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стони земля!
Кликомъ огласись ущелье!
Падшимъ—миръ, живымъ—веселье.
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ! *)

(Кам. мостъ на Малкѣ, октября 1825 г.).

**) Русск. Стар., іюнь, 1874 г.

Д у ш а.

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное видѣнье!
Надзвѣздный домъ,
Заря кругомъ,
Рождало міръ мое велѣнье!
И вотъ отъ сна
Привлечена
Къ землѣ ветшающей и тѣсной.
Гдѣ рой подругъ,
Тьма рѣзвыхъ слугъ?
О, хоръ воздушный и прелестный!
Нѣтъ поживу
И на яву
Я лучшей жизнію безпечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Гдѣ надышусь свободой вѣчной.

(«Библіотека для чтенія» 1835 г., № 11.)

Востокъ.

Изъ Заволжья, изъ роднаго края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки перелетны,
Долги гривы заплетая;
На коняхъ ретивыхъ посадились,
На отъѣздъ перекрестились,
Выѣзжали на широкій путь.
Что замолкли? въ тишинѣ,
Что волнуетъ молодецку грудь?
Мысль о дальней сторонѣ?
Ахъ, не тамъ ли воздухъ чудотворный,
Тотъ Востокъ и тѣ сады,
Гдѣ не тихнетъ вѣтерокъ проворный,
Бьютъ ключи живой воды;
Рай—весна цвѣтетъ, не увядаетъ,
Нѣга, роскошь, пиръ въ лѣсахъ.
Солнышко горитъ, не догораетъ
На высокихъ небесахъ!
Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь:
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница,
Раздираетъ черну ночь.
Если жь кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ,
То забудь о матери, отцѣ;
Съ кѣмъ душой она сольется
Станомъ гибкимъ, гибкими руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!
Путники! отъ дочери княжой
Отбѣгите неоглядкой!

Молодые! къ сторонѣ чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародѣйныхъ сновъ!
Тѣхъ земель неправославныхъ
Дивна прелесть и краса луговъ,
Сладки капли росъ медвяныхъ,
Злакъ шелковый, жемчуги въ зернѣ.
Что же видно въ сторонѣ?
Столбъ бѣлѣетъ на степи широкой,
Будто сторожъ одинокой.
Камень! онъ безъ надписи стоитъ:
Темная подъ нимъ могила,
Сирый имъ зашельца прахъ покрытъ.
И его любовь манила.
Чаялъ! «Тутъ весельемъ разольюсь,
Дни на вѣки удолжатся!»
Грѣшный позабылъ святую Русь....
Дни темнѣютъ, вновь зарятся;
Но ему лучемъ не позлатятся
Изъ-за утреннихъ паровъ
Божьи церкви, градъ родимый, отчій домъ!
Буйно пожилъ вѣкъ, а нынѣ—
Миръ ему! одинъ лежитъ въ пустынѣ.
И никто не поискалъ,
Не нарѣзалъ имени, прозванья
На отломкѣ дикихъ скалъ;
Не творятъ молитвы, поминанья;
Персть забвенью предана;
У одра больнаго пожилая
Не корпѣла мать родная,
Не рыдала молода жена.....

(«Библіотека для чтенія» 1836 г., № 1.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

«Кальянчи».

Путешественникъ въ Персіи встрѣчаетъ прекраснаго отрока, который подаетъ ему кальянъ. Странникъ спрашиваетъ· кто онъ? откуда? Отрокъ разсказываетъ ему свои похожденія, объясняетъ, что онъ Грузинъ, нѣкогда житель Кахетіи.

Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?
Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ порожденъ,
Питомецъ Пери, или Джинніемъ взлелѣянъ?
Когда, заботамъ ввѣренный твоимъ,
Приносишь ты сосудъ водо-вмѣщальный
И сквозь него проводишь легкій дымъ:
Воздушной пѣною темнѣетъ токъ кристальный
И ропотомъ манитъ къ забвенью, какъ ручья
Гремучаго потокъ въ зеленой чащѣ!
Чинара трость творитъ жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимаго ширазскаго листа
Глотаютъ черезъ нее мглу алыя уста,
Густѣетъ воздухъ, напоенной
Алое запахомъ и амброй драгоцѣнной!
Когда жь чарующей наружностью своей
Собраніе ты освѣтишь людей—
Во всѣхъ любовь!.... Дервишъ отбросилъ четки,
Примрачный видъ на радость обмѣнялъ:
Не ты ли въ немъ возжегъ огонь потухшихъ силъ?
Не отъ твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лицѣ,
И заиграла жизнь на бывшемъ мертвецѣ?
Властитель твой—онъ сталъ лишь самозванцемъ,

Онъ уловленъ стыдливости румянцемъ,
И кудрей пальцами, по высотѣ раменъ
Влекущихся, связавшихъ душу въ плѣнъ,
И груди нѣжной бѣлизною,
И жилокъ, шелкомъ свитыхъ, бирюзою.
Твоими взглядами, подъ свѣсомъ томныхъ вѣждъ,
Движеньемъ устъ твоихъ, невиннымъ, миловиднымъ,
Твоей, нескрытою покровами одеждъ,
Джейрана легкостью, и станомъ пальмовиднымъ.
Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Эдема-ль влагу пилъ, дыханьемъ розъ обвѣянъ?
Скажи: или отъ Пери ты рожденъ,
Иль благодатнымъ Джинніемъ взлелѣянъ?
На Ріона берегахъ,
Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ.
Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
Росъ—едва не изъ пеленъ
Матерью, отцомъ, безвинный,
Въ чужу проданъ, обмѣненъ
За сосудъ цѣненный!
«Чуждый человѣкъ! скажи, ты отецъ?
Имѣлъ ли ты чадо отъ милой подруги?
Корысть ли дороже намъ съ сыномъ разлуки?
Отверженъ ли врановъ невинный птенецъ?

Караванъ съ шелками шелъ,
Съ нимъ ага мой. Я рабочій,
Глазъ я долго не отвелъ
Съ мѣстъ, виднѣлся гдѣ кровъ отчій;
Съ кровомъ онъ слился небесъ;
Вечерѣло. Сномъ боримы,
Стали становъ. Теменъ лѣсъ.
Вокругъ огня легли мы.
«Курись огонёкъ! свѣтись огонёкъ!
Такъ свѣтитъ надежда огнемъ намъ горящимъ!
Пылай ты весельемъ окрестъ присѣдящимъ,
Покуда спалишь ты послѣдній пенёкъ!

Спалъ я. Вдругъ взываютъ: «Бой!»
Въ ста мѣстахъ сверкаетъ зелье,
Сѣчей, свистомъ пуль, пальбой
Огласилось все ущелье.
Притаился въ глубь межи

Я, и всѣ туда жь влекутся;
Слышно—кинулись въ ножи
Безотвязно бьются!
Затихло смятенье—сѣчѣ конецъ.
Вблизи огня брошенъ былъ трупъ обезглавленъ,
На взоръ его мертвый былъ взоръ мой уставленъ,
И чья-же глава та? . . О горе! . . . . Отецъ! . . . .
Но могучею рукою
Былъ оторванъ я отъ тѣла.
«Будь онъ проклятъ, кровный твой!»
Въ слухъ мнѣ клятва загремѣла—
«Твой отецъ разбойникъ былъ»...
И въ бодцѣ, ремнемъ увитымъ,
Казнь сулятъ, чтобъ слезъ не лилъ
По отцѣ убитомъ.
Заря занялась. Я въ путь увлеченъ.
Родитель, ударомъ погибшій безславнымъ,
Лежать остаётся онъ вепрямъ дубравнымъ,
Орламъ плотояднымъ на снѣдь обреченъ!

«Вышли мы на широту
Изъ тѣснинъ, гдѣ шли досelѣ,
Всю творенья красоту
Въ пышной обрѣли Картвелѣ.
Вкругъ излучистой Куры
Яснымъ днемъ страна согрѣта,
Всѣ разсыпаны цвѣты
Щедростію лѣта . . . .
. . . .
. . . .

(«Сынъ Отечества» 1838 г. № 1.)

Романсъ.

Изъ водевиля «Братъ и Сестра», князя Петра Андреевича Вяземскаго, въ которомъ участвовалъ Грибоѣдовъ.

Ахъ! точно-ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ,
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ?
Еще не знаетъ про любовь?

*

Ахъ! точно-ль никогда счастливецъ не сыскался,
Ей другъ, по сердцу ей, который-бы сгоралъ
Въ объятіяхъ ея, въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошствовалъ и умиралъ?

*

Нѣтъ, нѣтъ! куда влекусь неробкими мечтами?
Тотъ другъ, тотъ избранный онъ гдѣ-нибудь, онъ есть,
Любви волшебство, рай, восторги, прелесть—вами,
Нѣтъ! не моей душѣ процвѣсть!

Эпиграмма.

(Неоконченная).

И сочиняютъ—врутъ, и переводятъ—врутъ!
Почто-же врете вы, о, дѣти! Дѣтямъ прутъ!
Шалите риѳмами, нанизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть, но вы ругаться удальцы....
. . . .

Экспромтъ.

По духу времени и вкусу,
Онъ ненавидѣлъ слово: рабъ...
За то посаженъ въ главный штабъ
И тамъ притянутъ къ Іисусу *).

Эпиграмма на исторіографа Н. М. Карамзина.

«Послушайте, я разскажу вамъ старину
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое
И наконецъ про Грознаго царя...»
— Эхъ, бабушка, затѣяла пустое
Окончи лучше намъ Илью богатыря **).

Одоевскому ***).

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,
Твой геній надъ главой моей парилъ;
Въ стихахъ моихъ, въ душѣ тебя любилъ,
И призывалъ, и о тебѣ терзался!..
О, мой Творецъ! Едва разцвѣтшій вѣкъ
Ужели ты безжалостно пресѣкъ!
Допустишь-ли, чтобы его могила
Живаго отъ любви моей сокрыла!.

---

*) Сказанъ по выходѣ изъ главнаго штаба, гдѣ Грибоѣдовъ содержался подъ арестомъ, такъ какъ его подозрѣвали прикосновеннымъ къ заговору декабристовъ. Напечатанъ въ Русск. Стар., мартъ 1872 г. Тамъ же приведена другая редакція экспромта:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово рабъ,—
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Іисусу.

**) Напечатана въ Русск. Стар., май, 1872 г.

***) Въ черновыхъ бумагахъ это стихотвореніе подписано буквами А. О.

Отрывки изъ Грузинской ночи. *)

I.

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали...

Т.

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ правахъ.
Стара я, да,—но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.

*) Вотъ содержаніе этой трагедіи, по объясненію Булгарина: «Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ азіатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Али, злыхъ духовъ Грузіи (Али собственно гномы, самое имя которыхъ значитъ *пламень*), и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Али вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Али несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не совершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобы поразить князя, и убиваетъ своего сына. Князь и кормилица гибнутъ въ отчаяніи».

Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моимъ-же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ.
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай-же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты.
А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки!
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы..,
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный:
И мнѣ передъ тобой не можно умолчать,—
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ твой, власть твоя, о, Боже Вседер-
жавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету
И на главу мою всѣ ужасы природы:
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
Гдѣ бурный Ксань крутитъ сѣдыя воды,
Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодъ, страхъ,
Отъ стужи, непогодъ не быть укрытымъ,
Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить
И злость души, и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилить:
Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
Подумай,—самъ отецъ, и сына ты лишенъ.
Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ,
И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій,

И вторили раскаты этихъ горъ
Съ утра до вечера пронзительные крики,—
Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
Но, взятый смертію, во вѣкъ невозвратимъ!
Когда-же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
На чей-бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
Ты чьи тогда не обнялъ бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
Я помню о людяхъ, о Богѣ,
И сына твоего не далъ-бы безъ нужды,
Но честь моя была въ залогѣ.
Его цѣной я выкупилъ коня,
Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня...
Тотъ подлъ, кто-бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ
Такъ вѣрой-правдою тебѣ не послужилъ,
Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
За славу твоего онъ княжескаго дома
Сто разъ-бы притупилъ и саблю и кинжалъ,
Не убоялся-бы онъ язвъ и пушекъ грома.
Какъ матерью его ты былъ не разъ спасенъ,
Такъ на плечахъ своихъ тебя-бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
И не терзай мнѣ жалобами слуха,—
Безвремененъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ,
Ужъ сынъ твой рабъ другого господина,
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ
томъ,—
Онъ былъ мой крѣпостной...

Т. (Падаетъ на колѣни).

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба,—зачѣмъ же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
Дай разъ еще къ груди его прижать!..
Ахъ, ради Бога имени святаго,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
Въ поля и въ горы—вотъ пути широки,
Тамъ мчится шумная рѣка,
Садись надъ пропастью, бесѣдуй свысока
О сынѣ съ мраками ночными
И степь буди стенаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой...
Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ.
И дочь твоя, и все твое стяжанье!
Какъ ловчіе,—ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ не удержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падетъ,
Истекшіи кровію и пѣной,—
Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пускай преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной,
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего.
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи,
На церковь Божію взирая!
Твой прахъ землѣ не предадутъ!
Лишь путники произнесутъ
Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,

И будь добычею чекаламъ плотоядныхъ...
А тамъ,—передъ судомъ Всевышняго Творца,
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

II.

Т.

О, люди! Кто назвалъ людьми изчадій ада,
Которыхъ отъ кровей утробныхъ
Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!..
Ночныя чуда! Али! Али!
Явите мнѣ свою пріязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душой преступнымъ и безсильнымъ.
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ,
Дружины Али! Знакъ условный—
Вотъ пять волосъ
Отъ васъ унесъ
Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ едино-
кровный,
Когда въ... *) онъ блуждалъ,
На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.
Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А нынѣ кинутой быть горько сиротой **).
Равны страданія въ сей жизни или въ той?..

---

*) Неразобранное слово.

**) Варіантъ:

Такъ отъ людей надежды болѣ нѣтъ,
И Вседержителемъ отвергнуто моленье!
Услышьте вы, отчаянья привѣтъ
И мрака порожденье!

Затѣмъ слѣдуютъ стихи:

Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Тогда была добра, имѣла сына я...

Одна Али появляется въ уединенномъ мѣстѣ:

Кого клянешь?
На чью главу
Бѣду зовешь?

Слетайтесь, слетайтесь,
Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья,
Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груды тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Останки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ! *)
На мой привѣтъ не отзовутся!
Лишь тучи на небѣ несутся
И воетъ вѣтръ... Ахъ вотъ онѣ!
(Прислоняется къ утесу и глядитъ на нихъ).

Али (плаваютъ въ туманѣ у подошвы горъ).

Въ парахъ вечернихъ, передъ всходомъ
Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля не разступайся подо мной!..

А л и.

Таятся въ мрачной глубинѣ
Непримиримыхъ оскорбленья
И созрѣваютъ въ тишинѣ
До дня рѣшительнаго мщенья;
Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды во вѣкъ не утолитъ
Нетерпѣливый мститель.

---

*) Два варіанта:

1) Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!..
Лишь тучи длинными грядами
Перебѣгаютъ надъ холмами
И все крутятся... Ахъ, онѣ!

2) Но нѣтъ ихъ! Нѣтъ! И что мнѣ въ чудесахъ
И въ заклинаніяхъ напрасныхъ!
Нѣтъ друга на землѣ и въ небесахъ,
Ни въ Богѣ помощи, ни въ адѣ для несчастныхъ.

Р.

. . . . *).
Настанетъ день и часъ пробьетъ.

А л и.

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтетъ
И ближній ближняго лишится.
(Молчаніе).
Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжитъ отъ глазъ успокоенье.

Одна изъ нихъ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

Другія.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ пиръ пируютъ кровопійцы.

Послѣдняя.

Тамъ зàмокъ есть... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.
(«Русское Слово» 1859 г.)

---

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

ОТРЫВОКЪ.

Серчакъ.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
На поиски счастливые дерзали,
Съ коней три дня, три ночи не слѣзали,
Имъ тяжко: градомъ потъ и клубомъ паръ,
А мы на нихъ—то вихрями въ пустынѣ,
То вплавь по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
Кручины, горя не было во вѣкъ
И мощь руки не та была, что нынѣ.
Зачѣмъ старѣютъ люди и живутъ,
Когда по жиламъ кровь едва струится,
Когда подъять безсильны ратные трудъ,
И темя ихъ снѣгами убѣлится!
Смотри на степь,—что день, то шумный бой:
Духъ вѣтренный, другого превозмогшій,
И самъ гонимъ... сшибутся межь собой
И завиваютъ пыль и злакъ изсохшій,—
Такъ человѣкъ рожденъ гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканомъ.
Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
Кому уже конь прыткій не слуга,
Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
Онъ, притаясь, добычи не блюдетъ,—
Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живетъ!
Не называйся сыномъ Половецкимъ!

Итляръ.

Мы дряхлы, другъ, но ожили въ сынахъ,
И отроки у насъ для битвы зрѣлы.
Не празденъ лукъ,—натянутъ въ ихъ рукахъ.
Не даромъ мещутъ копья, сыплютъ стрѣлы.
Давно-ль они несчетный ловъ въ полонъ
Добыли намъ цѣною лютыхъ браней,
Блестящихъ сбруй и разноцвѣтныхъ тканей,

И тучныхъ стадъ, и бѣлолицыхъ женъ.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ея полки и въ нашихъ рубежахъ
Корысть дѣлятъ. Теперь не то настало!
Огни ночной порою въ камышахъ
Не такъ разлитымъ заревомъ пугаютъ,
Какъ пламя русскихъ селъ,—еще пылаютъ
По берегамъ Трубежа и Десны...
Тамъ бранные пожары засвѣчаютъ
Въ честь намъ, отцамъ, любезные сыны.

Серчакъ.

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій внѣдренъ!
Гордись, Итляръ! Тебя ихъ мужественный видъ,
Какъ въ зимній день лучь солнечный, живитъ.
Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ
И тою счастливъ... Вѣрь, когда съ утра
Зову ее и къ груди прижимаю,—
Всю тяжесть лѣтъ съ согбенныхъ плечь стрясаю.
Но ей отбыть изъ отчаго шатра:
Наступитъ день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душей скорбя, я провожу ее,
И, можетъ быть, на вѣчную разлуку...
Тогда приди всѣмъ людямъ общій рокъ!
Закройтесь очи—не въ семьѣ чадъ милыхъ...
Наѣздникъ горькій, ветхъ и одинокъ,
Я доживу остатокъ дней постылыхъ!
Гдѣ лягутъ кости? Въ землю ихъ вселятъ
Чужія руки, свѣжій дернъ настелятъ,
Чужія межь собой броню, булатъ
И все мое завѣтное раздѣлятъ!...,

«Русское Слово» 1859, V.

Крылами паря, стрѣлами звеня, *)
Любовь вопрошала кого-то
Ахъ, есть-ли что легче на свѣтѣ меня?—

*) Помѣщая въ нашей газетѣ еще нигдѣ не напечатанные стихи А. С. Грибоѣдова, мы надѣемся доставить этимъ удовольствіе нашимъ читателямъ, которые конечно подорожатъ всякимъ произведеніемъ, вышедшимъ изъ подъ-пера автора, обогатившаго нашу отечественную литературу безсмертною комедіею „Горе отъ ума". Это одно изъ тѣхъ стихотвореній, которыя написаны А. С. Грибоѣдовымъ въ альбомъ А. Н. Верстовскаго. (*Прим. ред. „Оберточнаго. Листка", 1860 г., № 2*).

Рѣшите задачу Эрота!
Любовь и любовь, рѣшу я какъ разъ,
Сама себя легче бываетъ подъ часъ.
Есть пѣсня такая:
Легко себѣ друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

ДАВИДЪ.

Не славенъ въ братіяхъ измлада,
Юнѣйшій у отца я былъ,
Пастухъ родительскаго стада;
И се! внезапно Богу силъ
Органъ мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко Господу воскрилитъ звуки!
Услышалъ Самъ Господь Творецъ!
Шлетъ Ангела: и свѣтлозрачный
Съ высотъ летитъ на долы злачны;
Взялъ отъ родительскихъ овецъ;
Елеемъ благости небесной
Меня помазалъ.—Что-жъ сіи
Велики братіи мои?
Кичливы крѣпостью тѣлесной!
Но въ нихъ Духъ Божій, Бога силъ,
Господень Духъ не препочилъ:
Иноплеменнику не съ ними,
Далече страхъ я отженя,
Во срѣтенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолми своими;
Но я мечемъ надъ нимъ взыгралъ,
Сразилъ его и обезглавилъ
И стыдъ отечества отъялъ,
Сыновъ Израеля прославилъ!

А. Г.

„Мнемозина“ 1824 г., ч. I, стр. 24.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ.

Лугъ шелковый, мирный лѣсъ!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небесъ!
Тихо плещущія воды!
Мнѣ-ль возвращены назадъ
Всѣ очарованья ваши?
Снова-ль черпаю изъ чаши
Нескудѣющихъ отрадъ?
Будто сладостно-душистой
Въ воздухъ пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и нѣгой чистой.
Но, гдѣ другъ?... но, я одинъ!...
Но, давно-ль, какъ привидѣнье,
Предстоялъ очамъ моимъ
Вѣстникъ зла? Я мчался съ нимъ
Въ дальній край на заточенье.
Окрестъ дикія мѣста,
Снѣгъ пушился подъ ногами,
Горемъ скованы уста,
Руки тяжкими цѣпями.

Тамъ, гдѣ вьется Алазань,
Вѣетъ нѣга и прохлада,
Гдѣ въ садахъ сбираютъ дань
Пурпурнаго винограда,
Свѣтло свѣтитъ лучъ дневной,
Рано ищутъ, любятъ друга...
Ты знакомъ-ли съ той страной,
Гдѣ земля не знаетъ плуга
Вѣчно-юная блеститъ
Пышно яркими цвѣтами,
Золотистыми плодами?..
Странникъ, знаешь-ли любовь,
Не подругу снамъ покойнымъ,
Страшную подъ небомъ знойнымъ?
Какъ пылаетъ ею кровь?
Ей живутъ и ею дышатъ,
Страждутъ и падутъ въ бояхъ
Съ ней въ душѣ и на устахъ.

Такъ самумы съ юга пышатъ,
Раскаляютъ степь...
Что судьба, разлука, смерть!...

„Русское слово“ 1859, V, 76.

ЭЛЕГІЯ.

(Изъ Леонара).

Покоясь на брегу крутомъ,
Когда воздушныя равнины
Едва струятся вѣтеркомъ
Надъ лономъ дремлющей пучины,
Я въ слѣдъ за странникомъ въ моряхъ
Лечу завистливой мечтою,
И грусть о родинѣ слезою
Блеститъ въ задумчивыхъ очахъ.
И мѣрный плескъ волны, вспѣненной
Ударомъ шумнаго весла,
И голосъ пѣсни отдаленной
Пловца съ бѣгущаго челна,
Все тайное родитъ желанье
Покинуть берегъ мой родной,
И съ вѣтреной моей судьбой
Летѣть на чуждое призванье.
Когда жъ Эолъ во мглѣ шумитъ
И бурный валъ кипитъ и плещетъ,
И громъ надъ бездною гремитъ
И молнія по тучамъ блещетъ:
Тогда бросая жадный взоръ
На ручейка потокъ безпечный,
На миръ долинъ, лѣсовъ и горъ,
Воскликну въ радости сердечной:
Блаженъ, кто Ларами богатъ!
Онъ чуждъ коварныхъ обольщеній,
Его къ раздумью лишь манятъ
Родныхъ дубравъ безмолвны сѣни
И тихой плескъ младыхъ наядъ.

„Радуга“ на 1830 г., 221.

ДОМОВОЙ.

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожитъ насъ дѣдъ-непосѣдъ,
Зла творитъ много много и множество бѣдъ,
Ступней топочетъ, столами ворочитъ,
Душитъ, навалится, щиплетъ, щекочитъ.

„Русское Слово" 1859 г. V, 75.

ОТЪ АПОЛЛОНА.

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ,
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ и въ
стихахъ),
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью.

„Сынъ Отечества" 1815 г. XXV. № 45.

Отдѣлъ III.

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ.

Письмо Грибоѣдова къ издателю «Сына Отечества».

Изъ Тифлиса, отъ 21 Января 1819 года.

Вотъ уже полгода, какъ я разстался съ Петербургомъ; въ нѣсколько дней отъ Сѣвера перенесся къ полуденнымъ краямъ, прилежащимъ къ Кавказу (не мысленно, а по почтѣ: одно другаго побезпокойнѣе!); вдоль по гремучему Тереку вступилъ въ скопище громадъ, на которыя, по словамъ Ломоносова, Россія локтемъ возлегла, но теперь его подвинула уже гораздо далѣе. Округъ меня неплодныя скалы, надъ головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди свѣтлѣлись снѣжные верхи горъ, куда я вскорѣ потомъ взобрался и нашелъ сугробы, стужу, всѣ признаки глубокой зимы; но на разстояніи нѣсколькихъ верстъ суровость ея миновалась: крутой спускъ съ Катаура ведетъ прямо къ весеннимъ берегамъ Арагвы; оттуда одинъ шагъ до Тифлиса, и я уже четвертый мѣсяцъ какъ засѣлъ въ немъ, и никто изъ моихъ короткихъ знакомыхъ обо мнѣ не хватится, всѣми забытъ, ни отъ кого ни строчки! Стало быть, стоитъ только заѣхать за три тысячи верстъ, чтобъ быть какъ-бы мертвымъ для прежнихъ друзей! Я не плачу имъ такимъ же равнодушіемъ, тѣмъ, которыхъ любилъ, бывши съ ними въ одномъ городѣ; люблю и теперь вспоминать проведенное съ ними пріятное время, всегда объ нихъ думаю, навѣдываюсь у пріѣзжихъ обо всемъ, что происходитъ подъ вашимъ 60 градусомъ сѣверной широты; все, что оттуда здѣсь узнать можно, самыя незначущія мелочи сильно дѣйствуютъ на меня, и даже газетныя ваши вѣсти я читаю съ жадностью.

Теперь представьте мое удивленье: между тѣмъ, какъ я воображалъ себя на краю свѣта, въ уголкѣ, пренебреженномъ просвѣщенными жителями столицы, на дняхъ, перебиравши листки «Русскаго Инвалида», въ № 284 прошедшаго Декабря между важными извѣстіями объ американскомъ жаркомъ воскресеньѣ, о безконечномъ процессѣ Фуальдеса,

о докторѣ Верлингѣ, Бонапартовомъ лейбъ-медикѣ, вдругъ попадаю на статью о Грузіи: стало быть, эта сторона не совсѣмъ еще забыта, думалъ я; иногда и ею занимаются, а слѣдовательно и тѣми, которые въ ней живутъ... И было порадовался, но что-же прочелъ? Пишутъ изъ Константинополя отъ 26-го Октября, будто-бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя. Это меня и опечалило и разсмѣшило.

Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластномъ, и о происшествіи столь значущемъ, не затрудняются заимствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей и, не обинуясь, выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія, а можно-бы было, кажется, усомниться, тѣмъ болѣе, что этотъ слухъ вздорный, не имѣетъ никакого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали-бы въ Петербургѣ офиціально, не чрезъ Константинополь. Возмущеніе народа не то, что возмущеніе въ театрѣ противъ дирекціи, когда она даетъ дурной спектакль: оно отзывается во всѣхъ концахъ имперіи, сколько, впрочемъ, ни обширна наша Россія. И какіе есть татарскіе князья въ Грузіи? Ихъ нѣтъ, во-первыхъ; да еслибъ и были: здѣсь, чтò татарскій князь, что нѣмецкій графъ—одно и то-же: ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого голоса. Я, какъ очевидецъ и пребывая въ Тифлисѣ уже съ нѣкотораго времени, могу васъ смѣло увѣрить, что здѣсь не только давно уже не было и нѣтъ ничего похожаго на бунтъ, но при твердыхъ и мудрыхъ мѣрахъ, принятыхъ нынѣ правительствомъ, все такъ спокойно и смирно, какъ бы въ землѣ, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вмѣсто прежняго самоуправства, нынѣ каждый по своей тяжбѣ идетъ покорно въ домъ суда и расправы, и русскіе гражданскіе чиновники, оберегатели частныхъ правъ, каждаго удовлетворятъ сообразно съ правосудіемъ. На крытыхъ улицахъ базара промышленность скопляетъ множество людей, однихъ для продажи, другихъ для покупокъ; иные брадатые политики, окутанные бурками, въ мѣховыхъ шапкахъ, подъ вечеръ сообщаютъ другъ другу рамбавіи (новости) о томъ, напримѣръ, какъ недавно здѣшнія войска въ горахъ туда проложили себѣ путь, куда, конечно, никто изъ нашихъ прежде не заходилъ. На плоскихъ здѣшнихъ кровляхъ красавицы выставляютъ передъ прохо-

жими свои нарумяненныя лица, которыя безъ того были-бы гораздо красивѣе, и лѣниво грѣются на солнышкѣ, нисколько не подозрѣвая, что отцы ихъ и мужья бунтуютъ въ Инвалидѣ. Въ Караванъ-Серай привозятся предметы трудолюбія, плоды роскоши, получаемые черезъ Черное море, съ которымъ нынѣ новое ближайшее открыто сообщеніе сквозь Иметію. Въ окрестностяхъ города Виртембергскіе переселенцы безтревожно обстроиваются; зажиточные исчисляютъ, сколько вѣковъ, годовъ и мѣсяцевъ составятъ время, времена и полвремени, проповѣдуютъ Ш*** золотой Іерусалимъ съ жемчужными вратами; недостаточные работаютъ; дѣти ихъ каждое утро являются на улицахъ и въ домахъ, съ духовными виршами механика К***, которыхъ никто не слушаетъ, и съ коврижками, которыя всѣ раскупаютъ и щедро платятъ, себѣ за лакомство, имъ на пропитаніе. Вечеромъ въ порядочныхъ домахъ танцуютъ на сакляхъ (террасахъ), звучатъ въ бубны и завываютъ пѣсни очень пріятныя для поющихъ. Между тѣмъ городъ примѣтно украшается новыми зданіями. Все это, согласитесь, не могло-бы такъ быть въ смутное время, когда богатымъ татарскимъ князьямъ пришло-бы въ голову возмущать всеобщее спокойствіе.

Не думаю, чтобы поводъ ка распространенію такихъ слуховъ подала прошлогодняя экспедиція командующаго Грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, генерала отъ инфантеріи Ермолова. Вотъ что было: заложена крѣпость на Сунжѣ съ намѣреніемъ пресѣчь шатанія чеченцевъ, которые часто слѣзаютъ съ лѣсистыхъ вершинъ своихъ, чтобы хищничать въ низменной Кабардѣ. Крѣпостныя работы окончены успѣшно и безпрепятственно. Имѣя притомъ въ виду во всѣхъ направленіяхъ расчистить пути среди горъ, въ которыхъ многія мѣста по сіе время для насъ были непроходимымъ блуждалищемъ, и разрыть во множествѣ сокровенныя въ нихъ богатства природы, дано имъ было предписаніе генералъ-маіору Пестелю занять Басилы въ Дагестанѣ. Акутинцы и другіе народы, не уразумѣвъ истинныхъ его намѣреній, испуганные, обсѣли сосѣдственныя высоты; когда туда же приступилъ отъ крѣпости Грозной самъ генералъ Ермоловъ, они мгновенно разсѣялись; возбудителямъ этого скопленія дарована пощада, и, однимъ словомъ, никогда въ тамошнихъ странахъ державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорство народовъ, какъ нынѣ. Еще нужны труды и подвиги, подобные тѣмъ, которые подъяты здѣшнимъ главноначальствующимъ съ тѣхъ поръ, какъ

онъ вступилъ въ управленіе земель и народовъ, ему ввѣренныхъ, и необузданность горцевъ останется только въ разсказахъ о прошедшемъ. Впрочемъ, если и принять въ уваженіе, что экпедиція, о которой я сейчасъ упомянулъ, причиною толковъ о мнимомъ грузинскомъ бунтѣ: на что-же намъ даны ландкарты, коли въ нихъ никогда не заглядывать? Онѣ ясно показываютъ, что событія съ Кавказской линіи также не годится переносить въ Грузію, какъ въ Литву то, что случается въ Финляндіи.

Я бы впрочемъ, на взялъ на себя неблагодарнаго труда исправлять газетныя ошибки, еслибъ обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ азіатскомъ дворѣ. Россійская имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ Свѣта. Что не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту-же новость, уже выписанную изъ русскихъ оффиціальныхъ *) вѣдомостей, и очень невинно разскажетъ ее кому угодно въ Табрисѣ или въ Тегеранѣ. Всякому предоставляю обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечь можетъ.

А гдѣ настоящій источникъ такихъ вымысловъ? кто первый ихъ выпускаетъ въ свѣтъ? Какой-нибудь Армянинъ, недовольный своимъ торгомъ въ Грузіи, пріѣзжаетъ въ Царьградъ и съ пасмурнымъ лицомъ говоритъ товарищу, что тамъ плохо дѣла идутъ. Пріятельское извѣстіе передается другому, который частной ропотъ толкуетъ общимъ цѣлому народу. Третьему не трудно мечтательный ропотъ превратить въ возмущеніе! Такая догадка скоро пріобрѣтаетъ газетную достовѣрность и доходитъ до Гамбургскаго корреспондента, отъ котораго ничто не укроется, а у насъ привыкли его отъ доски до доски переводить: такъ какъ же не выписать оттуда статьи изъ Константинополя?

Потрудитесь замѣтить почтенному редактору «Инвалида», что не всякимъ турецкимъ слухамъ надлежитъ вѣрить; что если здѣшній край, въ отношеніи къ вамъ, господамъ петербургцамъ, по справедливости можетъ назваться краемъ забвенья, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о немъ нелѣпости не должно.

„Сынъ Отечества“ 1819 г., ч. LII, № 10, стр. 187.

*) „Русскій Инвалидъ“, въ статьяхъ иностранныхъ, не есть оффиціальная газета.

Письма А. С. Грибоѣдова къ Павлу Александровичу Катенину.

I.

Октября 19 (1817 года).

Что ты? душа моя, Катенинъ, надѣюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, такъ сдѣлай одолженіе перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никакъ не могли мнѣ быть по сердцу, а притомъ меня взбѣсило, что ихъ читали тѣ, кому бы вовсе не слѣдовало про это знать. Впрочемъ я вообще былъ не въ духѣ, какъ писалъ, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты, можетъ быть, не знаешь, какъ сильно хорошее и дурное время надо мной дѣйствуютъ, спроси у Бѣгичева. Ахъ! поклонись Алексѣю Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по настоящему эти вещи пишутся въ концѣ письма; но ужъ у меня однажды навсегда ничто не на своемъ мѣстѣ. А самое первое голова.—И смѣшно сказать, отъ чего?—Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва, какъ прочелъ, разсмѣялся, но послѣ чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ, вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву;—покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя, нельзя же молчаньемъ отдѣлываться, когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями. Ахъ! кстати онъ совершенно

окончилъ свою комедію, не достаетъ только предисловія, развязка преакуратная: графъ женится на княжнѣ, князь съ княжной уѣзжаютъ въ деревню, дядя и тетка изъясняютъ моральную цѣль всего произшедшаго, Машу и Ваньку устыжаютъ, они хотятъ—стыдятся, хотятъ—нѣтъ, Цаплинъ въ полиціи, Инквартусъ и многіе другіе въ дуракахъ, въ числѣ ихъ будутъ и зрители, я думаю, ну да это не мое дѣло, я буду хлопотать.—Хочешь ли кое что узнать объ другихъ твоихъ пріятеляхъ. Изволь.—Объ Чепяговѣ однако я ничего не могу сказать, потому что не видалъ его съ тѣхъ поръ, какъ ты отправился въ Москву. А Андрей Андреевичъ послѣдній вторникъ является на вечеръ къ Шишкову, слушаетъ Тасса въ прозѣ, и благополучно спитъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и бодрствуетъ до третьяго часа ночи. Я его какъ душу люблю, и жалѣю, а самъ я регулярно каждый вторникъ боленъ. Читалъ ты Жандровъ отрывокъ изъ Гоѳоліи въ *Наблюдатель*—безподобная вещь, только одно слово и къ тому же риѳма пребогомерзская: *говяда*. Видишь ты въ Библіи это значитъ стадо, да какое мнѣ дѣло?...........
.... Я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея вѣрно сдѣлаетъ прелестную вещь—это для бенефиса Семеновой. А я ей же въ бенефисъ отдаю Les fausses infidélités. Для Валберховой я сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ. На будущей почтѣ пришлю тебѣ. Скажи Бѣгичеву, что это безстыдное дѣло, онъ мнѣ еще ни строчки не писалъ. И я ему буду платить тѣмъ же. Прощай, сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учиться погречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый божій день съ 12-го часа до 4-хъ учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. По мнѣ, онъ вовсе не труденъ.

II.

Тегерань 26 марта 1819 г.

Любезный Павелъ Александровичъ!

Благодарю тебя за письмо и за актъ изъ Сплетенъ. Ты мнѣ этимъ очень удружилъ. Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду. Смертная лѣнь и скука, ни за что приняться не хочется.

Прощай; вѣрный другъ твой.

Жандра поцѣлуй!

III.

Табрисъ, Февраля 1820 года.

Любезный Павелъ Александровичъ!

Я очень давно не писалъ къ тебѣ. Не извиняюсь: потому что знаю, какъ это неизвинительно.—Прости, не пеняй въ уваженіе прежней и дастъ Богъ всегдашней нашей дружбы. Мнѣ дали извѣстіе о смерти Дарьи Андревны. Кому не жаль матери! Но, можетъ статься, ты уже утѣшенъ. До меня извѣстія изъ Россіи доходятъ какъ лучи отъ Сиріуса, черезъ шесть лѣтъ, и потому не сообщу тебѣ своихъ размышленій, какъ бы я на твоемъ мѣстѣ расположился въ качествѣ помѣщика: ты вѣроятно давно уже зажилъ по своему. Скажу объ моемъ быту: вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь, изъ Тифлиса пустился въ Иранъ, Секретарь бродящей Миссіи. Съ тѣхъ поръ не нахожу самого себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70-ти верстъ верхомъ скачетъ каждый день, весь день разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца сряду, подъ знойнымъ персидскимъ небомъ, по снѣгамъ въ Кавказѣ, и промежутки отдохновенія, недѣли двѣ, много три, на одномъ мѣстѣ! И этотъ человѣкъ будто я? Положимъ однако, что еще я не совсѣмъ съ ума сошелъ, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшимъ годомъ, какъ я дѣйствовалъ, и что со мною судьба спутила, опишу коротко.

Весною мы прибыли въ Тейранъ. Я не успѣлъ обозрѣться, только что разъ поскитался въ развалинахъ Раговъ Мидійскихъ, раза три въ Касрѣ-Каджарѣ, въ Негаристанѣ и въ другихъ окрестностяхъ Фетали-Шаховой столицы... жаръ выгналъ насъ въ поле, на лѣтнее кочевье въ Султанейскую равнину, съ Шааенъ-Шаа, Царемъ Царей и его Дворомъ. Ахъ! Царь-Государь! Не по длинной бородѣ, а впрочемъ во всемъ точь-въ-точь Ломоносова Государыня Елизаветъ дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вкругъ его! что за нравы! Когда нибудь отъ меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишкомъ запущено. Начать ихъ обрисовывать, хоть слегка, завлекло-бы слишкомъ далеко: въ годъ чего не насмотришься! Изъ Султанеи мы въ концѣ Августа попали въ Табрисъ. Не все еще. Передъ Султанеей въ Абгарѣ Ферсехевъ въ двадцати по сю сторону отъ Козбина пожили нѣсколько во время Рамазана, смотрѣли восточную Трилогію: Страсти Господнева угодника Алія, слышали удары дланьми

въ перси, вопли: Ва Гуссейнъ! О! Фатме! и пр. Я на это глядѣлъ, объ тебѣ думалъ. Въ Ахендѣ (за переходъ отъ Римскаго мосту на Кизиль-Озанѣ, въ горахъ Кафланку) тоже на недолго остановились съ тѣмъ, что дальше ѣхать или на мѣстѣ остановиться казалось одинаково скучнымъ, но послѣднее менѣе тягостнымъ.

Изъ Табриса, въ началѣ Сентября, я отправился въ Чечню къ Алексѣю Петровичу за новыми наставленіями. Нашелъ его какъ прежде необыкновенно умнымъ, хотя недружелюбнымъ. Онъ воюетъ, мы миръ блюдемъ; если однако вездѣ такъ мудро учреждены Посольства отъ Императора, какъ наше здѣсь: полки его опаснѣе, чѣмъ умы его дипломатовъ. Я наконецъ опять въ Табрисѣ. Владѣтельный Ша - Задѣ - Наибъ - Султанъ - Абасъ-Мирза, при которомъ мы честь имѣемъ находиться, и, въ скобахъ сказать, великій мнѣ недоброжелатель, вызвалъ изъ Лондона оружейныхъ мастеровъ, шорниковъ и всякихъ рабочихъ; сбирается заводить университеты. И у него есть Министръ Духовныхъ силъ Дервишъ Каймаканъ Мирза Бюзюркъ. Дайте намъ Уварова. Ты видишь, что и здѣсь въ умахъ потрясеніе. Землятресесеніе всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать: провались онъ совсѣмъ; такъ точно иной разъ провалится.

Не воображай меня однако слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣлъ примѣшать разнообразіе, распредѣлилъ часы; скучаю попеременно то съ Лугатомъ Персидскимъ, за который не принимался съ Сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ *товарищами.* Веселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творились-бы, да читать некому, сотруженники не Русскіе. О любезномъ моемъ фортепіано, гдѣ оно, я совершенно неизвѣстенъ. Книги, посланныя мною изъ Петербурга тѣмъ-же путемъ, теряются. Довольно о себѣ. Вы какъ? Что проиходитъ въ Вашемъ ученомъ и неученомъ мірѣ? Въ мое время, если-бы возможность была массу свѣдѣній нашихъ Литераторовъ, Академиковъ, Студіозовъ и Профессоровъ раздѣлить поровну нашимъ людямъ съ *талантомъ*, врядъ-ли бы на каждаго пришлось постольку, чему Ланкастеръ учитъ: читать и писать, и то плохо. Ты не въ счету. Играютъ-ли твою Андромаху? Напечатана-ли? Какъ ее достать? Коли не ex dona Auctoris, намекни по крайней мѣрѣ, куда отнестись? Да во всякомъ случаѣ пиши ко мнѣ. Сколько я удовольствія лишаюсь отъ лѣни! Если бы любезные мнѣ люди отъ меня имѣли письмы, вѣрно-бы от-

вѣчали. По крайней мѣрѣ я люблю нѣжиться этимъ воображеніемъ.

Князю почтенному низко поклонись за отсутствующаго. Не могу довольно порадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые хотятъ, не хотятъ, а должны меня помнить. Часто бывали вмѣстѣ. Славный человѣкъ! Кроткій, ласковый нравъ, пріятный умъ, статура его, чтеніе, сочиненія, горячность въ спорахъ объ стопахъ и риѳмѣ, нашъ Ценсоръ всегдашній, и самъ подъ ценсурою у Катерины Ивановны... Не повѣришь, какъ память обо всемъ этомъ мнѣ весела въ одиночествѣ! Жандрикъ мой какъ живетъ? въ 1820-мъ году прежнимъ ли святымъ молится? Объ Чепяговѣ ты мнѣ писалъ. Скажи, кто бы думалъ, что его въ чемъ ни есть *Гону* достанется замѣнить? Однако охота была нашему прозорливому другу пѣть свою Ѳеогонію такому человѣку, который боговъ знать не хочетъ? Чепяговъ и Чебышевъ! Не знаю почему при этихъ схожихъ именахъ мнѣ пришли въ голову два другіе: Гейнзіусъ и Гревіусъ!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крѣпко. Мой Шерасминъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе......

Изъ всего надо пользу получать, и ты изъ моего письма научись чему нибудь. Вотъ тебѣ Арабскій стихъ.

Шаруль-бело изъ кана ла садыкъ *) NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'Arabe. Aussi vous n'aurez pas le vers traduit.

IV.

17 Октября.

Любезный другъ, положимъ, что я уже извинился, какъ слѣдуетъ, и ты мнѣ простилъ 5-ти лѣтнее молчаніе, А. А. доскажетъ тебѣ остальное. Жаль, что не могу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь! Но мнѣ есть утѣшеніе, коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто и съ тѣми даже, съ кѣмъ ты незнакомъ, и кто тебя не стоитъ. На дняхъ все какъ будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ. Люди менѣе несправедливы на твой счетъ; стало и объ нихъ можно передать тебѣ вѣсти. Чаще прежняго произносятъ твое имя Андромаха, которая должна явиться въ альманахѣ; въ Парижѣ вышли о тебѣ отзывы, испол-

*) Величайшее несчастіе, когда нѣтъ истиннаго друга.

ненные уваженія, въ театрѣ превозносятъ Каратыгина и тебѣ приписываютъ развитіе его дарованія. Жоминьи и пр. его чрезвычайно хвалитъ, находитъ только, что не должно бы ноги ставить параллельно: car c'est donner dans le Drame. Было-бы о чемъ расписаться, но мелочи, главныя черты Петербурга и его глупцевъ тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны. Я по крайней мѣрѣ все нашелъ по старому: у Шаховскаго прежнія погремушки, только имя новое; онъ вообразилъ себѣ, что перешелъ въ романтики и съ тѣхъ поръ ни одна сказка, ни басня не минуетъ его рукъ, все перекраиваетъ въ пользу Дюръ, Брянскаго и пр.: на дняхъ, кажется, соорудилъ трилогію изъ «Медвѣдя и Пустынника» Крылова. Я у него бываю отъ того, что всѣ другіе его ругаютъ, это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое достоинство. Жандръ пробудился отъ усыпленія, переводитъ Венцеслава необыкновенно хорошо, безъ риѳмъ, и тѣмъ лучше выходитъ. Самъ не отстаю отъ толпы пишущихъ собратій. А. А. везетъ къ тебѣ мои риѳмы, прочти, разсмѣйся, замѣть, что не по тебѣ, орѳографію отъ себя дополни, переписывалъ кто-то въ Преображенскомъ полку.

Мы помѣнялись ролями. Бывало получу отъ тебя нѣсколько строкъ, и куда Востокъ дѣнется, не помню гдѣ, съ кѣмъ въ Табрисѣ, воображу себя вдругъ между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко и предаю себя въ волю Божію, но я былъ добровольнымъ изгнанникомъ, а ты!... Милый любезнѣйшій другъ, не тужи, право не о чемъ и не объ комъ. Тебѣ грустить не должно, всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь изъ этого мертваго города! Знай однако, что я здѣсь на перепутьи въ чужіе краи, попаду-ли туда не ручаюсь, но вотъ какъ располагаю собою: отсюдова въ Парижъ, потомъ въ южную Францію, коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ, Италію и Ѳракійскимъ Воспоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды. Кстати о ней, вчера храпѣлъ я у нѣмцевъ при шумѣ, трескѣ и грохотѣ дикихъ ямбъ Грильпарцера. Давали его Золотое руно. Главный планъ соображенъ счастливо. Въ первой части Медея представлена въ отечествѣ, куда прибываютъ Аргонавты; Царь Колховъ желалъ бы освободиться отъ воинственныхъ иноземцевъ, прибѣгаетъ къ чародѣйству дочери; она въ первый разъ познала, что сверхъестественныя силы даны ей на пагубу, въ борьбѣ между долгомъ и любовью, которою наконецъ совершенно побѣждается и для при-

шельца забываетъ отца и боговъ своихъ. Чудно, что нѣмецъ, и слѣдовательно ученый человѣкъ, не воспользовался лучше преданіями о звѣрскихъ нравахъ древней Колхіи, ни на минуту не переносится туда воображеніемъ, притомъ если-бы повелъ онъ Арна по всѣмъ мытарствамъ, Медея мужественная его сопутница, гораздо бы болѣе возбудила къ себѣ соучастіе. Французу это невозможно, но Грильпарцеръ какими стѣсненъ былъ условіями! Вторая часть начинается прекрасно (такъ ли я только помню?) Медея передъ тѣмъ, какъ вступить ей въ Коринѳъ, отрекается отъ всѣхъ волшебствъ, хочетъ пожить безпорочно съ мужемъ и дѣтьми, зарываетъ въ землю фіалъ съ зеліемъ, руно, жезлъ и покровъ чародѣйный; жаль только, что поэтъ заставляетъ ее всю свою утварь укладывать въ *чемоданъ*, а не прямо въ землю! Во второмъ актѣ превосходное мѣсто, когда посланный отъ амфиктіоновъ требуетъ ея изгнанія изъ Коринѳа, все прочее глупо до крайности. Авторъ тонетъ въ мелочныхъ семейственныхъ подробностяхъ, и трагическія его лица спускаются ниже самыхъ обыкновенныхъ людей.

Актриса м-ль Оредерюнь не безъ дарованій, но подрядилась каждому стиху давать отдѣльное выраженіе и утомляетъ, притомъ не имѣетъ пламенной души, какъ наша Семенова. Сказать-ли тебѣ два слова о Колосовой? Въ трагедіи обезьяна старшей своей соперницы, которой средства ей однако не дались, въ комедіи могла-бы быть превосходна, она и теперь, разумѣется, лучше Валберховой и тому подобныхъ...... только кривляетъ свое лицо непомѣрно, передразниваетъ кого-то, думаю, что Мариво, потому что плѣнилась ея игрою, какъ сама мнѣ сказывала, собственную природу выпустила изъ виду и рѣдко на нее попадаетъ и какъ однообразна! Шаховской не признаетъ въ ней ни искры таланта; я не согласенъ съ нимъ, конечно она еще не дошла и въ половину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть. Въ заключеніе скажу тебѣ, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются въ Русскій театръ, не смотря на скудность трагическаго репертуара. Пиши, ради Бога, долго-ли намъ слушать, что:

Едва лучъ утренній намъ въ мракѣ свѣтитъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверзты наши очи.

Прощай, мое сокровище, комнатный товарищъ Одоевскій сейчасъ воротился съ бала и шумитъ въ передней, два часа ночи; кабы А. А. не завтра отправлялся, я-бы не такъ

торопился и многое-бы придумалъ, чтобы разбить твои мысли. Еще разъ прощай и полюби меня по старому. Обнимаю тебя отъ души. Ей Богу! готовъ-бы сейчасъ въ ссылку, лишь бы этимъ тебѣ купить облегченіе жестокой и незаслуженной судьбы.

Вѣрный твой
А. Грибоѣдовъ.

V.

(Въ защиту „Горе отъ ума").

Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ!

Вчера я получилъ твое письмо, и знаешь-ли, какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день, и у огонька моей печки полсутки пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно.—Критика твоя, хотя и жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодую на ихъ притворство: чортъ-ли мнѣ въ ихъ мнѣніи! Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ. Мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію: дѣвушка, сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому, чтобъ умъ у насъ, грѣшныхъ, былъ обыкновененъ, — нѣтъ! и въ моей комедіи двадцать пять глупцовъ на одного здравомыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за то, что онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ—и это порокъ: «шутить, и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ». Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ: что-же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей, замѣтной черты? Его насмѣшки не язвительны, покуда его не взбѣсятъ, — но все таки: «не человѣкъ — змѣя!» А послѣ, когда вмѣшивается личность, нашихъ затронули,—предается анаѳемѣ: «унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!» Не терпитъ подлости: «Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!» кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ, и всѣ повторяютъ голосъ общаго недоброхотства, и до него не доходитъ; притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется; онъ ей и всѣмъ наплевалъ

въ глаза, и былъ таковъ. Ферзь *) тоже разочарована на счетъ своего сахара-медовича **). Что же можетъ быть полнѣе этого?

Сцены связаны произвольно ***). Такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ; чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ: а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. *Характеры портретны*. Да, я коли не имѣю таланта Мольера, то, по крайней мѣрѣ, чистосердечнѣе его; портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ есть однако черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому—на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій; каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностью. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и, сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ, etc, etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальностію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: «Мѣщанинъ во дворянствѣ», «Мнимый больной»,—портреты, и превосходные; «Скупецъ»—антропосъ собственной фабрики и несносенъ.

Дарованія болье, нежели искусства. Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю стою-ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, то есть, дѣлать глупости,—въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы,—тотъ, если художникъ, разбей свою палитру, и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко. Знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше-ли вовсе безъ хитростей? Nugae difficiles! Я, какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно.

---

*) Т. е., Софья.

**) Т. е., Молчалина.

***) Курсивомъ напечатаны подлинныя выраженія Катенина.

VI.

14 февраля (1825).

Тѣ двѣ страницы посылаю тебѣ недописанныя. Онѣ уже мѣсяцъ какъ начаты, и что я хотѣлъ прибавить не помню, но вѣроятно о себѣ: и такъ благодарю мою память, что она мнѣ на сей разъ измѣнила. Ты говоришь, что замѣчанія твои останутся между нами. Нѣтъ, мой другъ, я уже давно отъ всякихъ тайнъ отказался, и письмо твое на другой же день сообщилъ съ кѣмъ только встрѣтился: Дельвигу, между прочимъ, котораго два раза въ жизни видѣлъ, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину, и тогда же вечеромъ, Варв. Семен., Жандру и всѣмъ, кто у нихъ на ту пору случился. Вѣроятно еще многимъ, но кто же теперь всѣхъ ихъ упомнитъ?

Братъ твой былъ у меня и очень обрадовался разсказами о тебѣ, какъ ты веселишься и танцуешь въ Костромѣ.

Слушай, за чѣмъ ты не обратишься съ просьбою прямо къ Государю? вѣрно ему давно уже извѣстно, что ты оклеветанъ, и конечно онъ бы воротилъ тебя изъ ссылки. Попытайся, сдѣлай это для себя и для твоихъ искреннихъ пріятелей.

Отвѣтъ твой подлецу Р. В. Д. напечатанъ. Доволенъ ли ты? Всѣ благомыслящіе люди на твоей сторонѣ, но издателямъ много труда стоило добиться позволенія отъ Министерства къ напечатанію твоего картеля. Какой ты однако вздоръ пишешь Жандру о разговорѣ Булгарина въ Таліи. Этотъ человѣкъ подкапывается подъ рухлую славу Лобанова, такъ же врагъ Гнѣдичева перевода Андромахи (сколько я знаю, хотя бы онъ не хотѣлъ знать литературныхъ подлостей и сплетень), какъ же ты могъ это взять на свой счетъ! На сей разъ я точно поскромничаю и письма твоего не оглашу всенародно, Гречу и Булгарину ничего не скажу, изъ того, что было ты поручилъ, и... думается, ты самъ видишь, какъ жестоко обмануло тебя мрачное твое расположеніе... Ты требуешь моего мнѣнія о твоихъ Сплетняхъ и Сидѣ. Сплетни, сколько я помню, не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія: онѣ не веселы, и слогъ не довольно натураленъ, хоть и есть иные стихи превосходные. Въ Сидѣ есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто разъ публично и про себя. Это встрѣча Діега съ Родригомъ, въ домѣ Химены, не помню

въ концѣ ли 3-го или 4-го акта, ее безъ слезъ читать нельзя, вообще весь переводъ приноситъ тебѣ много чести, но также попадаются небрежности въ слогѣ, жесткости, и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ), точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ Андромахи, не въ мнѣніи безпристрастныхъ цѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на поприщѣ трудовъ и славы. — Зачѣмъ ты не даешь сыграть Андромахи? Семенова душою этого желаетъ, соединеніе такихъ двухъ талантовъ какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается, можетъ быть онъ въ чужіе краи отправится, и тогда Трагедіи твоей опять лежать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Прощай, мой свѣтъ, пиши ко мнѣ скорѣе на имя Жандра, поскорѣе: потому что я здѣсь еще не долго промедлю. А живу я точно, какъ ты въ Кологривѣ, очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ не возобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ не дружусь, лѣта не тѣ, сердце холоднѣе. Прощай, обнимаю тебя отъ души.

Вѣрный твой А. Г.

N. B. Сдѣлай одолженіе, рѣшись обратиться съ просьбою прямо къ Государю. Кромѣ собственной его души, ни на чью здѣсь не надѣйся: никто за брата роднаго не похлопочетъ. Зачѣмъ ты Телешову дрянью называешь, не имѣя объ ней никакого понятія? Какъ же на другихъ пенять, когда ты такъ рѣзко судишь о томъ, чего не знаешь?

Письмо А. С. Грибоѣдова неизвѣстно къ кому назначенное *).

Табрисъ 17 Ноября 1820 г., часъ по полуночи.

Вхожу въ домъ, въ немъ праздничный вечеръ; я въ этомъ домѣ не бывалъ прежде. Хозяинъ и хозяйка, Поль съ женою, меня принимаютъ въ двери. Пробѣгаю первый залъ и еще нѣсколько другихъ. Вездѣ освѣщеніе; то тѣсно между людьми, то просторно. Попадаются многія лица, одно какъ будто моего дяди, другія тоже знакомыя; дохожу до послѣдней комнаты, толпа народу, кто за ужиномъ, кто за разговоромъ; вы тамъ-же сидѣли въ углу, наклонившись къ кому-то, шептали и ваша возлѣ васъ. Необыкновенно пріятное чувство и не новое, а по воспоминанію мелькнуло во мнѣ, я повернулся и еще куда-то пошелъ, гдѣ-то былъ, воротился; вы изъ той-же комнаты выходите ко мнѣ навстрѣчу. Первое ваше слово: вы ли это А. С. Какъ перемѣнились? Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко отъ постороннихъ въ уединенную, длинную, боковую комнату, къ широкому окошку, головой приклонились къ моей щекѣ, щека у меня разгорѣлась, и подивитесь! вамъ труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда былъ выше васъ гораздо. Но во снѣ величины искажаются, а все это сонъ, не забудьте.

Тутъ вы долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написалъ-ли я что нибудь для васъ?—Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отложился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ, ума нѣтъ—вы досадовали.—Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишите.—Что-же вамъ угодно?—Сами знаете.—Когда же должно быть готово?—Черезъ годъ непремѣнно.—Обязываюсь. — Черезъ годъ, клятву дайте... И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, но котораго я, давно слѣпой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: лѣнь губитъ всякій талантъ... А вы обернясь къ человѣку: посмо-

---

*) На спискѣ рукою М. П. Погодина написано: доставлено А. М. Гусевымъ.

трите кто здѣсь?... Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился мнѣ на шею... дружески меня *душитъ*... Катенинъ!... Я пробудился.

Хотѣлось опять позабыться тѣмъ же пріятнымъ сномъ. Не могъ. Вставъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи! Муэдзинъ съ высоты минара, звонкимъ голосомъ возвѣщалъ ранній часъ молитвы (— ч. пополуночи) ему вторили со всѣхъ мечетей, наконецъ вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа развѣяла мое безпамятство, затеплилъ свѣчку въ моей храминѣ, сажусь писать и живо помню мое обѣщаніе, *во снѣ дано, на яву исполнится.*

На оборотѣ черноваго письма А. С. Грибоѣдова, отъ 17 Ноября 1820 г., изъ Табриса, написано имъ собственноручно слѣдующее:

«Les connaissances que je possède se réduisent à celles des langues: Slavone et Russe, Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et à l'Arabe. Mais c'est encore peu de chose pour quiconque veut être utile à la société, que d'avoir plusieurs mots pour une idée, comme dit Rivarol, plus on a de lumières mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, oû loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de ce qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité au lieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs, auxquels personne ne croit.

Познанія мои заключаются въ изученіи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще не достаточно имѣть нѣсколько рѣченій для выраженія одной мысли, какъ говоритъ Ривароль, чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему Отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть свѣдѣнія, прошу о увольненіи отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, гдѣ не только ничему не научишься, а еще забудешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ—обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ.

Загородная поѣздка.

(Отрывокъ изъ письма южнаго жителя).

На высоты! на высоты! Подалѣе отъ шума, пыли, отъ душнаго однообразія нашихъ площадей и улицъ. Куда нибудь, гдѣ воздухъ рѣже, откуда груды зданій въ неясной дали слились-бы въ одну точку, весь бы городъ представилъ изъ себя центръ отмѣнно мелкой, ничтожной дѣятельности, кипящій муравейникъ.

— Но куда-же вознестись такъ высоко, такъ свободно изъ Петербурга?—въ Парголово. Въ полдень 21-го Іюня, мы пустились по извѣстной дорогѣ изъ Выборгской заставы. Не роскошныя окрестности! Природа съ великимъ усиліемъ въ болотѣ насадила печальныя ели; жители ихъ выжигаютъ. Дымный запахъ, блѣдное небо, скрыпучій песокъ, все это не располагаетъ странниковъ къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. Подымаемся на пригорокъ, и на другой (кажется, на шестой верстѣ); лошадямъ тяжело, но душѣ легче, просторнѣе. Отсюда взоръ блуждаетъ по безконечной поверхности лѣсной чащи. Тѣ-же ели, но подъ скудною тѣнью ихъ рѣдкихъ вѣтвей, въ ихъ тощей зелени, въ бездушныхъ иглахъ нѣтъ отрады, теперь же съ крутизны холма, пирамидальные верхи ихъ сглажены, особенности исчезли; подъ нашими ногами засинѣлся лѣсъ одной полосой, далеко протяженною, и видъ неизмѣримости сообщаетъ душѣ гордыя помышленія. — Въ сообществѣ равныхъ намъ, высшихъ насъ, такъ точно мы, ни ими, ни собою недовольные, возносимся иногда пареніемъ ума надъ цѣлымъ человѣчествомъ, и какъ величественна зыбь вѣковыхъ истинъ и заблужденій, которая отовсюду простирается далеко за горизонтъ нашего зрѣнія!

Другаго рода мысли и чувства возбуждаетъ, нѣсколько верстъ далѣе, влѣво отъ большой дороги, простота деревенскаго храма. Одинокъ, и построенъ на разложистомъ мысѣ, котораго подножіе омываетъ тихое озеро; справа рядъ хижинъ, но въ нихъ не поселяне. Нѣжная бѣлизна красавицъ и торопливость ихъ услужниковъ напоминаютъ..., не знаю

именно, о чемъ, но злѣсь онѣ менѣе озабочены чинами всякаго рода.

Вотъ и край нашихъ желаній. Все выше и выше, мѣста картинныя: мирныя рощи, дубы, липы, красивыя сосны, то по нѣскольку вмѣстѣ стоятъ среди спѣющей нивы, то надъ прудомъ, то опоясываютъ собою рядъ холмовъ; подъ ихъ густою сѣнію, дорога завивается до самой вершины—доѣхали.

Тутъ всякій спѣшитъ на дерновую площадку, на которую взбѣгаютъ уступами, со стороны сада. Сквозь расчищенный просѣкъ виднѣются вдали верхи башенъ Петербургскихъ. Такъ разсказываютъ, но мы ничего не видали. Наше зрѣлище ограничивалось тѣмъ живописнымъ озеромъ, мимо котораго сюда ѣхали: далѣе все было подернуто сизыми парами; и вотъ одно ожиданіе рушилось, какъ идея поэта тускнетъ при неудачномъ исполненіи. Въ замѣну изящной отдаленности, мы любовались тѣмъ, что было ближе. Подъ нами, на берегахъ тихихъ водъ, въ перелѣскахъ, въ прямизнахъ аллей, мелькали группы дѣвушекъ; мы пустились за ними, бродили часъ, два; вдругъ послышались намъ звучные, плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе, съ того-же возвышенія, гдѣ мы прежде были. Родныя пѣсни! Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?—Приходимъ назадъ: то мѣсто было уже наполнено бѣлокурыми крестьяночками въ лентахъ и бусахъ; другой хоръ изъ мальчиковъ; мнѣ болѣе всего понравились двухъ изъ нихъ смѣлыя черты и вольныя движенія. Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самыхъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-Европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки не внятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и Тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами и навѣки! Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который-бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно-бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами.

Пѣсни не умолкали: затянули: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*; молодые пѣвцы присѣли на дернъ и дружно гря-

нули въ ладоши, подражая мѣрнымъ ударамъ вёселъ; двое на ногахъ оставались: Атаманъ и Есаулъ. Былыя времена! какъ живо воскрешаетъ васъ въ моей памяти эта народная игра, тотъ вѣкъ необузданной вольности, въ который нѣсколько удальцовъ бросались въ легкіе струги, спускались внизъ по протоку Ахтубѣ, по Бузанъ-рѣкѣ, дерзали въ открытое море, брали дань съ прибрежныхъ городовъ и селеній, не щадили ни красоты дѣвичей, ни сѣдины старческой, а, по словамъ Шардена, въ роскошномъ Фирузъ-Абатѣ, угрожали блестящему Двору Шаха Аббаса. Потомъ, обогатясь корыстями, несмѣтнымъ числомъ тканей узорчатыхъ, серебра и золота, и жемчуга окатнаго, возвращались домой, гдѣ ожидали ихъ любовь и дружба; ихъ встрѣчали съ шумною радостью и славили въ пѣсняхъ.

Время длилось. Сѣверное, лѣтнее солнце, какъ всегда передъ закатомъ, казалось неподвижно; мой товарищъ предложилъ мнѣ пуститься верхомъ, еще подалѣ, къ другой цѣпи возвышеній. Сѣли на лошадей, которыя здѣсь сродни горнымъ муламъ, но изъ нашей поѣздки ничего не вышло, кромѣ благотворнаго утомленія для здоровья. Дымъ отъ выжженыхъ и курившихся корней носился по дорогѣ. Солнце въ этомъ мракѣ походило на ночное свѣтило. Возвратились опять въ Парголово; оттуда въ городъ прежнею дорогою, прежнее уныніе. Къ тому же суровость климата! При спускѣ съ одного пригорка, мы разомъ погрузились въ погребной влажный воздухъ; сырость проникала насъ до костей, и чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ хуже: по сторонамъ предательская трава; если своротить туда, тинистыя хляби вмѣсто суши. На пути не было никакой встрѣчи, кромѣ туземцевъ Финновъ; бѣлые волосы, мертвые взгляды, сонныя лица!

(„Сѣверная Пчела". 26 Іюля 1826 г., № 76).

Письма къ князю В. Ѳ. Одоевскому.

I.

Любезнѣйшій князь. Много благодарю васъ за присылку пріятныхъ произведеній вашего пера. Знаю, что похвалою не угожу вамъ, хотя бы нечего возмущаться и самой щекотливой скромности отъ человѣка прямодушнаго, не кроителя пустыхъ вѣжливостей, и который высоко цѣнитъ свойства ума вашего и дарованія. Въ этихъ моихъ чувствахъ надѣюсь еще болѣе утвердиться по вторичномъ прочтеніи вашихъ остроумныхъ памфлетовъ. Вѣрный вашъ А. Грибоѣдовъ.

II.

Среда.

Пишу вамъ два слова, любезнѣйшій князь, а не болѣе: потому что нынѣшній день отправляю множество писемъ съ фельдъегеремъ въ Тифлисъ. Самъ у васъ буду, и тогда условимся, когда именно провести у меня день въ дружеской бесѣдѣ,—безъ женщинъ пуще всего. За оду благодарю васъ. Вѣрный вашъ А. Грибоѣдовъ.

III.

Любезный другъ. Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ Калайдовича Памятники Древн. Росс. Словесности и Арцыбашева; да возлѣ тебя въ книжной лавкѣ не найдется ли Гессъ де Кальве Теорія музыки и Успенскій, Русск. древности изъ частной жизни Россіянъ, одна часть? При семъ прилагаю *25 р.* Извини, что утруждаю тебя моими порученіями, можетъ быть, безвременными. Вѣрный твой Грибоѣдовъ.

IV.

Кіевъ. 10 Іюня 1825.

Благодаренъ тебѣ душевно за два письма, любезный другъ... Самъ я въ древнемъ Кіевѣ; надышался здѣшнимъ воздухомъ и скоро ѣду далѣе. Здѣсь я пожилъ съ умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе; какъ они мыслятъ и что творятъ—русскіе чиновники и польскіе помѣщики, Богъ ихъ вѣдаетъ. Природа великолѣпная; съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагу виды измѣняются; прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора, и какъ душѣ просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ: зелень, тополи и виноградники, чего нѣтъ у насъ! Хорошо однако, что побывалъ здѣсь въ началѣ іюня; говорятъ, что зимою немногимъ лучше сѣверной Россіи. Посѣтителей у меня перебывало много, однако скромныхъ, мало мѣшали.

Верстовскаго обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву; что же отъ того лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе. Какъ ты объ этомъ думаешь?

За статью въ Телеграфѣ приношу тебѣ заранѣе мою благодарность; только вопросъ теперь, гдѣ я наткнусь на нее? Здѣсь не найдешь; въ Крыму, гдѣ буду слоняться недѣли съ три, того менѣе; въ Керчи сяду на корабль и поплыву въ Имеретію, оттудова въ горы къ Ермолову, и такъ прощайте, журналы, до Тифлиса. Меня приглашаютъ неотступно въ Бердичевъ на ярмарку, которая начнется послѣ завтра; тамъ хотятъ познакомить съ Ржевуцкимъ; притомъ въ Любарѣ семейство Муравьевыхъ устроиваетъ мнѣ самый пріятный пріемъ; боюсь сдаться на ихъ вѣру, не скоро вырвешься. Прощай, милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся: онѣ всякой жизни придаютъ высокое значеніе, и даже въ Москвѣ (откуда вынеси тебя Богъ поскорѣе). Только я не разумѣю здѣсь полемическихъ памфлетовъ, критикъ и антикритикъ. Виноватъ, хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно.

Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество ваше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!

Прощай, люби меня, и пиши прямо въ Тифлисъ на имя военнаго губернатора е. п. Романа Ивановича Ховена. Твой адресъ пребезпутный: что такое вашъ монастырь Георгіевскій и Тверская, безъ означенія дома, чей онъ?...

Письмо къ князю А. И. Одоевскому.

С.-Петербургъ.

Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь наградилъ меня щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты-бы порадовался, если-бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ, и тамъ, въ дали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

Осмѣлюсь-ли предложить тебѣ утѣшеніе, въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ, можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты вѣрно теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти.

Кто тебя завлекъ въ эту гибель. Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ-бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя уму и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила, довольно объ этомъ.

Слышу, что снисхожденіемъ Высшаго начальства тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволится читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины, реэстръ приложу послѣ.

По поводу «Горя отъ Ума».

(Черновой набросокъ).

. . . Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той-же участи,—такъ мнѣ-ли роптать?—Въ превосходномъ стихотвореніи многое должно угадывать; не вполнѣ выраженныя мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно, и ясно и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной—даръ, искусство; съ другой—воспріимчивость, вниманіе. Но какъ-же требовать его отъ толпы народа, болѣе занятаго собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? Притомъ сколько привычекъ и условій, ни мало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія,—однако надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждыхъ трехъ-четырехъ-сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по корридорамъ, душу отвести въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ,—и всѣ движутся, входятъ и выходятъ, и встаютъ и садятся. Всѣ таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой! Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, то есть, дѣлать глупости...

Письма къ Бѣгичеву.

I.

С.-Петербургъ, 9-го Ноября 1816 г.

Любезный Степанъ! гдѣ ныньче изволитъ обрѣтаться ваше флегмородіе? Не знаю, что подумать о тебѣ; увѣренъ, что меня любишь, и слѣдовательно помнишь, но какъ-же таки ни строчки къ твоему другу? Съ меня что-ли примѣръ берешь? И то неизвинительно: я не писалъ къ тебѣ, потому что былъ боленъ, а теперь—что выздоровѣлъ—первое письмо къ тебѣ. Если ты не намѣренъ прежде мѣсяца быть въ С.-Петербугѣ, то, пожалуй, потрудись не быть лѣнивымъ: обрадуй меня хотя двумя словами.

Признаюсь тебѣ, мой милый, я такой же, какой былъ и прежде, пасынокъ здраваго разсудка: въ Дерптъ не поѣхалъ и засѣлъ здѣсь, и очень доволенъ своей судьбой, одного тебя недостаетъ. Квартира у меня славная; какъ пріѣдешь, прямо у меня остановись, на Екатерин. каналѣ, у Харламова мосту, угольный домъ Валька. Да прізжай-же скорѣе. Неужели все заводчика корчишь? Передъ кѣмъ, скажи, пожалуй? у тебя нѣтъ матери, который ты обязанъ казаться основательнымъ; будь такимъ, каковъ есть. Здѣсь кругъ друзей твоихъ увеличится, да и старые хороши; кромѣ того В-о-р-о-б-ь-е-в-а *) на дняхъ спрашивала, скоро-ли ты будешь, и есть-ли у тебя годовыя кресла! Было время, что я бы съ завистію это слушалъ, но теперь прекрасный полъ меня не занимаетъ и по очень важной причинѣ. Я вѣдаюсь съ аптекой; какая занимательная часть фармакопія! Я на себѣ испытываю разныя спасительныя вліянія можжевеловыхъ порошковъ, сассапареля, сѣрныхъ частицъ и т. п.

Пріѣзжай, пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. Въ воскресенье я

*) Извѣстная актриса того времени.

съ Истоминой и съ Шереметевымъ *) ѣду въ Шустерклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился. Сколько здѣсь портеру, и какъ дешево.

Прощай, мой другъ! пиши, коли не такъ скоро будешь. Что это за мерзость, ничего не знать другъ объ другѣ! Это только позволительно двумъ дуракамъ, какъ мы съ тобою.— Прощай. Доставилъ-ли тебѣ К. Алекс. 500 р.? Андр. Семен. **) усерднѣйшій поклонъ.

II.

С.-Петербургъ, Декабря 5-го 1816 года.

Милый другъ Степанъ! спѣшу тебя увѣдомить, что я получилъ твое письмо, видѣлся съ Дмит. Ник. и съ Андр. Семен. А ты боленъ! видишь, какая у меня съ тобою ровная доля! Но теперь тебѣ лучше; смотри же, какъ оправишься, не мѣшкая пріѣзжай сюда. Алексѣй Ивановичъ Кол. увѣряетъ, что ты намѣренъ переходить въ армію; я увѣряю, что ты слишкомъ уменъ для этого. Кто любитъ службу и желаетъ дослужиться до высшей степени, тотъ долженъ быть въ Петербургѣ. Пожалуй не воображай, что я это говорю въ мою пользу. Конечно, я буду счастливѣе живя съ тобою вмѣстѣ, но ты самъ много выиграешь, если не выйдешь изъ гвардіи. И что же тебя въ ней пугаетъ? что многіе поручики не брѣютъ бороды, какъ говоритъ Алексѣй Ивановичъ? поэтому стыдно быть и генераломъ, потому, что нынче большая часть генераловъ такихъ, у которыхъ подбородокъ не опушился. Или ты боишься нести большіе труды и часто излишніе? De Ligne говоритъ: si l'exercice d'un seul bataillon ne vous transporte pas, si vous ne vous sentez pas la volonté de vous trouver partout, si vous êtes distrait, si vous ne redoutez pas que la pluie n'empêche votre regiment de manoeuvrer—donnez votre place à un jeune homme, qui sera fou de l'art des Maurice et des Eugéne, *qui sera persuadé qu'il faut faire trois fois plus que son devoir pour le faire passablement.*—Притомъ здѣсь ты чрезъ 5 лѣтъ полковникъ вѣрно. А часы, дни, въ которые ты будешь свободенъ отъ службы, ты ихъ проведешь весело, съ

*) Истомина — воспѣтая Пушкинымъ (Евг. Онѣг.) танцовщица;—Шереметевъ ея счастливый поклонникъ.

**) Генералъ Кологривовъ, бывшій начальникъ Грибоѣдова во время служенія послѣдняго въ Иркутскомъ гусарскомъ полку.

друзьями. Тамъ, въ Иркутскомъ полку, ты не можешь имѣть друзей, ни по сердцу, ни по уму.

Прощай, меня торопятъ, нынче вторникъ, письма отдаются рано на почту.—Не лѣнись пожалуй писать—Коммуникація между нами открылась pour parler militairement. Ты знаешь, гдѣ я, я знаю, гдѣ ты.

Прощай еще разъ, цѣлую тебя отъ всего сердца.

Усердный другъ твой
А. Г.

III.

С.-Петербургъ, Сентября 4-го 1817 г.

Любезный другъ Степанъ! Вотъ почти мѣсяцъ, какъ мы съ тобою разстались; я съ тѣхъ поръ въ первый разъ принимаюсь къ тебѣ писать и то въ торопяхъ.—Пріемъ на почтѣ продолжается до 12 часовъ, теперь скоро одиннадцать. Нужды нѣтъ, если не узнаешь ничего подробнаго: по крайней мѣрѣ не будешь на двое полагать, живъ ли я или нѣтъ.—Вотъ перечень всего того, что со мной происходило со дня, какъ мы распростились въ Ижорахъ. Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Онъ до того меня исковеркалъ, что я на другой день не могъ владѣть руками, а спины вовсе не чувствовалъ. Вотъ каково водиться съ буйными юношами. Какъ не вспомнить псалмопѣвца: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ». Знаешь-ли, съ кѣмъ я теперь живу? Черезъ два дня послѣ Ижоръ встрѣчаюсь я у Лареды съ Каверинымъ *). Онъ говоритъ мнѣ: «Что Бѣгичевъ уѣхалъ? Пошелъ съ кавалергардами въ Москву? Тебѣ вѣрно скучно безъ него? Я къ тебѣ переѣзжаю».—Мы разошлись, я поѣхалъ натурально къ Шаховскому; ночью являюсь домой и нахожу у себя чужихъ пенатовъ, Каверинскихъ. Онъ все такой-же, любитъ съ друзьями и наединѣ подвыпить, или, какъ онъ называетъ: *тринкену задать*.

Братъ твой Иркутскій полковникъ; поздравь его отъ меня, какъ увидишь.—Неужто онъ явится въ полкъ? Сдѣлай одолженіе, отговори его отъ этого. У него кажется, передъ глазами мой примѣръ. Я въ этой дружинѣ всего пробылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу попасть на путь истинный. Да нельзя ли тебѣ написать къ Арсеньеву объ Шмитовыхъ деньгахъ? Ты бы черезъ это большую пользу

---

*) Павелъ Петровичъ Каверинъ, гусарскій офицеръ.

принесъ человѣчеству: для того что у меня нѣтъ ни копѣйки, а Шмитъ вѣрно бы со мною подѣлился.

Прощай, безцѣнный другъ мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю.—На дняхъ ѣздилъ я къ Кирхофшѣ гадать о томъ, что со мною будетъ; да она не больше меня объ этомъ знаетъ; такой вздоръ вретъ, хуже Загоскина комедій. — Кстати, Шаховской меня проситъ сдѣлать нѣсколько сценъ стихами въ комедіи, которую онъ пишетъ для бенефиса Вальберховой, *) и я ихъ сдѣлалъ довольно удачно. Спишу на дняхъ и пришлю къ тебѣ въ Москву.

Прощай, отъ души тебя цѣлую. Пиши ко мнѣ, непремѣнно пиши. Стыдно тебѣ, если меня забудешь. Поклонись Никитѣ.

Усердный поклонъ твоимъ спутникамъ Д. в. и А. б. Языковымъ, Кологривову и даже Поливанову.

IV.

15-го Апрѣля 1818 г.

Христосъ воскресе, любезнѣйшій Степанъ! А я со скуки умираю, и врядъ ли воскресну. Сдѣлай одолженіе, не дурачься, не переходи въ армію; тамъ тебѣ Богъ знаетъ когда достанется въ полковники, а ты, надѣюсь, какъ нынче всякій честный человѣкъ, служишь изъ чиновъ, а не изъ чести.

Посылаю тебѣ *Притворную невѣрность* два экземпляра, одинъ перешли Катенину. Вотъ видишь ли, отчего сдѣлалось, что она переведена двумя.—При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова **) торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у меня только переведены сцены XII-я и XIII-я; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: *я здѣсь, все слышалъ и все знаю*, я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны. Ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые

---

*) Вальберхова — извѣстная въ то время актриса. Комедія, о которой говорится въ этомъ письмѣ, „Своя семья“.

**) Катерина Семеновна Семенова, актриса, бывшая замужемъ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ.

лучше моихъ. Эту комедiйку собираются играть на домашнихъ театрахъ, ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано, вотъ что заставило меня ее напечатать. Однако довольно поговорено о Притворной невѣрности; теперь объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непремѣнно хотятъ послать, куда бы ты думалъ? — въ Персiю, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отнѣкиваюсь, ничего не помогаетъ; однако я третьяго дня, по приглашенiю нашего министра, былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то не навѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначенiи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчiемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтущiя лѣта свои провести между дикообразными азiятцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь вправѣ ожидать, отъ всякаго общенiя съ просвѣщенными людьми, съ прiятными женщинами, которымъ я самъ могу быть прiятенъ; не смѣйся: я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ, чего же имъ еще надобно? Словомъ, невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездiя.

— Вы въ уединенiи усовершенствуете ваши дарованiя.

— Нисколько, В. С.; музыканту и поэту нужны слушатели, читатели: ихъ нѣтъ въ Персiи...

Мы еще съ нимъ кое о чемъ поговорили; всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, что сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбiя, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженiе.

При лицѣ шаха всего только будетъ два чиновника: Мазаровичъ, любезное созданiе, уменъ и веселъ, а другой я, либо NN.—Обѣщаютъ тьму выгодъ, поощренiй, знаковъ отличiя по прибытiи на мѣсто; да вѣдь дипломаты на посулѣ, какъ на стулѣ. Кажется однако, что не согласятся на мои требованiя. Какъ хотятъ, а я рѣшился быть *коллежскимъ ассессоромъ*, или *ничѣмъ*. — Степанъ, милый мой, ты хоть штабсъ-ротмистръ кавалергардскiй, а умный малый, — какъ ты объ этомъ судишь?

V.

30-го Августа 1818 года.

На этотъ разъ ты обманулся въ моемъ сердцѣ, любезный, истинный другъ мой Степанъ. Грусть моя не про-

ходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было, всего жаль.—Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и въ умъ не входитъ, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ и соименнаго ему секретаря посольства та-же участь ожидаетъ, только врядъ ли я попаду въ святые! Прощай, мой другъ; сейчасъ опять въ дорогу, и отъ этого одного безпрестаннаго противоположнаго движенія въ коляскѣ есть отчего съ ума сойти. Увидишь кого изъ друзей моихъ, изъ знакомыхъ, напоминай имъ обо мнѣ; въ тебѣ самомъ слишкомъ увѣренъ, что никогда не забудешь.

Коли случай будетъ заслать или заѣхать къ Гречу, подпишись за меня на полученіе его журнала. Ахъ! чуть было не забылъ: подпишись на афиши, присылай мнѣ ихъ, и когда уѣдешь изъ Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру.—Прощай, отъ души тебя цѣлую.

У васъ нынче новый балетъ.

VI.

Москва, 5-го Сентября 1818 года.

Мы сюда пріѣхали третьяго дня, а вчера я получилъ отъ тебя письмо, милый мой Степанъ; это меня утѣшило до крайности, и однако, заставило опять вздохнуть по Петербургѣ. Здѣсь для меня все ново и, слѣдовательно, все еще пріятно; соскучиться не успѣю, потому что черезъ три дня отправляюсь; ты уже пиши ко мнѣ въ Тифлисъ. Павлова *) я видѣлъ, и онъ у меня побывалъ, завтра познакомитъ съ женою; Чебышева въ тоскѣ, Алексѣй Семеновичъ Кологривовъ скоропостижно умеръ; мужа ея здѣсь нѣтъ. Чипягова ждемъ не дождемся; освѣдомься, выѣхалъ ли онъ изъ Петербурга; я справлялся на многихъ станціяхъ, въ смотрительскихъ книгахъ, имени его нѣтъ нигдѣ. Брата твоего тоже здѣсь нѣтъ, за то есть монументъ Минину и Пожарскому, и Притворную Невѣрность играютъ, и какъ играютъ! Кокошкинъ вчера предо мною униженно извинялся, что *прелестные* мои

*) Родственникъ А. П. Ермолова.

стихи такъ терзаютъ, что онъ не виноватъ: его не слушаютъ: было-бы что слушать. Вчера меня залобызали въ театрѣ мильонъ знакомыхъ, которыхъ ни лицъ, ни именъ не знаю.— Кстати, коль увидишь Семенову (Мельпомену), скажи, что ея невѣрный князь здѣсь, и я его за нее осыпалъ упреками.....

Медвѣдева *) здѣсь—прехорошенькая, я ей вчера въ *Сандрильонѣ* много хлопалъ. Здѣшніе Готтентоты ничему не апплодируютъ, какъ будто на перекоръ петербургскимъ, которые рады, что Богъ имъ далъ ужасныя ладони, и, при всякомъ случаѣ, готовы ими гремѣть: надо однако сознаться, что тотъ, кто у васъ Льва играетъ, Росцій въ сравненіи съ первѣйшими здѣшними актерами.

Ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ Готтентотовъ: это — участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ! чуть-ли не больше, чѣмъ солдатъ; и этихъ тьма: здѣсь все солдаты — и на дорогѣ во всякой деревнѣ, точно завоеванный край. Можетъ и я скоро надѣну лямку: Павловъ путемъ взялся похлопотать за меня при женѣ и при Ермоловѣ, а если этотъ захочетъ перевести меня въ военную, я не прочь. Что ты объ этомъ скажешь? Пиши ко мнѣ почаще и побольше! Я поминутно объ тебѣ думаю! и послѣднія увѣщеванія очень помню, и ты можешь судить, сколько я сдѣлался основателенъ; тотчасъ открылъ Павлова, и на другой день по пріѣздѣ сюда отправился заказывать себѣ все нужное для Персіи. Эти благія намѣренія однако не исполнились: я заѣхалъ къ пріятелю, оттуда въ ресторацію, плотно поѣлъ, выпилъ бутылку шампанскаго и послѣ театра слегъ въ постель съ чрезвычайною головною болью. Матушка мнѣ приложила какую-то ватку съ одеколонью, которой мнѣ весь лобъ сожгло; нынче я однако свѣжѣе, и только-что всталъ, пошелъ поглазѣть на молоденькую старую знакомку, которая противъ насъ живетъ, и уже успѣлъ съ нею опять сдружиться, и, побесѣдовавши съ тобой, къ ней отправлюсь. Ахъ, Персія! дурацкая земля! Гелеръ пріѣхалъ съ Кавказа, говорилъ, что проѣзду нѣтъ: недавно еще на какой то транспортъ напало 5000 черкесовъ; съ меня и одного довольно будетъ,—пріятное путешествіе!

Прощай, любезный другъ, напиши-же и справься еще о

---

*) Актриса, мать нынѣшней артистки Медвѣдевой.

паспортахъ и объ....; благодарствуй, что позаботился объ этомъ. Матушка тебѣ кланяется, сестра еще не пріѣхала, Жандръ у насъ еще живетъ, только я не видалъ его, онъ спасался гдѣ-то съ Варварой Семеновной.

Перо прескверное, и вздоръ пишу, да много........

Вѣрный другъ твой.

VII.

Москва, 9-го Сентября 1818 года.

Любезнѣйшій Степанъ! письмо это пишу у твоего брата, въ присутствіи Наумова и Павлова, которые увѣрены, что я, если не въ эту минуту, такъ въ вѣкъ не поспѣю отправить къ тебѣ мое посланіе. Ты можешь представить, обрадовался-ли я Дмитрію Ник. Супружницы его не имѣлъ удовольствія видѣть: говорятъ, безподобная женщина. Постой, надобно тебѣ вкратцѣ сказать все прочее, что я здѣсь видѣлъ: 1) Андрея Семеновича, который у меня былъ; да, правду сказать, вотъ и все интересное; завтрашній день я пускаюсь въ путь далѣе.—Ужо, дома, побольше напишу, и это уже безъ меня доставится на почту.

Сто разъ разъ тебя цѣлую.

Вѣрный другъ.

VIII.

Воронежъ, 18 Сентября 1818 года.

Сто разъ благодарю тебя, любезнѣйшій, дорогой мой Степанъ, и за что бы ты думалъ, попробуй отгадать?... За походную чернильницу: она мнѣ очень кстати пришлась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтобъ къ тебѣ писать. Получилъ ли ты письмо мое изъ Новгорода, другое изъ Москвы, и нѣсколько строкъ черезъ Наумова? Сдѣлай одолженіе—увѣдомь; а паспорты ко мнѣ доставлены въ самый день моего отъѣзда изъ Москвы, въ которой я пробылъ недѣлю долѣе, чѣмъ предполагалъ. Наконецъ, однако, оттуда вырвался. Тамъ я долженъ былъ повторить ту-же плачевную, прощальную сцену, которую съ тобою имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я-бы былъ извергомъ, еслибы не платилъ имъ такою-же любовью: онѣ точно не представляютъ себѣ инаго утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ; я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду тако-

вымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ. Въ Москвѣ все не по мнѣ,— праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, ныньче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ миссію, и можетъ современемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько-ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными. Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить. Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру: я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился и— ей Богу!—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если я сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ. Кстати объ родныхъ, или... все равно. Въ Тулѣ я справлялся объ Яблочковѣ, посылалъ Варварѣ Ивановнѣ Кологривовой, но мнѣ велѣли сказать, что они въ деревнѣ, а если отъ тебя есть письмо, то чтобы прислать. Жаль, что не удалось, а время было съ ними познакомиться: я въ Тулѣ пробылъ цѣлый день за недостаткомъ въ лошадяхъ, и тѣмъ только разогналъ скуку, что нашелъ въ трактирѣ на стѣнахъ тьму глупыхъ стиховъ и прозы, цѣлое годовое изданіе покойника Музеума *). Вообще вездѣ на станціяхъ остановка; къ частію, что мой товарищъ—особа прегорячая, бичъ на смотрителей, хоро-

*) Журналъ, издававшійся въ 1815 г. въ Москвѣ В. В. Измайловымъ

шій малый; я уже увѣрилъ его, что быть нѣмцемъ очень глупая роль на семъ свѣтѣ, и онъ уже подписывается Амбургевъ а не—ръ и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ на повалъ, а мнѣ это съ руки. Одинъ томъ Петровыхъ акцій *) у меня въ бричкѣ, и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь; коли найдешь что нибудь чрезвычайно забавное въ Дѣяніяхъ, пожалуй напиши, я этимъ воспользуюсь. Еще моя къ тебѣ просьба, справься черезъ Аксинью, Амлихову **) любовницу, о моей Дидонѣ. Илья Огаревъ ***) пришлетъ изъ Костромы деньги на твое имя, а если уѣдешь въ отпускъ, препоручи это Жандру, да также заранѣе меня увѣдомь, куда къ тебѣ адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный другъ; я уже отъ тебя за 1200 верстъ, скоро еще дальше буду; здѣсь однако пробудемъ два дня, ближе не берутся починить бричекъ. Катенина ты напрасно попрекаешь ко мнѣ совершенною холодностью. Онъ былъ у меня на квартирѣ на другой день послѣ того, какъ я изчезъ изъ Петербурга, и очень жалѣлъ обо мнѣ и досадовалъ. Такъ по крайней мѣрѣ рапортуетъ Аксинья Амлиху.

IX.

С.-Петербургъ, 1824 года.

Братъ любезный, безцѣнный другъ мой! Ты вѣрно меньше всѣхъ готовъ былъ къ неожиданной тайнѣ моего отъѣзда, но, конечно, лучше всякаго оцѣнилъ его необходимость. Крѣпиться можно до нѣкоторой степени, еще минута и — сдѣлаешься хуже бабы; я зналъ себя, и поступилъ какъ должно, помчался не оглядываясь, и, вплоть до Клина, каждый толчекъ служилъ мнѣ лекарствомъ, облегченіемъ отъ безполезной чувствительности, уныніе превращалось въ досаду на дорогу, а потомъ въ усталость, и проч. На первой станціи нашелъ я портретъ Дениса В. Давыдова, на второй картинку игрока Реньяра съ подписью приличныхъ стиховъ; какое сближеніе обстоятельствъ! Но, будь увѣренъ, что я не улыбнулся, а подумалъ о человѣкѣ, котораго мы всѣ любимъ ****). Два раза снѣгъ шелъ по дорогѣ: 29 и 30 Мая! Я продрогъ, принужденъ былъ ночевать, на четвертыя сутки поспѣлъ сюда; здѣсь я уже восемь дней гуляю, коли дома, то вѣрно одинъ другаго смѣняетъ въ моей комнатѣ, когда же

*) Т. е. „Дѣянія“ изд. Голиковымъ.

**) Слуга Грибоѣдова.

***) Илья Ивановичъ Огаревъ, бывшій Пермскимъ губернаторомъ.

****) Прошу покорно Льву этого не показывать.

со двора выхожу, то повсюду разсыпаюсь,—досугъ и воля. Всѣ просятъ у меня манускрипта и — надоѣдаютъ. Шаховской, Жандръ, Гречъ пристаютъ, чтобъ я у нихъ жилъ, и Паскевичъ въ лагерь тащитъ, однако учетвериться невозможно. Всѣ трое объ тебѣ часто вспоминаютъ; я обѣщался дать тебѣ знать. А вотъ и Шмидтъ сейчасъ вошелъ ко мнѣ; ты не повѣришь, какъ онъ съ благодарностію относится объ одолженіяхъ, которыя ты ему дѣлалъ. Съ Самойловымъ *) видаюсь. Третьяго дня сестры его, графини Бобринской, было рожденье; я у нихъ пировалъ на дачѣ; музыка, дамы, шампанское, и въ старые годы меня-бы оттуда не скоро вытащили, теперь — другая пора, видаюсь по необходимости; только не могу еще тебѣ сказать ничего удовлетворительнаго на счетъ моего требованія. Наумовъ каждый день у меня бываетъ. Я черезъ него знаю объ отпускѣ моемъ и позволеніи ѣхать въ чужіе краи: все это давно уже послано къ Ермолову, и здѣсь готовъ дубликатъ; хочу, — завтра на корабль сяду. Другъ сердечный, разрѣши отъ даннаго мною обѣщанія; свидѣться на короткое время, значитъ только снова растравить горькое чувство разставанья. Впрочемъ знай, что для меня, во всякомъ случаѣ, что скажешь, то и святое дѣло. Павловъ, Мадатовъ и еще одно лице, всѣхъ ихъ важнѣе гораздо чиномъ (съ Трубецкимъ получишь отгадку) — уморительные люди; я столько наглядѣлся смѣшнаго, и сколько низостей!

Теперь объ важныхъ людяхъ кстати: Василій Серг. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго цензура зависитъ, мнѣ по старому знакомству вѣроятно окажется благопріятенъ. Алекс. Семен. тоже. Частію это зависитъ отъ гр. Милорадовича; на дняхъ онъ меня угощалъ обѣдомъ въ Екатерингофѣ. Вчера я нашелъ у Паскевича Вел. кн. Николая Павловича; это до цензуры не касается, но чтобъ дать понятіе, гдѣ бываю, и кого вижу.

Съ Трубецкимъ буду писать тебѣ вторично и много. Анну Ивановну поцѣлуй за меня, и Софью Петровну, и Андрея Барышникова, а прочимъ всѣмъ кланяйся.

Пиши: въ *Военно-Счетную Экспедицію*, *Андрею Андреевичу Жандру*; онъ уже доставитъ мнѣ. — Чепяговъ здѣсь; однимъ глазомъ ослѣпъ, и другой у него чуть держится, каждый день ждетъ, что вовсе зрѣнія лишится.

Никита, братъ Александра Всеволожскаго, Александръ,

**) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, флигель-адъютантъ.

братъ Володи Одоевскаго, журналистъ Булгаринъ, Мухановъ и сотни другихъ лицъ,—всѣ у меня передъ глазами. Прощай, голова вихремъ идетъ. Съ горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный другъ!

10 Іюня.

Петербургъ. Живу я у Занцата, но адресъ къ Жандру. Ужо ѣду въ Царское

X.

1824 года.

Душа, другъ и братъ!—Слава Богу, нашелъ случай мимо почты писать къ тебѣ. Чебышевъ взялся доставить. Онъ подговаривалъ меня вмѣстѣ прокатиться въ Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишкомъ скоры, я не поспѣлъ, или, лучше сказать, не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины *) яркія краски совсѣмъ..., сержусь и возстановляю стертое, такъ что кажется, работѣ конца не будетъ;... будетъ-же, добьюсь до чего нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что Богъ дастъ. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершененъ, такъ нечистъ; представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, риѳмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидалъ свою негодяйку, со свѣчею надъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, въ самый день моего пріѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмѣльницкому, Шаховскому, Гр. и Булг., Колосовой, Каратыгину, дай счесть — восемь *чтеній*, нѣтъ обчелся, — двѣнадцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховскій рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣчаніемъ Віельгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и то-же, что во многихъ мѣ-

*) Относится къ „Горю отъ ума". Въ то время Грибоѣдовъ надѣялся, что его комедія будетъ поставлена на сцену, и потому дѣлалъ въ ней урѣзки и перемѣны.

стахъ импровизирую,—да это нѣсколько разъ случилось,—потомъ я самъ себя ловилъ, но другіе не домекались. Voilà ce qui s'appelle sacrifier a l'intérêt du moment. Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе несообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстію къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! прилична ли спѣсь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій? Перебью себя: это выходка не въ пору, будетъ въ пору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, какъ началъ, кратко и складно, и опять объ кулисахъ, и опять объ актрисахъ. Колосова, по личностямъ съ однимъ изъ членовъ Комитета, еще не заключила новаго условія, и при мнѣ не выходила на сцену, но у себя читала мнѣ нѣсколько сценъ Мольера и Мариво. Прекрасное дарованье! иногда замѣтно, что копія, но мѣстами забывается и всякаго заставитъ забыться. Природа свое взяла, пальма въ комедіи принадлежитъ ей неотъемлемо. Разумѣется, что она въ свою очередь плѣнилась моимъ чтеніемъ; не знаю, искренно-ли? Можетъ быть и это—восклицаніе изъ Мариво. Но геніальная душа, дарованіе чудное, теперь еще грубое, само себѣ безотчетное, дай Богъ напитаться ему великими образцами, это—Каратыгинъ; онъ часто у меня бываетъ, и какъ всякая сильная черта въ словахъ и въ мысляхъ, въ чтеніи и разговорѣ его поражаетъ! Я ему читалъ въ плохомъ французскомъ переводѣ пятый актъ, и еще нѣсколько мѣстъ изъ Ромео и Юлія Шекспира; онъ было съ ума сошелъ, проситъ, въ ногахъ валяется, чтобъ перевести, коли полѣнюсь, такъ хоть послѣдній актъ, а прочіе Жандру дать, который впрочемъ нисколько меня не прилежнѣе. Я бы съ нимъ готовъ вмѣстѣ трудиться, но не думаю, чтобъ эти литературныя товарищества могли произвести что-нибудь въ цѣломъ хорошее; притомъ же я стану переводить съ подлинника, а онъ съ дурнаго списка; сладить трудно, перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнѣе написалъ собственную трагедію, лишь-бы отсюда вонъ, напишу непремѣнно.

Однако замѣть, что я поглупѣлъ здѣсь: три страницы ис-

писалъ, а главное, объ чемъ съ первой строки хотѣлъ и теперь хочу навѣдаться, улетѣло на воздухъ за безконечными толками о чтеніи и представленіи, объ шуткахъ и шутовствѣ.

Что ты самъ, мой другъ? какъ провелъ время...? Ты мнѣ объ этомъ скромничаешь; объ Аннѣ Ивановнѣ говоришь только, что на дняхъ будетъ матерью, что я и безъ тебя знаю, а какова она? терпѣливо-ли ждетъ роковой минуты? Боже оборони, не страдаетъ-ли по прежнему? не боится-ли? можетъ быть теперь уже все рѣшилось? Пиши мнѣ тотчасъ. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашескія, искреннія желанія и обѣты доходятъ до Господа Бога, такъ никому въ свѣтѣ легче ея не рожать. Я врагъ крикливаго пола, но двѣ женщины не выходятъ у меня изъ головы: твоя жена и моя сестра; я не разлучаю ихъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ молитвахъ. Да еще скажи ей, коли намъ вчетверомъ съ Соф. Петровн. бывало весело, такъ конечно въ сто разъ будетъ веселѣе, когда дитя ея станетъ переходить съ рукъ на руки, отъ матери къ отцу, а отъ отца (потому что не умѣетъ быть нѣжнымъ съ дѣтьми) тотчасъ ко мнѣ. Постой, однако, и пишу и боюсь; лучше ничего не говори ей, до поры, до времени, а только кланяйся и поцѣлуй, а также и Соф. Петр. дружеское объятіе и поклонъ нижайшій.

Прощай. Хотѣлъ было еще писать тебѣ о Катенинѣ и объ его Андромахѣ: я лучшія мѣста списалъ для тебя. Но какимъ оно дурнымъ слогомъ въ ухо бьетъ, кромѣ 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И какъ третій актъ превосходенъ, не смотря на дурной слогъ! Впрочемъ я дурное замѣчаю тебѣ для того только, что въ печати это скорѣе всего замѣтятъ; на сценѣ оно скрадется хорошимъ чтеніемъ; вообще какъ-бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать повода къ придиркамъ. Славный человѣкъ, умъ превосходный, высокое дарованье, пламенная душа, и все это гибнетъ втунѣ. Прощай, пожалуйста отпусти, не могу отвязаться, болтаю какъ шестидесятилѣтняя старуха. Пуквилло не могъ еще достать, запрещенъ; есть онъ у Столыпина и Дашкова, но, разумѣется, они не пропадутъ. Коли увидишь сестру Машу, дай ей мое письмо, пусть начитается до сыта, а потомъ разорви на клочки. Я ничего объ моихъ не знаю, въ Москвѣ ли они, въ деревнѣ ли? Дмитрія, красоту мою, расцѣлуй, такъ чтобы еще болѣе зардѣлись пухлыя его щечки. Алекс. Васильевну тоже, Дениса и Льва и весь освященный соборъ.

Верстовскому напиши обо мнѣ, и пожми за меня руку. — Представь, что я сейчасъ только вспомнилъ объ Маврахъ; бѣгу въ цензуру.

1000 руб. я не получалъ, а нужда смертная. Похвали меня: пріѣхалъ сюда ровно съ тысячью рублями, три бѣленькихъ 25-рублевыхъ и нѣсколько синихъ ведутся, живу въ трактирѣ, сперва обѣдалъ каждый день въ клубѣ, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

XI.

31-го Августа 1824 года.

Братъ любезный! не ѣду къ тебѣ, и не пишу тебѣ, совѣсть мучитъ. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движеніе было къ тебѣ летѣть, поздравить и обнять крѣпко на крѣпко мать, отца и весь домъ; право, ходя по комнатѣ, я уже у васъ былъ, нянчилъ ребенка, шалилъ съ кормилицею, но проклятый недочетъ въ прогонахъ все испортилъ, взять было не откуда, левъ и солнце *) давно уже покоятся въ ломбардѣ, а Чебышову задолжать—сохрани меня Боже! Я отъ него сюда бѣжалъ въ Стрѣльну; представь себѣ, что онъ вздумалъ ко мнѣ приписаться въ самые нѣжные друзья, преслѣдовалъ меня экстазами по улицамъ и театрамъ, и наконецъ переѣхалъ въ три номера Демутова трактира и всѣ три возлѣ моей комнаты: два по сторонамъ и одинъ антресоли: каково же встрѣчать вездѣ Чебышова! по бокамъ Чебышовъ! надъ головой Чебышовъ! Я, не говоря ему ни слова, велѣлъ увязать чемоданы, сѣлъ въ коляску, покатился вдоль поморья, и присталъ у Одоевскаго, будто на перепутіи; много верхомъ ѣзжу, катаюсь по морю; дни прекрасные, жизнь свободная!

Не сердись, мой истинный другъ; гдѣ-бы я ни затерялся, первый ты на умѣ и на языкѣ. Нѣтъ у меня ни жены, ни дочери. Душою принадлежу тебѣ одному. Прощай.

Вѣрный другъ

Стрѣльна. А. Г.

XII.

С.-Петербургъ, 4-го Января 1825 года.

Другъ и братъ! Пишу къ тебѣ въ 5-мъ часу утра — не спится. Нынче день моего рожденія, — что-же я? На полпу-

*) Персидскій орденъ, украшенный алмазами.

ти моей жизни, скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники.

Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ, и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и—надолго. Даже на счетъ любви моей будь беззаботенъ: я расхолодѣлъ, хотя моя Людмила часъ отъ часу болѣе ко мнѣ жмется. Первый N Сынъ Отечества разгадалъ тебѣ загадку. Скажу тебѣ коротко, какъ это все завязалось. Долго я жилъ уединенъ отъ всѣхъ: вдругъ тоска выѣхала на бѣлый свѣтъ (?)—куда, какъ не къ Шаховскому? Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно гулять смѣлою рукою по лебяжьему пуху милыхъ друзей. Въ три, четыре вечера, Телешова *) меня съ ума свела, и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни чернѣе угля выгорѣлъ.— И что для меня заманчиво было, что соперникомъ у меня— Милорадовичъ,.... идолъ Шаховскаго, который ему подличаетъ. Оба...! Я этого... бѣсилъ ежедневно, возбуждалъ противъ себя негодованіе всего дома, потомъ стрѣлялъ какимъ-нибудь тряпичнымъ подаркомъ въ Ежову **), и опять мирился, и опять ссорился. Между тѣмъ Телешова до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться: всякій спрашивалъ ее, отъ чего такая прелестная перемѣна, такое совершенство. А я одинъ, стоя, торжествовалъ; наконецъ *я разразился* риѳмами, которыя ты вѣроятно читалъ; представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобъ не разочароваться. Или то меня съ ногъ сшибло, что теперь не такъ закрыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечаталъ мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ не въ радость. Разсмѣйся.

Братъ! Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя поищу прибѣжища, не отъ бурей, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!

---

*) Танцовщица, къ которой Грибоѣдовъ написалъ стихи, помѣщенныя въ № 1 „Сына Отеч." 1825 г.

**) Актриса, близкая пріятельница князя Шаховскаго.

Прощай, мой другъ; побывай у матушки. Любовь во второй разъ, вмѣсто чужихъ краевъ, опредѣлила мнѣ киснуть между своими финнами. Въ 15-мъ и 16-мъ году точно тоже было. Теперь я пропустилъ славный случай; Жомини хотѣлъ со мною путешествовать—Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour, и онъ укатилъ одинъ.

Получилъ ли ты мое письмо на дняхъ? и какимъ образомъ не дошла до тебя моя и Шаховскаго эпистола, вскорѣ послѣ наводненія? Пиши, братъ, не лѣнись, поправь-ка черный колпакъ на головѣ, да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежитъ дома еще за прошлый годъ; выручи ее, братъ, въ уплату 2,300, или подождешь? Ты вѣдь замышляешь о расширеніи своихъ владѣній, такъ монета нужна. Дениса Васильевича обнимай и души отъ моего имени. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ эдакой буйной и умной головы, я это всѣмъ твержу; всѣ они, сонливые меланхолики, не стоютъ выкурки изъ его трубки. Дмитрію, Александрѣ Васильевнѣ, Аннѣ Ивановнѣ, чадамъ и домочадцамъ многія лѣта.

XIII.

1825 года.

Здравствуй, любезный другъ Степанъ? Не собраться-бы мнѣ къ тебѣ писать, если-бы не сидѣлъ я у Грибоѣдова, а всякій день было въ головѣ непремѣнно писать къ тебѣ и много; и такъ еще

Жандръ (у А. В. Новосильцева).

Вотъ тебѣ Жандровы строки, другъ и братъ; онъ у меня нынче обѣдаетъ, и я принудилъ его начертить тебѣ нѣсколько каракулей. О себѣ нечего тебѣ сказать, живу и люблю тебя по прежнему; что въ городѣ дѣлается,—не знаю, и знать не хочу. Сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ что нибудь о вашемъ.... Каковъ....? И что онъ проповѣдуетъ? Катенинъ изъ своего уединенія Богъ знаетъ какой бредъ сюда высылаетъ. Напр. разговоръ Булгарина, который ты оцѣнилъ по достоинству, какъ самое язвительное злоумышленіе противъ Андромахи. О, его и наше вообще самолюбіе! Сюда явился Павловъ изъ Тифлиса, да, жаль...... И ничего не знаетъ. Прощай.

Обнимаю тебя на крѣпко.

Вѣрный твой у Новосильцева.

А. Г.

Венцеслава велю переписать и пришлю къ тебѣ.

XIV.

С.-Петербургъ, 18 Мая 1825 года.

Безцѣнный другъ и братъ! Ты не досадуй, что я до сихъ поръ позамедлилъ отвѣтомъ на милое твое письмо, съ приложеніемъ антикритики противъ ***. Ты уже вѣрно изъ газетъ знаешь, что Столыпинъ, съ которымъ я въ путь собирался, умеръ. Мы бы его похоронили и все тутъ, но вдова его *) ангелъ, а не женщина; одно утѣшеніе находитъ быть со мною. Это съ ея стороны довольно мечтательно, но ихъ полъ не то, что мы; сама она-же говоритъ, что всякая женщина, какъ плющъ, должна обвиваться вокругъ кого нибудь, и безъ опоры погибнетъ. Отъ меня слишкомъ бы жестоко было лишить ее (хоть это и не можетъ продлиться) моего присутствія въ ту самую минуту, въ которую оно ей необходимо, и я покуда остаюсь. Бѣдное человѣчество! Что наши радости и что печали? Какъ-бы то ни было, я не долго замѣшкаюсь. Ее со всѣмъ семействомъ отецъ Н. С. Мордвиновъ перевезетъ къ себѣ на дачу; тогда и я свободно помчусь *наконецъ*.

Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой. Благодарю тебя и за намѣреніе и за исполненіе. Я твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всѣ ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, такъ конечно не отъ того, чтобы въ ней чего нибудь не доставало. Но слушай. Я привыкъ тебя уважать; это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца; какъ же ты могъ думать, что допущу тебя до личной и публичной схватки..... и все это за человѣка, который бы хотѣлъ, чтобы всѣ на тебя смотрѣли, какъ на лице высшаго значенія, неприкосновенное, друга, хранителя, котораго я избралъ себѣ съ ранней молодости, какъ отчасти по симпатіи, такъ равно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ..... моего почитателя. И такъ плюнь....; въ одномъ только случаѣ возьмись за перо въ мою защиту, если я буду въ от-

*) Дочь знаменитаго графа Николая Семеновича Мордвинова.

даленіи, или умру прежде тебя, и кто нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки. Теперешній твой манускриптъ оставляю себѣ на память.

Вильгельмъ *) третьяго дня разбудилъ меня въ четвертомъ часу ночи, я уже засыпалъ глубокимъ сномъ; на другой день,—поутру, въ седьмомъ; оба раза испугалъ меня до смерти, и извинялся до безконечности. Но дѣло не шуточное: побранился съ Львомъ Пушкинымъ **), хочетъ драться; вѣроятно я ихъ примирю, или сами уймутся. Узнаешь ли ты нашего неугомоннаго рыцаря?

Прощай. Нынѣшній вечеръ играютъ въ школѣ, приватно безъ дозволенья цензуры, мою комедію. Я весь день вѣроятно проведу у Мордвиновыхъ, а часовъ въ девять явлюсь посмотрѣть на мое чудо, какъ его коверкать станутъ.— Журналисты повысились въ моихъ глазахъ 5-ю процентами; очень хлопочутъ за Кюхельбекера, приняли его въ сотрудники, и, кажется, удастся опредѣлить его къ казенному мѣсту. У Шишкова не удалось, въ Почтамтѣ тоже, и въ Горномъ Департаментѣ, но гдѣ нибудь откроется щелка.

Сейчасъ помирилъ Вильгельма.—Съ той минуты перебывало у меня 20 человѣкъ, голову вскружили.—Прощай.

Обнимаю тебя и любезную Анну Ивановну.

XV.

Симферополь 9-го Іюля 1825 года.

Братъ и другъ! я объѣхалъ часть южную и восточную полуострова. Очень доволенъ моимъ путешествіемъ, хотя здѣсь природа противъ Кавказа все представляетъ словно въ сокращеніи: нѣтъ такихъ гранитныхъ громадъ, снѣговыхъ вершинъ Эльбруса и Казбека, ни ревущаго Терека или Арагвы, душа не обмираетъ при видѣ бездонныхъ пропастей, какъ тамъ, въ нашихъ краяхъ. Зато прелесть моря и иныхъ долинъ, Качи, Бельбека, Каскали-Узеня и проч., ни съ чѣмъ сравнить не можно. Я мои записки велъ порядочно; коли не полѣнюсь, перепишу и пришлю тебѣ...

XVI.

Кіевъ, 4-го Іюня 1825 года.

Другъ и братъ! описывать тебѣ Кіева нечего, потому что ты здѣсь бывалъ; другимъ же я передалъ въ Петербургъ пер-

---

*) Кюхельбекеръ.

**) Братъ А. С. Пушкина.

выя мои впечатлѣнія по пріѣздѣ сюда. Тебя увѣдомляю, что я тутъ и черезъ нѣсколько дней помчусь на югъ далѣе. — Въ Лаврѣ я встрѣтилъ Кологривову Д. А. Отъ нея узналъ, что твоя сестра живетъ въ уединеньи недалеко отъ дому, гдѣ я остановился. Вѣроятно я ее не увижу, потому что несвятостію моего житія бурнаго и безтолковаго не пріобрѣлъ себѣ права быть знакомымъ съ молчаливыми пустынницами; у меня въ наружности гораздо болѣе свѣтскаго. чѣмъ на самомъ дѣлѣ, но что же ее объ этомъ увѣдомлять? И такъ врядъ ли я буду къ ней допущенъ. — Прощай покуда; передъ отъѣздомъ можетъ быть еще разъ удастся написать къ тебѣ. — Поцѣлуй за меня дитя свое и Анну Ивановну.

Вѣрный другъ твой.

Пиши ко мнѣ въ Тифлисъ, на имя губерн. Романа Ивановича Ховена.

XVII.

Симферополь, 9-го Сентября 1825 года.

Другъ и братъ; твои 1,500 руб. я получилъ еще передъ исходомъ прошедшаго мѣсяца. Объяснить тебѣ вполнѣ бладарности не умѣю; безъ тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здѣсь. — Еще разъ благодарю тебя и не въ послѣдній; Богъ дастъ свидимся, и тогда сердечное объятіе лучше всякаго письма выразитъ тебѣ мое чувство. — Я тотчасъ не писалъ къ тебѣ по важной причинѣ: ты хотѣлъ знать, что я съ собою намѣренъ сдѣлать, а я самъ еще не зналъ, чуть было не попалъ въ Одессу, потомъ думалъ поселиться на долго въ Соблахъ, неподалеку отсюда. — Наконецъ ѣду къ Ермолову послѣ завтра непремѣнно; все улажено. Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. — Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать — за это ручаюсь; отъ чего же я нѣмъ? Нѣмъ какъ гробъ!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжая сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далѣе сутокъ, потому ли что фортепьянная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили; ворвались ко

мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга.—Мало этого. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу злодѣйство! да мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!... И то неправда, иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои риѳмы, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить; такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь свою прокатиться на 4-хъ колесахъ; кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ; воображенье свѣжó, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завьюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые.—Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности. Сдѣлай одолженіе, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечелъ, но увѣренъ, что тутъ много сумасшествія.

Прошу у тебя какъ милостыни, не прерывай со мною переписки, чтобъ я зналъ гдѣ ты, потому что легко станется, что я по многомъ странствіи прямо къ тебѣ вернусь, и тѣмъ лучше, коли ты въ деревнѣ будешь.—Адресъ мой въ главную квартиру Г. Ермолова.

Отъ чего я туда пускаюсь что-то скрѣпя сердце. Увидишь, что мнѣ тамъ не сдобровать: надо мною носятся какіе-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, тѣ, которые его отовсюду выживали, и присунули наконецъ къ печатному станку Греча и Булгарина.—Прощай, поцѣлуй Анну Иван. и ребенка и будущаго на дняхъ, когда родится.

О Чатырдагѣ и южномъ берегу послѣ, со временемъ. Прощай мой безцѣнный Степанъ.

Володя *) пишетъ ко мнѣ въ Кіевъ о полемической выходкѣ за мою честь въ Телеграфѣ, но мнѣ никогда этого не случалось видѣть.—Ты вѣроятно читалъ; какъ находишь? Да получилъ ли ты мое письмо еще изъ Петербурга о твоей тогдашней статьѣ въ мою же защиту, и какъ ты принялъ

*) Князь Влад. Ѳедоровичъ Одоевскій, извѣстный писатель.

мое мнѣніе? Правъ-ли я былъ? Не слыхалъ ли чего нибудь о Шатиловѣ и Алябьевѣ? Чѣмъ кончилось ихъ дѣло? Пожалуйста, въ первомъ письмѣ ко мнѣ поболтай о чемъ нибудь, а то скупъ сталъ на слова.

Давыдова памфлета я не получилъ, и нѣтъ его на почтѣ. Ты жалуешься на журналы; стало быть я счастливъ, что съ мая мѣсяца ихъ въ глаза не видалъ.

Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ; поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого себя.—Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію, таковъ онъ совершенно. — Плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ.

Коли зимою ворочусь въ Москву, и ты тамъ будешь, такъ заберусь къ Дмитрію въ Якшино.

XVII.

Ѳеодосія, 12 Сентября 1825 года.

Третьяго дня я вырвался наконецъ изъ дряннаго городишка, гдѣ однако всякое со мною случалось, и веселое и грустное. А Брестъ!! Литовскій! вѣроятно нѣтъ хуже мѣстечка на взглядъ, но и тамъ пожилось. Въ нѣсколько часовъ я прокатился по солнышку до Карасубазара, и еще станцію далѣе; справа чернѣлись верхи Айлы и Чатырдага, потомъ передовые холмы ихъ заслонили въ виду продолговатый Агермышь. Мы спустились въ какую-то безплодную ложбину, и долго тутъ ѣхали; наконецъ, повернули круто отъ селенія Эльбузы въ горныя дикія мѣста, гдѣ дорога просѣчена разными извивами. Густые лѣса, кручи, скалы, хаосъ ужасный, все смѣшано въ этомъ искривленномъ направленіи. (Наконецъ) спустились подъ вечеръ въ роскошную Судацкую долину. Я не видалъ подобной, и она считается первою въ полуостровѣ по избытку виноградниковъ,—сады отъ Таракташа до моря на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, веселые домики помѣщиковъ, странные верхи утесовъ, и къ западу уединенныя развалины Генуэзскаго замка. Я ночевалъ у барона Боде (публициста изъ «Духа Журналовъ» etc., etc.).

На другой день (вчера) рано побрелъ къ мысу, на которомъ разметаны Сольдайскія руины. Я былъ одинъ. Александра *) отправилъ по колясочной дорогѣ въ Кафу. Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ, не

*) Молочный братъ Грибоѣдова, его неразлучный спутникъ.

долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забыться, и сближеніе моей жизни послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно. Не такъ въ Сольдаѣ. Мирно и почтительно взошелъ я на пустырь, обнесенный стѣнами и обломками башень, цѣплялся по утесу, нависшему круто въ море, и бережно взобрался до самой вершины, и тамъ башня и сводъ уцѣлѣли. Съ Чатырдага видъ пространнѣе, но нѣтъ признака, чтобы тамъ люди живали, усѣлъ городъ, чтобы стекались въ него купцы и странники изо всѣхъ частей свѣта, чтобы наконецъ онъ взятъ былъ на щитъ разсвирѣпѣвшимъ непріятелемъ, и груды камней однѣ-бы свидѣтельствовали о прежней величавой его жизни. Здѣсь это все есть. И не приморскими видами я любовался: перебиралъ мысленно многое, что слыхалъ и видѣлъ, потомъ вообразилъ себя на одной изъ ростральныхъ колоннъ Петербургской биржи. Оттуда я наканунѣ моего отъѣзда любовался разноцвѣтностію кровель, позолотою главъ церковныхъ, красотою Невы, множествомъ кораблей и мачтъ ихъ. И туда взойдетъ нѣкогда странникъ (когда одинъ столбъ можетъ быть переживетъ разрушеніе дворцовъ и соборовъ) и посѣтуетъ о прежнемъ блескѣ нашей сѣверной столицы (нашихъ купцовъ, нашихъ царей и ихъ прислужниковъ).—Когда я сошелъ сверху къ берегу, лошади были приведены съ почты, и я поскакалъ. Скучныя мѣста, безъ зелени, безъ населенія, солонецъ, истресканный палящимъ солнцемъ, мѣстами полынь растетъ, такимъ образомъ до Козской долины, гдѣ природа щедрѣе и разнообразнѣе. То глубокіе спуски въ лѣсную чащу, дубы (осокори), дикія груши, дикій виноградъ, потомъ крутые подъемы, и съ высоты виднѣется море, котораго синяя влага въ ведреную пору всегда для глазъ пріятна; мѣстами торчали обрушенныя, ветхія стѣны итальянцевъ, грековъ или готѳовъ, смотря по тому, кто какія книги читаетъ и которымъ вѣритъ. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мнѣ *Оттузы*.—Сюда я прискакалъ поздно ночью, при лунномъ сіяніи.

Ныньче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ европейскихъ и во-

сточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами—духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго. Что-жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда изчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія.

А мнѣ между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! Думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя; вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности.—Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще не бывало. Одоевскому я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любитъ, и пуще моего будетъ несчастливъ, коли узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумашествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

XIX.

Станица Екатериноградская, 7-го Декабря 1825 г.

На убѣдительныя твои утѣшенія и совѣты надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами, дражайшій мой Степанъ. Ты совершенно правъ, но этого для меня недовольно, ибо, кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель: наклоняетъ меня ко мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ-же, что въ Ѳеодосіи: не знаю чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно.—Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь ихъ наполнить? Люди не часы;

кто всегда похожъ на себя и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? Чтобы дальше не іовничать, пускаюсь въ Чечню: А. П. *) не хотѣлъ, но самъ ему навязался.—Теперь это меня нѣсколько занимаетъ,—борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеньемъ, дѣйствіе конгревовъ; будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на исторію. На счетъ А. П. объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и своеобычливѣе, чѣмъ когда либо. Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукою во время виста; уйти некуда, всѣ стѣснены въ одной комнатѣ; но потомъ за ужиномъ и послѣ до глубокой ночи разговорчивъ, оригиналенъ и необыкновенно пріятенъ. Ныньче, съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе дивлюсь его сложенію тѣлесному и нравственному. Безпрестанно сидитъ и не знаетъ почечуя, окруженъ глупцами и не глупѣетъ. Нужна оговорка: Вельяминовъ, его начальникъ штаба, чрезвычайно неглупый человѣкъ, твердыхъ правилъ, прекраснѣйшихъ свѣдѣній etc. Но онъ не былъ при немъ все время, что я находился въ Россіи, почти 3 года. Съ этимъ я въ нынѣшній пріѣздъ въ короткое время сблизился болѣе, чѣмъ прежде. Глазъ на глазъ, судьба завела меня съ нимъ на Малку, и оттуда къ разнымъ укрѣпленіямъ новой линіи; все вмѣстѣ, и все одни, я этому случаю благодаренъ за прекраснѣйшее открытіе достойнаго человѣка. Что говоритъ о немъ Якубовичъ? Коли ругаетъ, такъ вретъ. Вообще многое, что ты слышалъ отъ меня прежде, я ныньче перевѣрилъ, во многомъ я самъ ошибался. Напр. на счетъ Давыдова, мнѣ казалось, что Е. не довольно настаивалъ объ его опредѣленіи сюда въ дивизіонные. Теперь имѣю неоспоримыя доказательства, что онъ нѣсколько разъ настоятельно этого требовалъ, получалъ одни и тѣ-же отказы. Зная и Давыдова и здѣшнія дѣла, нахожу, что это немаловажный промахъ правительства. Столь былъ безкорыстенъ, а кромѣ того........ Лисаневичъ храбрѣйшій человѣкъ, но опрометчивъ, умеръ геройски, жилъ безъ толку. Горчаковъ........, Шульгинъ и не болѣе. Здѣсь нуженъ военный человѣкъ, рѣшительный и умный, не только исполнитель чужихъ предначертаній, самъ творецъ своего поведенія, недремлющій наблюдатель всего, что угрожаетъ порядку и спокойствію отъ Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначенія. Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ бы ошибки самого А. П., который при-

---

*) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

томъ не можетъ быть самъ повсюду. Эта краска рыцарства, какою судьба оттѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему Кабардинцевъ. Я теперь лично знаю многихъ князей и узденей. Двухъ при мнѣ застрѣлили, другихъ заключили въ колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьяго дня набрелъ за рѣкою, виситъ, и вѣтеръ его медленно качаетъ. Но дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей. Посмотримъ, чѣмъ кончится походъ противъ Чеченцевъ; ихъ взволновалъ не столько имамъ, пророкъ недавно вдохновенный, какъ покойный Грековъ, способный человѣкъ, но........ Войска точно мало, но хорошихъ начальниковъ вовсе нѣтъ. Съ успѣхами въ Чечнѣ сопряжена тишина здѣсь между Кабардинцевъ и Закубанцы не посмѣютъ такъ часто вторгаться въ наши границы, какъ прошлою осенью. Имя Е. еще ужасаетъ; дай Богъ, чтобы это очарованіе не разрушилось. Въ Чечню! въ Чечню! Здѣсь война особаго рода: главное затрудненіе въ дебряхъ и ущельяхъ отыскать непріятеля; отыскавши, истребить его ничего не значитъ.

Прощай, я завлекся тѣмъ, что передъ глазами; все это нескладно, но ты добавишь собственнымъ размышленіемъ. Цѣлуй Анну Ивановну и Дмитрія. Мнѣ-бы хотѣлось изъ похода, т. е., мѣсяца черезъ два прямо къ вамъ воротиться, а впрочемъ что Богъ на душу положитъ. Пиши въ главную квартиру на имя А. П.

XX.

9 Декабря 1826 г.

Милый другъ мой! Плохое мое житье здѣсь.—На войну не попалъ, потому что и А. П. *) туда не попалъ. А теперь другаго рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ охлажденія прежней дружбы. Денисъ Васильевичъ **) этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ—человѣкъ прошедшаго вѣка. Не смотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ гла-

*) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.
**) Давыдовъ, извѣстный партизанъ.

захъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ. Вообще война съ персіянами самая несчастная, медленная и безвыходная. Погодимъ и посмотримъ.

Я на досугѣ кое-что пишу. Жаль, что не въ силахъ распространиться тебѣ о себѣ и о моихъ созданіяхъ.—Сейчасъ изъ обѣда, а завтра Давыдовъ возвращается.—Я принялъ твой совѣтъ: пересталъ умничать;... со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку, Тифлисскаго или Петербургскаго. Тебя не браню за упорное молчаніе, угадываю причины; однако, коли въ Москвѣ будешь, схвати удобный случай, и напиши. Мазаровичева получила нѣжныя представленія отъ своей сестры Зыбиной или Зубковой въ пользу Дурнова, и намѣрена передать ихъ моимъ. Что объ этомъ знаешь? Кончено или вновь завязалось?

Буду-ли я когда нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ статься наперекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно. но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить. И наконецъ, чтó слава? По словамъ Пушкина.

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ-бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе наши сардáры; я думаю даже, что они ненавидятъ. Voyons ce qui en sera. Если ты будешь имѣть случай достать что-нибудь новое, пришли мнѣ въ рукописи. Не знаешь-ли что-нибудь о судьбѣ Андромахи? напиши мнѣ. Я въ ней также ошибся. Когда-нибудь, и можетъ быть, скоро, свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди. Вспомни нашъ разговоръ въ Екатерининскомъ.—*) Теперь выкинь себѣ это все изъ головы. Читай Плутарха, и будь доволенъ тѣмъ, чтó было

---

*) Имѣніе С. Н. Бѣгичева, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, гдѣ въ садовой бесѣдкѣ Грибоѣдовъ жилъ лѣтомъ 1823 г.

въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся.— Когда будешь въ Москвѣ, попроси Чаадаева и Каверина, чтобы прислали мнѣ трагедію Пушкина *Борисъ Годуновъ*.

Прощай, цѣлую Анну Ивановну и мою невѣсту. Тебя, мой милый, люблю съ каждымъ годомъ и мѣсяцемъ болѣе и болѣе.—Но что проку? Мы не вмѣстѣ.—(И жалѣть надобно меня.) Ты не одинъ.

Заставь Ермолова Петра Николаевича *) возвратить мнѣ мой манускриптъ *Горе отъ ума*. Дмитрія и Александру Васильевну обнимаю. Въ перепискѣ-ли съ Андреемъ? Онъ отъ меня ни строчки не имѣетъ. Невозможно.

*) Двоюродный братъ Алексѣя Петровича Ермолова.

Письма съ дороги.

I.

29-го Января.

Прелюбезный Степанъ Никитичъ! Ты ко мнѣ пишешь слишкомъ мало, я къ тебѣ вовсе не пишу, что того хуже. Съ нынѣшняго дня не то будетъ. Однако, не постигаю, какъ вы всѣ меня хорошо знаете, еще бы ты одинъ, чтобы очень естественно, а то всѣ, всѣ. Неужели я такой обыкновенный человѣкъ! И Катенинъ, и даже князь, который почти не живетъ въ вещественномъ мірѣ, и все съ своими идеальными Холминскими и Ольгиными,—и угадали, что я врядъ-ли въ Тифлисѣ найду время писать;—и точно, временемъ моимъ завладѣли слишкомъ важныя вещи: дуель, карты и болѣзнь.

Теперь на второмъ переходѣ отъ Тифлиса я какъ-то опять сошелся съ здравымъ смысломъ и берусь за перо, чтобы передать тебѣ два дня моей верховой ѣзды. Журналъ изъ Моздока въ Тифлисъ получишь послѣ, потому—что онъ еще не существуетъ, а воспоминаній много; жаль, что я лѣнился, разсѣялся или просто никуда не годился въ Тифлисѣ. Представь себѣ, что и Алексѣй Петровичъ, прощавшись со мною, объявилъ, что я повѣса, однако прибавилъ, что со всѣмъ тѣмъ прекрасный человѣкъ. Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ (не) сомнѣваюсь. Кажется, что онъ меня полюбилъ, а впрочемъ въ этихъ тризвѣздныхъ особахъ не трудно ошибиться: въ глазахъ у нихъ всякому хорошо, кто имъ сказками прогоняетъ скуку; что-то впередъ будетъ! Есть одно обстоятельство, которое покажетъ, дорожитъ-ли онъ людьми. Я передъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь, сказалъ ему: «Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse». Онъ разсмѣяся, сказалъ, что это странная мысль. Ни чуть не странная! Ему дано право объявлять войну и миръ заключать; вдругъ придетъ въ голову, что наши границы не довольно опредѣлены со стороны Персіи, и пойдетъ ихъ расширять по Араксъ!—А съ нами что тогда будетъ? Кстати объ немъ, что это за славный человѣкъ! Мало

того, что уменъ, нынче всѣ умны, но совершенно по-русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи, замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, и не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить; однако, позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ, однако и тогда, если не убѣдится, все-таки заставляетъ себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памятны, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется, о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе-бы такъ не было; однако ни разу не переспорилъ; можетъ-быть исправилъ. Я его видѣлъ каждый день, по нѣскольку часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобы его нѣсколько узнать. Онъ въ Тифлисъ пріѣхалъ отдохнуть послѣ своей экспедиціи противъ горцевъ, которую въ мартѣ снова предпринимаетъ, слѣдовательно—менѣе былъ озабоченъ трудами.

Что ты читалъ или прочтешь до сихъ-поръ мною было писано давича, въ два часа по-полудни, но червадаръ, какъ у насъ называютъ, а по вашему подводчикъ, съ обозомъ тогда пришелъ, стали разъвьючивать, шумѣть и не дали быть пристальнымъ; теперь, въ глубокую ночь, когда всѣ улеглись, я хоть очень усталъ, а не спится. Стану опять съ тобой бесѣдовать.

Объ Ермоловѣ мы говорили. Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что по утру или какъ говорится по... не приступенъ, а впрочемъ готовъ къ услугамъ; онъ всегда одинаковъ, всегда пріятенъ, и вотъ странность: тѣхъ даже, кого не уважаетъ, умѣетъ къ себѣ привлечь... Я***, на котораго онъ сердитъ за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ, безъ ума отъ него. Объ бунтѣ писали въ Инвалидѣ вздоръ, на который я въ С. О. отвѣчалъ такимъ же вздоромъ. Нѣтъ, не при немъ здѣсь быть бунту. Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ или по ту-сторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ, которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣлицами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжетъ ихъ села—

что же дѣлать?—По законамъ я не оправдываю иныхъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи,— здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добръ; сколько мнѣ кажется, премягкихъ чувствъ, или я уже совсѣмъ сдѣлался панегиристомъ, а, кажется, меня въ этомъ нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писалъ стиховъ.

Въ послѣдній разъ на балѣ у Мадатова, я ему разсказывалъ петербургскіе слухи о томъ, что горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобы это такъ случилось: «Чего, братецъ, имъ хочется отъ меня? Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю имъ всѣ почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser».

Однако, свѣчка догораетъ, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; всѣ храпятъ, а секретарь странствующей миссіи по Азіи на полу, въ безобразной хатѣ, на коврѣ, однако возлѣ огонька, который болѣе дымитъ, чѣмъ грѣетъ: кругомъ воронье и ястреба съ погремушками привязаны къ столбамъ; того гляди шинели расклюютъ. Вчера мы ночевали вмѣстѣ съ лошадьми: по-крайней-мѣрѣ ночлегъ былъ.

II.

31-го Января.

Мой милый, я третьяго дня принялся писать съ намѣреніемъ исправно увѣдомлять тебя объ моемъ быту, но Е. еще такъ-живо представляется передъ моими глазами, я только наканунѣ съ нимъ распростился, это увлекло меня говорить объ немъ; теперь обратить вниманіе отъ такого отличнаго человѣка къ ничтожному странствователю было-бы нисколько не занимательно для читателей, если бы я хотѣлъ ихъ имѣть, но я пишу къ другу и сужу по себѣ: ты для меня занимательнѣе всѣхъ плутарховыхъ героевъ.

28-го, послѣ пріятельскаго завтрака, мы оставили Тифлисъ; я вездѣ нахожу пріятелей, или воображаю себѣ это; дѣло въ томъ, что многіе насъ провожали, въ томъ числѣ Я***, и жалѣли, кажется, о моемъ отъѣздѣ. Мы разстались. Не доѣзжая до перваго поста, Саганлука, гдѣ только третья доля была предлежавшаго намъ переѣзда, солнце свѣтило очень ярко, снѣгъ слѣпилъ еще болѣе, по лѣвую руку, со стороны. Дагестанскія горы, перемѣшанныя съ облаками, образовали прекрасную даль, притомъ-же не суховидную. Путь здѣсь не ровный, какъ въ нашихъ плоскихъ краяхъ;

каждый всходъ, каждый спускъ даритъ новой картиной. Впрочемъ, зимніе пути самые лучшіе; по-крайней-мѣрѣ воздухъ кроткій, а во всякое другое время года зной и пыль утомили-бы ѣдущихъ; и-такъ, въ замѣну изящнаго, мы наслаждаемся покойной ѣздою. Но первый переходъ былъ для меня ужасно труденъ: мы считаемъ 7-мъ агачей, по вашему 40 слишкомъ верстъ; я по утру обскакалъ весь городъ, прощальные визиты и весь перегонъ сдѣлалъ на дурномъ грузинскомъ сѣдлѣ, и къ вечеру уморился; не доходя до ночлега, отсталъ отъ всѣхъ, нѣсколько разъ сходилъ съ лошади и падалъ на снѣгъ, ѣлъ его: къ счастію у конвойнаго казака нашлась граната, я ей освѣжился. Такъ мы дошли до Демурчизама. Сонъ и не въ мои лѣта обновляетъ ослабшія силы. На другой день, кромѣ головной боли, я еще коечѣмъ недомогалъ, не сильно однако. Тотъ-же путь, что наканунѣ, но день былъ пасмуренъ. На серединѣ перехода дорога вилась вокругъ горы и привела насъ къ рѣкѣ Храмѣ. Мы ѣхали по ея теченію, а на склонѣ гора подалась влѣво и очистила намъ видъ на мостъ великолѣпный!... Въ дикихъ, снѣгомъ занесенныхъ, степяхъ вдругъ наѣхали на такое прекрасное произведеніе архитектуры, ей Богу. Утѣшно! и удивляетъ! Я долго имъ любовался, обозрѣвалъ со всѣхъ сторонъ; онъ изъ кирпича; какъ искусно сведенъ и огроменъ. Рѣка обмываетъ только половину его, въ другой половинѣ каравансарай, вѣрно пристройка къ полуразрушенному; меня въ этомъ мнѣніи укрѣпляетъ то, что остальная часть состоитъ изъ четырехъ арокъ, которыя всѣ сведены чрезвычайно легко и съ отличнымъ вкусомъ,—нельзя, чтобы строитель не зналъ симметріи; верхи остры; первая отъ каравансарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шаговъ въ діаметрѣ: я ее мѣрилъ шедши и паралельно тамъ, гдѣ теченіе рѣки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Каравансарай великъ, но лучше бы его не было; при мнѣ большой залъ былъ занятъ овцами; не знаю—куда ихъ гонитъ верховой, который съ конемъ своимъ расположился въ ближайшемъ покоѣ. Съ середины моста сходъ по круглой, витой, ветхой и заледенѣвшей лѣстницѣ, по которой я было себѣ шею сломилъ; это ведетъ въ открытую галлерею, которая виситъ надъ рѣкой. Тутъ путешественники, кто углемъ, кто карандашемъ, записываютъ свои имена, или врѣзываютъ ихъ въ камень. Людское самолюбіе любитъ марать бумаги и стѣны; однако и я, сошедши подъ большую арку,

гдѣ эхо громогласное, училъ его повторять мое имя. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого моста заложенъ былъ другой; начатки изъ плиты много обѣщали; не знаю—почему такъ близко къ этому, почему не конченъ, почему такъ роскошно пеклись о переправѣ чрезъ незначительную рѣчку, между тѣмъ на Курѣ, древней Циругѣ Страбона, нѣтъ ничего подобнаго этому. Какъ-бы то ни было, Сенаккюрпи, или какъ русскіе, его называютъ «Красный мостъ», свидѣтельствуетъ въ пользу лучшаго времени, если не для просвѣщенія, потому что Бетанкуръ могъ быть выписной, то по крайней мѣрѣ царствованія какого-нибудь изъ здѣшнихъ царей, или одного изъ Софіевъ, любителя изящнаго.

Съѣхавши съ мосту я долго объ немъ думалъ; возлѣ меня трясся рысцей нашъ переводчикъ Шемиръ-бекъ. Я принужденъ былъ ему признаться, что Петербургъ ничего такого въ себѣ не вмѣщаетъ, какъ онъ, впрочемъ, ни красивъ и ни великолѣпенъ, даже въ описаніи П. Петр. Свиньина. «Представьте», сказалъ онъ мнѣ, «8 разъ побывать въ Персіи и не видать Петербурга, это не ужасно ли!»—«Не той дорогой мы взяли»,—отвѣчалъ я ему. Эта глупость меня разсмѣшила, не знаю—разсмѣшитъ-ли тебя? Впрочемъ, такія ничтожности я часто буду позволять себѣ, потому-что пишу для тебя собственно и для тѣхъ, которымъ позволишь заглянуть въ нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантовъ С. Отечества, куда, впрочемъ, это мараніе по дурному слогу и пустотѣ мыслей принадлежитъ. Извини, что дѣлаю тебѣ это замѣчаніе: ты скроменъ и любишь мое дарованіе, не уступишь меня критикѣ людей, которыхъ я презираю; но письма мои къ другимъ я нарочно наполняю личностями, чтобы они какъ-нибудь со столика нашего любезнаго князя не попали на станокъ театральной типографіи. Ни строчки моего путешествія я не выдамъ въ свѣтъ, даромъ-что Катенинъ жалѣетъ объ этомъ и поощряетъ меня дѣлать замѣчанія, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умѣю разбалтывать ученость; книги мои въ чемоданахъ и некогда ихъ разрывать; жмусь когда холодно, растегиваюсь когда тепло, не справляюсь съ термометромъ и не записываю на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю къ землѣ, чтобы распознать ея свойство, не придумываю по обнаженнымъ кустамъ—къ какому роду принадлежитъ ихъ зелень.

Зовутъ обѣдать, прощай покудова. Если-бы я могъ перенести тебя на то мѣсто, гдѣ пишу теперь! Надъ рѣкою,

возлѣ остатковъ каравансарая, куда мы прибыли послѣ труднаго пути, однако довольно рано, потому-что всталъ давича въ 4 часа утра. Погода теплая, какъ уже въ концѣ весны. Въ виду у меня скала съ уступами, точно какъ та, къ которой, по описанію, примыкаютъ развалины Персеполя; я черезъ ветхій мостъ, что у меня подъ ногами, ходилъ туда; взлѣзалъ и, опершись на повисшій мшистый камень, долго стоялъ подобно Грееву Барду; не доставало только бороды.

Вечеромъ.

Хочешь-ли знать какъ и съ кѣмъ я странствую, то по каменнымъ кругамъ, то по пушистому снѣгу? Не жалѣй меня однако: мнѣ хорошо, могло-бы быть скучнѣе. Насъ человѣкъ 25, лошадей съ вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Раннимъ утромъ поднимаемся; шествіе наше продолжается часа два—три; я, чтобы не сгруснулося, пою, какъ знаю, французскіе куплеты и наши плясовыя пѣсни, всѣ мнѣ вторятъ, и даже азіатскіе толмачи; доѣдешь до сухаго мѣста, до пригорка, оттуда видъ отмѣнный, отдыхаемъ, ѣдимъ закуску, мимо насъ тянутся наши вьюки съ позвонками. Потомъ опять въ путь. Народъ веселый; при насъ борзыя собаки; пустимся за зайцемъ или за призракомъ зайца, потому-что я ни одного еще не видалъ. Этимъ случаемъ наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство,— свернутъ въ бокъ, по полянамъ несутся во-всю прыть, по рвамъ, кустамъ, доскакиваютъ до горы, стрѣляютъ въ вверхъ и исчезаютъ въ туманѣ, какъ царевичъ въ 1001-й ночи, когда онъ невѣсту кашемирскаго султана взмахнулъ себѣ на коня и такъ взвился къ облакамъ. А я, думаешь, назади остаюсь? Нѣтъ, это не въ Брестѣ, гдѣ я былъ въ «кавалерійскомъ»,—здѣсь скачу, сломя голову; вчера купилъ себѣ новаго жеребца; я такъ свыкся съ лошадью, что по скользкому спуску, по гололедицѣ, беззаботно курю изъ длинной трубки. Таковъ я во всемъ: въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому-что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ. Странность свойственна человѣкамъ. Одна бѣда: скудность познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу. Но, думалъ-ли я, что поѣду на востокъ? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда дѣлаю непростительныя или невѣжественныя ошибки, давича напр. нѣсколько верстъ сряду вижу кусты въ хлопчатой бумагѣ и

принялъ ихъ за бамбакъ, между тѣмъ какъ это оброски отъ каравановъ,—въ тѣсныхъ излучинахъ здѣшніе колючіе отрости цѣпляютъ за хлопчатую бумагу и ее бы съ нихъ можно собрать до нѣсколькихъ пудовъ.

Дорого-бы я далъ за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашнихъ паровъ, которые во все утро кругъ горы стлались; солнце ихъ позлащало и они тогда какъ кипящее огненное море... потомъ свились въ облака и улеглись у подножія дальнихъ горъ. Между ними черная скала Пеписъ плавала въ видѣ башни; долго она то скрывалась отъ нашихъ глазъ, то появлялась по-мѣрѣ-того какъ мы перемѣняли направленіе, наконецъ подошли къ ней, — нѣтъ приступу и въ серединѣ зáмокъ; не понимаю—какъ туда всходятъ. Мы ночевали въ ***, но не имѣли въ виду страшилища....

Ночлегъ здѣсь обыкновенно въ хатѣ, довольно высоко освѣщенной маленькимъ отверстіемъ надъ входомъ, противъ котораго въ задней стѣнѣ каминъ; по обѣимъ сторонамъ сплочены доски на полъ-аршина отъ земли и устланы коврами; около нихъ стойла, ничѣмъ не заслоненные, не заставленные. Между этими норами у насъ обыкновенно ставится круглый столъ дорожный, поваръ нашъ славный, кормитъ хорошо. Мазаровичь покуда очень милъ, много о насъ заботится; уважителенъ, и веселъ.

Ныньче мы съ трудомъ проработывались между камней, по гололедицѣ, въ царствѣ Жуковскаго, надъ пропастями: туманы, туманы надъ горами.

(Пробѣлъ, видимо оставленный нарочно. Сбоку приписано очень мелко: Ребята и взрослые глазѣютъ на пріѣзжихъ).

Вчера я весь день какъ сурокъ проспалъ. Четыре дня, какъ мы изъ Тифлиса, три остается до Эривани; насъ очень пугаютъ Дилижанскимъ ущельемъ.

III.

2-го Февраля.

Отъ Каравансарая мы отправились по теченію Автафы, встрѣчь ея теченію, и пошли ущельемъ, гдѣ около насъ повторялись кавказскія мѣста,—скалы лѣсистыя, у ихъ подножія, между ними, шумитъ рѣка, то дѣлится на тонкія струи. Только то разница, что въ прежнихъ ущельяхъ порохомъ и ломомъ боролись съ преградными твержами, а здѣсь руками человѣковъ ничего не приспособлено къ удоб-

ному проѣзду. Груды камней на каждомъ шагу какъ будто наростаютъ; отростки деревьевъ бьютъ въ глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое мѣсто, тутъ сильный вѣтеръ поднялся на встрѣчу и не переставалъ насъ продувать и послѣ, когда уже горы съузились, и мы возлѣ, въ лѣсу, выбрали себѣ у склона горы, упершись въ рѣчку, мѣстечко для отдыха и ночлега. Тутъ мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себѣ изъ вьюковъ булаганы, обвѣшали ихъ коврами, развели огни, около нихъ иные согрѣвались, другіе, насадивъ на лучину куски сыраго мяса, готовили себѣ кебабъ. Лучше всѣхъ курился огонекъ на островѣ, поодаль отъ насъ, около котораго обсѣло странствующее купечество; лошади наши паслись на пригоркахъ.

А хорошо было ночевать Маѳусаиламъ и Ламехамъ; первый, кто молотомъ сгибалъ желѣзо, первый, кто изобрѣталъ пѣвницу и гусли,—славой и любовью награждался въ обширномъ своемъ семействѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ есть города и граждане, ѣдемъ, ѣдемъ отъ Финскаго залива до тудова, куда сынъ Товитовъ ходилъ за десятью талантами, а все въ надеждѣ добыть похвальную знаменитость, и, можетъ, вѣкъ до нея не доѣдемъ....

(Новый пробѣлъ въ листѣ).

IV.

Эривань, 4-го Февраля.

Вотъ другой день пребываемъ въ армянской столицѣ, любезный другъ. Худо-ли, хорошо-ли мы ѣхали, можешь судить по маршруту, но, для вѣрности, на каждый переходъ прикладывай верстъ по пяти, на иной и десять придется лишнихъ, которыя, если не домѣрены межевщиками, то отъ того не менѣе ощутительны для усталыхъ путешественниковъ:

отъ Тифлиса.

	Версты:
Демунчихассанлу.....	42
Инджа............	24
Джогасъ...........	24
Каравансарай.......	30
Биваки: Богасъ........	42
Каравансарай.......	36
Эривань...........	50

248=41 1/3 агачамъ.

Не стану утомлять тебя описаніемъ послѣдняго нашего перехода до здѣшняго города; довольно того, что я самъ чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верстъ по глубокимъ снѣгамъ проѣхали мы въ шесть часовъ,—разумѣется, порядочной рысью. Вотъ дѣйствительная служба: сочиненіе канцелярскихъ бумагъ не есть трудъ, особливо для того, кому письмо сдѣлалось любимымъ упражненіемъ. Вамъ, гиперборейцамъ, невѣроятно покажется, что есть другіе края, и на югѣ, гдѣ можно себѣ отморозить щеки; однако, это сбылось на одномъ изъ нашихъ людей и всѣ мы ознобили себѣ лица. Еще теперь слышу, какъ хрупкій снѣгъ хруститъ подъ ногами нашихъ лошадей; во всякое другое время быстрая Занга въ иныхъ мѣстахъ застыла, въ другихъ медленно пробивается сквозь льды и снѣга подъ стѣны Эривани. Земля здѣсь гораздо возвышеннѣй Грузіи и гораздо жарче; одинъ хребетъ горъ, уже отъ Тифлиса, или еще прежде, отдѣлился въ-лѣво, съ другимъ мы разстаемся, — онъ уклоняется къ западу; все вмѣстѣ составляетъ ту цѣпь, которую древніе называли Тавромъ. Но, здѣшнія равнины скучнѣе тѣхъ скатовъ и подъемовъ, которые мы позади себя оставили,—пустынное однообразіе. Не знаю, отъ чего у меня вчера во всю дорогу не выходилъ изъ головы смѣшной трагическій стихъ:

Du centre des deserts de l'antique Arménie.

Въѣхавши на одинъ пригорокъ, надъ мглою, которая носилась по необозримой долинѣ, вдругъ предстали передъ нами въ отдаленіи двѣ горы, первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефанъ-Цминдъ, ни другіе колоссы кавказскіе не поразили меня такою огромностью; обѣ вмѣстѣ завладѣли большею частію горизонта,—это двухолмный Араратъ, въ семидесяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ въ первый разъ является такимъ величественнымъ. Еще наканунѣ синѣлись верхи его. Кромѣ воспоминаній, которыя трепетомъ наполняютъ душу всякаго, кто благоговѣетъ передъ священными преданіями, одинъ видъ этой древней горы сражаетъ неизъяснимымъ удивленіемъ. Я долго стоялъ неподвиженъ; мой златокопытъ, повидимому, не раздѣлялъ чувствъ своего сѣдока, двинулся, понесся и мигомъ погрузилъ меня съ собою въ влажную стихію; меня всего обдало сыростью, которая до костей проникаетъ. Основаніе Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, какъ туча висѣла надъ нами до Эривани.

Уже въ нѣсколькихъ верстахъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ города, догадались мы, что доѣзжаемъ до обѣтованнаго пріюта: туманъ долго застилалъ его отъ нашихъ глазъ, наконецъ, на низкомъ мѣстѣ, между кустами въ-лѣво отъ дороги, по которой и мы своротили, пояснились двѣ части зданій, одна съ другой ни чѣмъ не соединенныя. Мы въѣхали въ пригородокъ. Но представь себѣ ударъ человѣку, который въ жестокую стужу протрясся полдня въ надеждѣ пріютиться въ укромной горницѣ: на встрѣчу намъ ни души; стало быть, не радѣли о нашемъ успокоеніи, не отвели еще квартиръ. Я бѣсился: притомъ неуваженіе къ русскимъ чиновникамъ всякаго на моемъ мѣстѣ, и съ меньшимъ самолюбіемъ, такъ-же бы оскорбило. Миновали сады, высокія трикровныя кладбища, длинныя каменныя ограды, за которыми стоятъ дома, башни и куполы мечетей, а на встрѣчу нѣтъ никого! Мазаровичъ кричитъ, что прямо ворвется къ сардарю и сдѣлаетъ суматоху. Наконецъ, выступаемъ на поле, что между крѣпостію и городомъ, и тутъ несется къ намъ посланный отъ сардаря чиновникъ въ драгоцѣнной шубѣ, на богато-убранномъ конѣ и проситъ извиненія, что адъютантъ, посланный насъ принять, не по той поѣхалъ дорогѣ; въ самомъ дѣлѣ мы избрали путь кратчайшій, но не тотъ, которымъ обыкновенно сюда прибываютъ. Въ ту-же минуту фарашъ въ высокой шапкѣ, въ желтомъ чекменѣ, въ синемъ кафтанѣ, съ висячими на спинѣ рукавами, длиннымъ шестомъ своимъ указывалъ намъ путь и билъ безъ милосердія всякаго, кто ему подъ руку попадался, мущинъ и женщинъ. Женщины становились къ намъ задомъ, это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья въ отведенный намъ домъ, это меня веселило. Такое особенное предпочтеніе намъ, русскимъ, между тѣмъ, какъ Англичане смиренно сгибаютъ колѣна и садятся на полъ, какъ Богъ велитъ, и разутые, мы, на возвышенныхъ сѣдалищахъ, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчемъ персидскіе многоцѣнные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣшнемъ народѣ.

Однако, прежде чѣмъ идти далѣе, позволь сообщить тебѣ замѣчаніе. Для дамской нѣжной разборчивости оно бы не годилось, но ты, военный человѣкъ, не взыщешь. При первомъ появленіи посланнаго отъ сардаря и съ нимъ двухъ фарашей, нашего обонянія коснулся самый чудный, тяжелый, непріятный запахъ. Не повѣришь: избытокъ ассафетиды въ нашихъ аптекахъ — резеда въ сравненіи съ этимъ. Не

понимаю, какъ они, три злодѣя, такъ сильно и скоро умѣли заразить собою воздухъ!

Въ слѣдъ за дѣйствующимъ посохомъ фараша, за толпою народа, имъ гонимаго, мы въѣхали чрезъ широкія наружныя ворота въ домъ Мегметъ-бея; въ кругломъ, крытомъ и немощенномъ подъѣздѣ слѣзли съ лошадей и черезъ другія ворота, надъ которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренній дворъ, обнесенный съ одной стороны теремомъ, съ другой высокой и фигурной стѣною; въ немъ замерзшіе фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для входа передъ нами отдернули тяжелую запону, которою здѣсь завѣшиваютъ всѣ двери, и впустили въ переднюю комнату. Съ-права залъ, съ-лѣва залъ; и одинъ, какъ другой; множество впадинъ и простынь, и потолокъ лѣпной всякой всячиной; окны косящатыя съ рѣзьбой, тьма симметрически расположенныхъ четвероугольничковъ изъ разноцвѣтной слюды; однако свѣту достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились въ обѣихъ залахъ. Въ-мигъ запылали камины, на небольшихъ амвонахъ разставили жаровни, подали кальяны. Вскорѣ нагрянула къ намъ тьма посѣтителей и затерянный адъютантъ. Насъ очень забавляло это европейское наименованіе, которое придаютъ человѣку, тѣмъ-только отличающемуся отъ прочихъ, что онъ ближе къ особѣ сардаря и слѣдовательно чаще подвергается палочнымъ ударамъ. Хозяинъ нашъ отбылъ на охоту, братъ заступалъ его мѣсто и изъяснялъ, что домъ, услуга и даже собственная его особа намъ принадлежитъ. Тутъ-же мы нашли англійскаго указателя, не книжку, а человѣка. Во все мѣшается, все указываетъ; природа, кажется, обрекла его хлопать бичемъ возлѣ кюррикеля и работать веслами на Темзѣ, — здѣсь онъ переводитъ альбіонское строевое ученье на фарсійскій языкъ, который для этого довольно плохо знаетъ; ему ввѣряютъ цѣлый баталіонъ, или меньше, по крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ. Сарбазы порядочные выйдутъ балансеры, если по немъ образуются. Между тѣмъ, онъ намъ смерть надоѣдаетъ; вотъ другой день не знаемъ—какъ отъ него отдѣлаться; вообще, неугомонное любопытство и неотвязчивость здѣсь въ большомъ употребленіи. Каждую минуту незнакомыя лица наполняютъ комнату, смотрятъ въ глаза, въ бумагу, если пишешь, и въ ту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась въ мое письмо. Мнѣ страшная охота припадаетъ за это проучить ее.

Сардарь прислалъ намъ дикаго барана съ своей охоты;

пребольшой звѣрь, рога съ олепьи, передняя часть преимущественно обросла тучнымъ рупомъ; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазаровичь щедро отплачивается калейдоскопами, которымъ пора прельщать Азію, потому что намъ уже пригладѣлись.

Вечеромъ озарило наши покои красное солнышко Эривани,—лысый, привѣтливый, веселый старикъ, любитель русскихъ, почитатель Ермолова, хозяинъ нашъ Мегмедъ бекъ, сарангъ, полковникъ, не въ томъ значеніи, что за этимъ чиномъ слѣдуетъ генералъ-маіоръ и проч., а просто военный начальникъ. Передъ нимъ, за нимъ, несли увѣсистые подсвѣчники, подносы съ сластями и лакомства, которыми, если-бы ихъ описать, врядъ-ли бы я разлакомилъ твое воображеніе. Но, въ какомъ-бы видѣ оно ни было, гостепріимство должно притупить стрѣлы насмѣшливыхъ наблюдателей; лучше познакомить тебя съ персидскою учтивостью. Вотъ образчикъ: Мазаровичу сказалъ Мегмедъ-бекъ, что онъ до-того обрадованъ его пріѣздомъ, что еслибы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсѣчь голову всѣмъ его слугамъ и даже брату; онъ бы черезъ то великое удовольствіе принесъ хозяину; а мнѣ, первостепенному мирзѣ, когда я просилъ его велѣть унести жаровни, чтобы отъ жару не перемѣнить мѣсто и не отсѣсть отъ него далѣе, объявилъ, что мѣсто мое у него подъ правымъ глазомъ. Карамзинъ-бы заплакалъ, Жуковскій стукнулъ-бы чашей въ чашу, я отблагодарилъ янтарнымъ гроздпымъ сокомъ, нектаромъ Эривани, и пурпурнымъ кахетинскимъ. Бесѣда наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тѣмъ, что видѣлъ и проглотилъ, я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину. Хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фараши его домочадцами, самъ я — Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырыя овощи и блюдца съ сахарными брашнами, все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину, и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется Англичаниномъ, а право, нельзя ручаться— изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ разсказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ,—я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріѣ, прозванномъ Самозванцемъ, и всякаго другого бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство. И эриванскій Марже-

ретъ или Дурьгильбредъ язвительно отзывается на счетъ Персіянъ, которые не допускаютъ его умереть съ голоду.

V.

Эривань, 5-го Февраля.

На утро, послѣ нашей вечерней бесѣды, я всталъ съ жестокою головною болью, надо было пріодѣться и ѣхать къ сардарю. Въ передней ждалъ насъ іасскулъ его въ красномъ длинномъ платьѣ, при ужасной палкѣ съ позолоченнымъ набалдашникомъ для извѣстнаго употребленія.

Сардарь Гуссейнъ-ханъ (изъ царствующаго нынѣ поколѣнія Каджаровъ), въ здѣшнемъ краю первый по Богѣ, третій человѣкъ въ государствѣ; власть его надежнѣе, чѣмъ турецкихъ пашей; онъ давно уже на этомъ мѣстѣ; платитъ ежегодно въ бейрамъ не всегда одинаково, въ видѣ подарка, а не государственныхъ доходовъ, нѣсколько тысячъ червонцевъ, за которые имѣетъ право взимать третію долю со всего, что земля производитъ, а разшутится, такъ и всѣ три доли его. Разумѣется, что продавцы ждутъ, покудова онъ свою часть не сбудетъ съ рукъ. Не только внутренняя торговля, имъ часто стѣсняется и внѣшняя, не смотря на трактаты, которые, такъ-какъ и Адамъ Смитова система, не при немъ писаны. Отъ себя содержитъ войско, но въ военное время требуетъ денегъ отъ двора. Въ судныхъ дѣлахъ его словесное приказаніе законъ, если истцы или отвѣтчики не отнесутся къ Шаръ, кодексу великаго пророка, котораго уставы неизмѣнны. Одѣвшись, мы отправились къ его высокостепенству. Намъ предшествовалъ іасскулъ и также исправно отправлялъ свою должность, какъ фарашъ наканунѣ. Дома здѣсь испещрены внутри, снаружи удерживаютъ цвѣтъ природы, свойственный матеріаламъ, изъ которыхъ выстроены, по-большей части дикіе. Въ нашемъ отечествѣ роскошь гостиныя и залы убираетъ съ изящною простотою, а извнѣ любитъ раскрашивать стѣны и приставлять къ нимъ столбики.

Мы доѣхали до зубчатой крѣпостной ограды, потомъ черезъ нѣсколько скважень, которыя называютъ улицами, протѣснились до послѣдняго двора сардаря. Не знаю—что тебѣ сказать объ его хоромахъ? Нѣтъ ничего цѣлаго, притомъ столько кривизны, поворотовъ, переулковъ, пристроекъ, надстроекъ, входовъ, проходовъ, узкихъ, сумрачныхъ и вовсе мрачныхъ, что толку не доберешься. Въ преддверіи, родъ кануры, и на площадкѣ передъ нимъ толпилась тьма любо-

пытныхъ; ихъ наружность, ужимки, платья, все это похоже на входъ въ маскарадъ. Взошли въ пріемную; она должна быть очень хороша для персидскихъ глазъ: велика, полъ устланъ дорогими, узорчатыми коврами, и потолокъ и весь залъ расписанъ многими японскими узорами; съ-лѣва ставни занимаютъ всю продолговатую стѣну: въ нихъ цвѣтная слюда перемѣшана съ рѣзьбою и съ наклейными коймами — это окна. Прямо противъ входа каминъ; въ правой, тоже длинной, стѣнѣ выемка въ полукружіе, въ которомъ выпуклый потолокъ представляетъ хаосъ изъ зеркальныхъ кусковъ, и тамъ каминъ. На всѣхъ стѣнахъ, въ два ряда, одинъ надъ другимъ, картины,—похожденія Ростома, персидскаго великана сумраковъ, котораго Малькольмъ вклеилъ въ свою исторію. Я имѣлъ время на все это уставить мой лорнетъ, потому что нашего сардаря еще не было. Ханъ сынъ его, въ красной шубѣ, подогнувшимися колѣнами, сидѣлъ на отцовскомъ особенномъ коврѣ возлѣ камина, что противъ входа. Онъ дѣлалъ намъ обыкновенные вопросы о здоровьи высокихъ особъ. Потомъ всѣ въ поясъ поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за нимъ. Онъ, взявши за руку Мазаровича, сказалъ ему, что познакомился съ нами, его мирзами, потомъ съ тремя дѣтками усѣлся въ уголъ на своемъ мѣстѣ. Сынъ его сталъ у притолки съ прочими приближенными чиновниками, братъ сардаря сидѣлъ по другую сторону камина, мы къ окну на приготовленныхъ для насъ стульяхъ, все прочее благоговѣло, стоя въ глубокомъ молчаніи. Онъ сдѣлалъ тѣ-же вопросы, что сынъ его; подали кальянъ, чай съ кардамономъ. На головахъ несли огромные серебряные подносы съ конфектами; нѣсколько подносовъ со множествомъ сластей поставили передъ нами. Сардарю прислуживали на колѣнахъ. Конфекты совсѣмъ для меня новаго рода, однако превкусныя; я около нихъ постарался. Между тѣмъ разговоръ происходилъ о походѣ Алексѣя Петровича въ Чечню и въ Дагестанъ, о путешествіяхъ нашего Государя по Европѣ для утвержденія повсемѣстнаго мира. Не помню, право; при какомъ случаѣ онъ Вѣну перепуталъ съ Венеціею...

VI.

Нахичевань, 9-го Февраля.

Третьяго дня, 7-го мы отправились изъ Эривани, сегодня прибыли сюда; всего $133^1/_2$ версты. Не усталость меня губитъ, свирѣпость зимы нестерпимая; никто здѣсь не запом-

нитъ такой стужи, всѣ южныя растенія померзли. Притомъ, какъ мнѣ надоѣли всѣ и всё! Правъ Шаховской, — скука водитъ моимъ перомъ; не мудрено, что я тебѣ сообщу ее-же. Нѣтъ! нынѣшній день не опасайся ничего: ложусь спать съ однимъ воспоминаніемъ о тебѣ!

VII.

10-го—13-го Февраля.

Сейчасъ думалъ, что-бы со мною было, если бы я бесѣдой съ тобою не сокращалъ мучительныхъ часовъ въ темныхъ, закоптѣлыхъ ночлегахъ! Твоя пріязнь и въ отдаленіи для меня благодѣяніе. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь въ то, что самъ для себя не сталъ бы замѣчать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будетъ въ рукахъ, дѣлаетъ меня внимательнымъ и все въ глазахъ моихъ украшаетъ надежда, что Богъ дастъ свидимся, прочтемъ это вмѣстѣ, много добавлю словесно и тогда сколько удовольствія! Право, мы счастливо созданы.

Какъ я тебѣ сказалъ, мы выѣхали изъ Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы тамъ всего пробыли три дня съ половиной и то задержали нѣкоторыя дѣла съ сардаремъ. Думали также переждать холодъ, но напрасно: онъ не переставалъ свирѣпствовать. Я даже не отважился съѣздить въ древній Эчмядцинскій монастырь, въ 18-ти верстахъ отъ Эривани въ сторону, и вообще кромѣ какъ для церемоніальнаго посѣщенія сатрапу, не отходилъ отъ мангала и отъ камина, который, по недостатку дровъ, довольно скудно отапливался. Сколько я могъ видѣть, при въѣздѣ и выѣздѣ, городъ пространенъ, а некрасивъ, и длинные заборы и развалины, слѣды послѣдней осады русскими, даютъ ему видъ печальнаго запустѣнія. Объ обычаяхъ здѣшнихъ и нравахъ мнѣ еще труднѣе сказать мое мнѣніе отъ недостатка времени и случая къ наблюденіямъ. Если по одному позволено судить о многихъ, вотъ что я видѣлъ въ домѣ богатаго и знатнаго эриванца. Фараши его, въ 18 градусовъ по Реомюру, съ раскрытой шеей, безъ зипуновъ, не согрѣваются даже достаточною пищею, но господинъ иногда ущедряетъ: раздѣляетъ имъ подачки со своего стола изъ собственныхъ рукъ, по кусочку пирожнаго, наиболѣе приближеннымъ. Это домашнія дѣла; въ дѣлахъ государственныхъ здѣсь, кажется, не любятъ сокровенности кабинетовъ: они производятся въ присутствіи многочисленныхъ слушателей. Я, въ простотѣ

моего сердца, сперва подумалъ, что, стало быть, рѣдко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здѣшніе высшіе чиновники, но въ томъ, въ чемъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ объяснялся съ сардаремъ, напр.: о перемапкѣ и поселеніи у себя нашихъ бродящихъ татаръ, о притѣсненіи нашихъ купцовъ, высокостепенный былъ кругомъ неправъ, притомъ изложилъ, составленную имъ самимъ, такую теорію налоговъ, которая, не думаю, чтобы самая сносная для шахскихъ подданныхъ, ввѣренныхъ его управленію. И все это говорилось при многолюдномъ сборищѣ, чье разстроенное достояніе ясно доказываетъ, что польза сардаря не есть польза общая.—Рабы, мой любезный! И по дѣломъ имъ! Смѣютъ-ли они осуждать верховнаго ихъ обладателя? Кто ихъ боится? У нихъ и историки панегиристы. И эта лѣствица слѣпаго рабства и слѣпой власти здѣсь безпрерывно восходитъ до бега, хана, беглеръ-бега и каймакама и такимъ образомъ выше-и-выше. Недавно одного областнаго начальника, не взирая на его 30-ти лѣтнюю службу, сѣдую голову и алкоранъ въ рукахъ, били по пятамъ, разумѣется, безъ суда. Въ Европѣ, даже и въ тѣхъ народахъ, которые еще не добыли себѣ конституціи, общее мнѣніе по-крайней-мѣрѣ требуетъ суда виноватому, который всегда наряжаютъ. Криво-ли, прямо-ли судятъ, иногда не какъ хотятъ, а какъ велятъ,—подсудимый хоть имѣетъ право предлагать свое оправданіе. Всего нѣсколько сутокъ, какъ я переступилъ границу, и еще не въ настоящей Персіи, а имѣлъ случай видѣть уже не одинъ самовольный поступокъ. Ты это въ свое время узнаешь. Въ заключеніе скажу тебѣ объ эриванскихъ жителяхъ, что они лѣтомъ можетъ-быть очень пріятные люди, а зимой вымораживаютъ своихъ гостей; это никуда не годится; я продрогъ у сардаря и окостенѣлъ у Мегмедъ-бега.

День нашего отъѣзда изъ Эривани былъ пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный снѣгомъ, я укутался буркою, обвертѣлъ себѣ лице башлыкомъ, пустилъ коня наудачу и не принималъ участія ни въ чемъ, что вокругъ меня происходило. Потеря не большая; сторона благословенная лѣтомъ, въ разсказахъ и въ описаніяхъ, въ это время и въ эту погоду ничего не представляетъ изящнаго. Араратъ, по здѣшней дорогѣ, пять дней сряду въ виду у путешественниковъ, но теперь скрылся отъ насъ за снѣгомъ, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не смѣть раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простудѣ. И

между ногъ безпрестанное движеніе животнаго, которое не даетъ ни о чемъ постоянно задуматься! Часто мы скользимъ по оледенѣлымъ протокамъ; иные живѣе прочихъ; не замерзшіе проѣзжали въ бродъ. Ихъ множество орошаютъ здѣшнія поля; вода нарочно проведена изъ горныхъ источниковъ и весною, усыряя пшеничныя борозды, долго на нихъ держится посредствомъ ископанныхъ для этого грядъ, съ которыхъ мы каждый разъ обрывались и вязнули въ зыбучихъ глубяхъ.

Нѣтъ! я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со-временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители; она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонитъ далѣе, но, по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года. Съ такимъ ропотомъ я добрался до Девалу, большаго татарскаго селенія, въ 8¼ агача отъ Эривани, бросился къ комельку, не раздѣвался, не пилъ, не ѣлъ и спалъ какъ убитый.

На другой день, для перемѣны, опять въ полѣ снѣгъ, опять тошное странствіе! Къ-счастію, отъѣхавъ съ полъагача, поровнялись съ персидскимъ бариномъ, ханомъ какимъ-то, который на поклонъ отправлялся къ шахъ-зидѣ! За нимъ фараши,—одинъ везъ кальянъ, у другаго къ сѣдлу прикрѣплена жаровня со всегда готовыми угольями для господской курьбы, у третьяго огромная киса съ табакомъ для той-же потребности. Если-бы вмѣсто этой пустой роскоши, собрать всѣхъ кальянщиковъ, подкальянщиковъ и самихъ страстныхъ курителей кальяна и заставить ихъ расчистить, утоптать, умять снѣгъ на дорогѣ, чтобъ какъ-нибудь можно было ѣхать въ повозкахъ, не гораздо-ли бы лучше! Новый нашъ спутникъ въ восхищеніи, что нашелъ случай познакомиться съ россійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, началъ отпускать ужасную нелѣпицу! Что за гиперболы! Въ Европѣ, которую моралисты вѣчно упрекаютъ порчею нравовъ, никто не льститъ такъ безстыдно! Слова *душа*, *сердце*, *чувства* повторялись чаще, нежели въ покойныхъ розовыхъ книжечкахъ «для милыхъ»! Любовь, будто бы отъ одного слова, отъ одного взора новаго почтеннаго знакомца заронила искру въ сердце его (персидскаго хана) и раздула неутушимый пожаръ и проч. Во всякое другое время я-бы заткнулъ уши, но теперь этотъ восточный каталаксусъ пришелся очень-кстати: едва замѣтно было, какъ мы сдѣлали 6 агачей до ночлега. Мнѣ пришло въ голову,—что кабы вос-

кресить древнихъ Спартанцевъ и послать къ нимъ одного нынѣшняго персіянина велерѣчиваго,—какъ-бы они ему внимали, какъ-бы приняли, какъ-бы проводили?... (Пробѣлъ).

Ты мнѣ пеняешь, за чѣмъ я не увѣдомляю тебя о простреленной моей рукѣ. Стоитъ ли того, другъ мой! Еще-бы мнѣ удалось раздробить ему плечо, въ которое мѣтилъ! А то я-же заплатилъ за свое дурачество. Судьба... Въ тотъ самый день, въ который... Ну, да Богъ съ нимъ! Пусть стрѣляетъ въ другихъ, моя прошла очередь.

Иные славятъ Александра,
Иныхъ прельщаетъ Геркулесъ,
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще другихъ Мильтіадесъ.—
Есть мужества примѣръ,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британскій гренадеръ.

Князю напоминай обо мнѣ почаще. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданій. Не могу довольно нарадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ и къ кому я самъ душевно привязанъ. Его статура, чтенье, сочиненія, горячность въ спорахъ о стопахъ и рифмахъ, кротость съ Катериною Ивановной,—не повѣришь, какъ память объ этомъ обо всемъ иногда развеселяетъ меня въ одиночествѣ, въ которомъ теперь нахожусь. Досадно, что на этотъ разъ некогда къ нему писать. Матушкѣ сказать два слова я еще не принимался, а Осипъ Мазаровичь торопитъ; это братъ нашего повѣреннаго, отправляется въ Россію. Товарищъ Амбургеръ тоже не выдержалъ, поѣхалъ къ водамъ, а можетъ-быть не воротится. Что-жъ ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здѣсь два года?

А начальная причина все-таки ты. Вѣчно попрекаешь меня малодушіемъ. Не попрекнешь-же впередъ, право нѣтъ: музамъ я уже не лѣнивый служитель. Пишу, мой другъ, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не разстался бы съ тобою! Обнимаю тебя крѣпко на-крѣпко. Однако, какъ мнѣ горько бываетъ!..

VIII.

Таврисъ съ его базаромъ и каравансараями. Встрѣча, почести. Фетъхалиханъ боится каймакама. Обѣдъ у Англичанъ, визитъ каймакаму. Сиръ Робертъ Портеръ. Пріѣздъ шахъ-

зиды, церемоніальное посѣщеніе, Англичане, мое мнѣніе на счетъ ихъ и нашихъ сношеній съ Персіей. Бани и климатъ въ сравненіи съ тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го (февраля?); выѣздъ изъ Тавриса. Лошади шахъ-зиды славные; день кроткій, безсолнечный; съ обѣихъ сторонъ пригорки, слои бѣлые, глинистые, изъ которой дома строятся. Возлѣ самаго Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды подъ малымъ снѣгомъ похожи на овощные огороды. Мѣсто довольно гористое, $2^1/_2$ станціи. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры въ деревняхъ, лучше чѣмъ въ прежнихъ.

Второй день. Путь внизу, возлѣ горъ; съ-права долина, за которой другая цѣпь горъ. Возлѣ каравансарая много отдыхающихъ путешественниковъ, верблюдовъ и ословъ; и мы отдыхаемъ. Скидаю маску, новый свѣтъ для меня просіялъ. Изъ каравансарая поднимаемся въ гору по глубокому и рыхлому снѣгу, и такъ до самыхъ Уджанъ. Въ виду лѣтній за̀мокъ. Послѣ обѣда отправляемся; тьма лисицъ на дорогѣ, пьютъ, играютъ по снѣгу и, при нашемъ приближеніи, убѣгаютъ въ горы. Югъ, 20 вѣтровъ, красныя облака и между ними синева; черныя тучи сзади; между этимъ всѣмъ звѣзды, какъ палительныя свѣчи.

Третій переходъ трудный, крутизны и страхъ — снѣжно. Съѣздъ на катера. Долго ѣду, спускаюсь въ селеніе, гдѣ ночлегъ. Вьюки падаютъ, чуть не убиваютъ людей каждый разъ, когда объѣзжаютъ ихъ верховые стороной, гдѣ снѣгъ глубокій.

Четвертый переходъ пріятный, однако много подъемовъ. Рѣка Міана. Часто переѣзжаемъ въ бродъ около красныхъ утесовъ, которые похожи на обыкновенныя зданія. Пріѣздъ въ Міану. Опасное насѣкомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаемъ въ ущелья самыя узкія, пещеры, туманъ. Мостъ на Кизиль-агачѣ; оттуда-же по горамъ, на каждомъ шагу падаютъ лошади; тьма селеній, но все не тѣ, гдѣ ночевать. Блужданье по полямъ, гдѣ нѣтъ дороги и снѣгъ преглубокій. Такъ застигаетъ ночь. Пріѣздъ въ за̀мокъ.

Шестой. Трудный путь по зимней дорогѣ; гдѣ проталины, тамъ скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотитъ верхи горъ, которые, какъ волны, зыблются отъ перемѣнчиваго отлива. Мѣстечко, славный замокъ. Ханъ. Много деревень.

Седьмой. Безснѣжный путь. Славный изъ-дали Занганъ. красиво представляется. Встрѣча. Передъ Зангаиомъ въ деревнѣ—встрѣча. Множество народу. Сходимъ возлѣ огромнаго дома. Описаніе его. Славные плоды. Явленіе весны. Музыка вечеромъ.

Восьмой день тамъ-же. Наканунѣ батоги и 5 тумановъ за лошадь.

Девятый. Горы простираются съ-права и съ-лѣва. Между ними долина необозримая. Вотъ, до-которыхъ-поръ доходило посольство. На курганѣ, окруженномъ деревьями, бесѣдка пріемная, другая тоже, башня четвероугольная, какъ въ Занганѣ гаремъ, треугольникъ для евнуховъ, бесѣдка для бани. Ямы на полѣ, замокъ, далѣе руины Султанеи. Тьма верблюдовъ, ширванскіе купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. Исторія Кодабенде. Лѣпныя слова какъ кружево. 37 шаговъ въ діаметрѣ, 43 шага до 3-го этажа, отъ 2-го до 5-го 22; потомъ 60 шаговъ безъ ступеней, сходъ на платформу, гдѣ куполъ, 8 минаретовъ, въ одномъ 40 шаговъ. Видъ оттудова.

Десятый день холодный и дождливый. Цѣлый день въ маскѣ и въ тюрьмѣ. Заѣзжаемъ въ деревню, гдѣ хозяинъ желаетъ прихода русскихъ. Вечеромъ прояснилось. Дождь смылъ вездѣ снѣгъ, даже на горахъ. Скачемъ до Абгара. Сады въ Абгарѣ, мечети; выѣзжаемъ изъ воротъ, славная дорога, скачемъ другъ-передъ-другомъ и доскакиваемъ до ночлега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день въ $3^1/_2$ часа поспѣваемъ въ Казбинъ.

Казбинъ, древняя метрополія поэтовъ и ученыхъ. Фисташковыя деревья. Хозяинъ жалуется богу на Каджаровъ. Остатки древняго великолѣпія—мечети, мейданы и проч. Передъ Казбиномъ много деревень въ сторонѣ, принадлежатъ сардарю Эриванскому; имъ же выстроены училища въ Казбинѣ.

Изъ Казбина ѣдемъ къ юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлегъ. На другой день большой переходъ; я отстаю. Утро славное; мальчикъ съ осломъ плачетъ, что онъ впередъ нейдетъ. Встрѣча съ ханомъ, религіозное преніе. Издали увеселительный замокъ шаховъ въ мѣстечкѣ, стоитъ на терассахъ; большой дворъ, въ-право жилья, конюшни, въ-лѣво два царскія жилья и башня. Съ другой стороны замокъ Алія и горы. И теперь хороши, а лѣтомъ еще лучше должно быть.

Переходъ похожъ на прогулку; много пароду встрѣчается на дорогѣ. Мы то въѣзжаемъ на пригорки у склона горы,

то опускаемся, но вскорѣ горы насъ сами оставляютъ и уклоняются schreck überrüks въ-лѣво; открываются Негиристанскія горы. Подъѣзжаемъ къ руинамъ, на-право Раги Мидійскія, мечеть и тамъ возвышается Тагирань. Нашъ домъ.

IX.

Тагирань.

Негиристанскія горы влѣво. Демавендъ за облаками, впереди равнина, справа развалины Раговъ Мидійскихъ и мечеть. Стѣны съ башнями, вороты выложены изразцами, неуклюжія улицы (грязныя и узкія)—это Тагирань.

Визитъ седеразаму, бодрый старичекъ. Наканунѣ бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрѣлъ, подарки, форма принимания.

Въ наврузъ мы, какъ революціонные офицеры, передъ нами церемоніймейстеръ, проѣзжаемъ нѣсколько улицъ, въѣзжаемъ черезъ крытыя ворота; на обширной площади много народа; чисто, родъ бульвара. Слѣва башни разноцвѣтныя и стѣны; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный куполъ. Поворачиваемъ влѣво, черезъ вороты, въ крытую улицу; еще площадь, усѣяна народомъ, разные костюмы, пѣсни, бимбаши, огромныя пушки на помостахъ, фальконеты; доѣзжаемъ до внутренняго двора, гдѣ настоящій праздникъ. Ждемъ въ комнатѣ, возлѣ тронной. Потомъ и англичане. Передъ окошками множество чиновниковъ въ богатыхъ шалевыхъ платьяхъ, суетятся въ промежуточныхъ аллеяхъ; передъ трономъ бассеинъ съ водометами, въ ширину трона; уставлены искусственными цвѣтами, какъ у насъ вербы; сорбеты подносятся; далѣе, въ продолговатости, другой такой же бассеинъ.

Вводятъ на наши мѣста. Три залпа фальконетовъ. Журавль. Шахзиды, большіе и малые. Царь въ богатомъ убранствѣ и съ лорнетомъ. Амлихово замѣчаніе. Муллы, стихи, God save the king, трубы, стихи, слонъ, деньги, представленія, тѣлодвиженія короля. Какъ длинна борода царя. Онъ также въ гаремѣ празднуетъ бейрамъ.

Наканунѣ, ночью и во весь день варварская музыка.

Нашъ дипломатическій монастырь.

(Рус. Слово, 1859 г., № 4, стр. 16—40).

Письма къ Ѳ. В. Булгарину.

I. Октябрь 1824.

Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Тонъ и содержаніе этого письма покажутся вамъ странны, что же дѣлать?! Вы сами тому причиною. Я долго думалъ, не рѣшался, наконецъ, принялъ твердое намѣреніе — объявить вамъ истину, il vaut mieux tard, que jamais. Признаюсь, мнѣ самому жаль: потому что съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей; хорошее мнѣніе обо мнѣ я въ васъ почитаю искреннимъ. Но, несмотря на все это, не могу далѣе продолжать нашего знакомства. Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ именемъ Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я, именно какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго. Не думайте, чтобы какая нибудь внѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой нибудь низости, не выклаиваю-ли я еще горсточку ладона!!

Разстанемтесь. Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтимся: то безъ пріязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы вѣрно поймете, что, поступая, какъ я теперь, не съ горяча, а по весьма долгомъ размышленіи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно, и васъ

чувство благородной гордости не допуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Гречу объясню это пространнѣе.... а можетъ быть и нѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошихъ мыслей, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностію. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите. Милостивый государь, вашъ всепокорнѣйшій А. Грибоѣдовъ.

II.

Съ дозволенія инквизиціи.

Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типографіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ нибудь и журналовъ, и нѣтъ-ли у васъ «Чайльдъ-Гарольда?» Меня здѣсь заперли и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17-го февр. Das Papier in's Feuer.

Ѳаддей, мой другъ, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons, можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть. Я писалъ къ Государю, ничего не отвѣчаетъ.

III.

Сто тысячъ разъ благодарю, что потѣшилъ заключеннаго; а то я сидѣлъ только и проклиналъ моихъ гонителей. Сдѣлай одолженіе не пугайся. Бояться людей, значитъ, баловать ихъ. Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки. Какъ бы я желалъ тебя видѣть.

IV.

Атласъ съ Анахарсису. Вчера я говорилъ Жуковскому, что ты у него былъ; онъ у меня спрашивалъ, видѣлъ-ли ты меня? Нѣтъ. Коли захочешь, онъ доставитъ тебѣ случай у меня побывать.

V.

Благодарю тебя за четвероногіе «Апологи»; на дняхъ дочитываю «Degerando»; коли еще нѣтъ продолженія, то достань мнѣ старое изданіе, которое мнѣ 15 лѣтъ тому назадъ подарилъ профессоръ Буле; оно доведено до Фихте и Шеллинга. Также «Анахарсиса» скоро кончу и попрошу на мѣсто его «Шубертовы календарики». Кажется, что мнѣ воли еще долго не видать, и вѣроятно, буду отправленъ съ фельдъегеремъ; въ такомъ случаѣ, я матушкѣ дамъ знать о деньгахъ, которыми ты меня одолжилъ.

VI.

Дай, братъ, пожалуйста длинныхъ академическихъ газетъ, да еще какихъ нибудь журналовъ, я тотчасъ пришлю назадъ. Вѣрный твой другъ.

VII.

Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ивановскій, благороднѣйшій человѣкъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому, и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участія. Разскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусъ, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж*, а тотъ перескажетъ А*, а А* найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale.

VIII.

Сдѣлай одолженіе, достань у Греча или у кого-нибудь атласъ «къ Анахарсису», или какую нибудь карту Греціи, да новыхъ журналовъ пришли. О правосудіе!!

IX.

Любезный другъ, коли ты будешь что-нибудь писать о «Телеграфѣ», не можешь-ли его спросить, какъ онъ ухитрился произнести грозный судъ о ходѣ Катенинской трагедіи по одному только дѣйствію, которое напечатано въ «Таліи»? Это или что нибудь подобное пожалуйста скажи печатно. Коли я напишу, то никого не увѣришь, чтобы тутъ не примѣшалось дружеское пристрастіе; я думаю, лучше коли-бы ты самъ вступился.

Прощай, будь здоровъ. Вѣрный твой А. Г.

X.

Любезный другъ. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нѣтъ, то извѣсти о моемъ голодномъ положеніи Ж** или Петр. Никол. Ч*. Въ случаѣ, что меня отправятъ куданибудь подалѣе, я чрезъ подателя этой же записки передамъ тебѣ мой адамантовый крестъ, а ты его по боку. Прощай.

XI.

Любезный другъ, очень, очень благодаренъ тебѣ за присылку денегъ. Сдѣлай одолженіе, достань мнѣ «Тавриду» — Боброва, да ежели нельзя имѣть на подержаніе, то купи мнѣ le Calcul différentiel de Francoeur, по французски или по русски.

19-го марта получилъ я въ займы отъ Ѳадея Венедиктовича Булгарина ассигнаціями сто пятьдесятъ рублей. Александръ Грибоѣдовъ.

XII.

Христосъ Воскресе, любезный другъ. Жуковскій просилъ меня достать ему точно такое же народное изданіе Крылова, какъ то, которое ты мнѣ прислалъ. Купи у Слёнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre. Да пришли, братъ, газетъ. Другъ мой, когда мы свидимся!!!.

NB. Крылова онъ ныньче же долженъ подарить въ имянины какой-то ему любезной дамочки.

XIII.

Любезный другъ, пересмотри все, что я отмѣтилъ на память, потому что у меня никакой нѣтъ книги о Персіи. Зачѣмъ ты мнѣ прислалъ вдвойнѣ работу? Я сначала не примѣтилъ, что это одно и тоже и писалъ на черномъ спискѣ, потомъ тоже принужденъ былъ перенести въ бѣлую тетрадь.

NB. При имени Александра Гривсъ, въ Бомбеѣ, нельзя-ли приложить слѣдующее замѣчаніе:

Семейство Гривсъ, дѣти покойнаго Петербургскаго медика, получило наслѣдство послѣ дяди въ Бомбеѣ, съ условіемъ въ немъ поселиться. Тамъ дѣвицы Гривсъ славятся своею красотою и привязанностью къ Россіи, и вообще извѣстны подъ названіемъ гордыхъ Петербургскихъ красавицъ. Многіе знаменитые искатели домогались ихъ руки, но не были приняты даже въ число ихъ знакомыхъ; между тѣмъ какъ всякій Русскій, или хоть мелькомъ побывавшій въ Россіи, находитъ въ ихъ домѣ самый ласковый и родственный пріемъ. Здѣсь новый этому опытъ.

Неужели ты не замѣтилъ, что Цикулинъ вретъ объ англійскомъ наказаніи кошками?!

XIV.

Очень хорошъ и заботливъ ты, Калибанъ Венедиктовичъ! Присылаешь ко мнѣ Муханова, а не могъ мнѣ дать знать объ отправленіи въ ночь фельдъегеря; такимъ образомъ, заготовленныя мои письма остались въ столѣ и будутъ лежать по твоей милости. Гдѣ ты вчера, моя душа, набрался необыкновеннаго вдохновенія? Эй, берегись. Галича получилъ; на счетъ шейнаго платка успокой Семена, которому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

XV.

Любезный Булгаринъ, какъ тебя Богъ бережетъ? О Гречѣ я слышалъ непріятность, будто его снова-здорова преслѣдуютъ за Госпера; я, между тѣмъ, странствую по берегу морскому и переношусь то на верхъ Дудоровой горы, то въ пески Ораніенбаума; на дняхъ ворочусь, и прямо въ твою пустыньку. «Bergeron» не нашелся у Майера; Шмидта я

прочелъ и лучше бы не читалъ: безконечное преніе объ урódахъ Уйгурахъ, Турки-ли они или Тангутцы? Тибетинцы? Столько трудовъ для объясненія себѣ, кто былъ давно исчезнувшій народъ, о которомъ почти никто не говорилъ, который ничего не сдѣлалъ достопамятнаго и пропалъ, какъ не бывалъ. Сдѣлай одолженіе, пришли «Времянникъ» и «Абуль-Газа», да коли нѣтъ «Бержерона» такъ по русски «План-Карпина»; вѣроятно, достать можно. Онъ у меня въ Москвѣ есть. Прощай, поминай добромъ. Греча очень, очень жалѣю, но увѣренъ, что всѣ нападки на него пустые. Вѣрный твой.

(На оборотѣ): М. Г. Ѳадею Венедиктовичу Булгарину.

XVI.

11-го декабря.

Сарматъ мой любезный. Помнишь ли ты меня? А коли помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Часто, милый мой, вспоминаю о Невкѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно пожили, хотя недолго. Здѣсь твои листки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась ли твоя Länchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl передай исправно. Гречу поклонись. Благодаримъ тебя за присланную Фуссову статью «Одинъ день изъ жизни Суворова».

Твои прогулки и встрѣчи тоже здѣсь высоко ставятся; за 3,000 в. полагаютъ, что это истинная картина Петербургскихъ нравовъ. Продолжай, будь также плодовитъ въ твоихъ произведеніяхъ, какъ ты милъ и добръ въ обществѣ хорошихъ пріятелей. Прощай, благослови тебя Богъ. Вѣрный твой.

P. S. Не искажай слишкомъ Персидскихъ именъ и нашихъ здѣшнихъ, какъ Шаликовъ въ Московскихъ газетахъ пишетъ Шаманда, вмѣсто Шамшадиль, etc. etc.

Отъ чего вы такъ мало пишете о сраженіи при Елисаветполѣ, гдѣ 7,000 Русскихъ разбили 35,000 Персіянъ? Самое дерзкое то, что мы врѣзались и учредили наши батареи за 300 саженей отъ непріятеля и, по превосходству его, были имъ обхвачены съ обоихъ фланговъ, а самое умное, что пѣхота наша за бугромъ была удачно поставлена.

внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, но это обстоятельство нигдѣ не выставлено въ описаніи сраженія.

XVII.

16-го апрѣля 827 г. Тифлисъ.

Любезный другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Прежде всего просьба, чтобы незабыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго, и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главноуправляющаго на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ. При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу.

Стихи Жандра въ 1-мъ № я нигдѣ не могъ отыскать, ты не прислалъ мнѣ, а другіе — «къ Музѣ» я, еще не зная, чьи они, читалъ здѣсь вслухъ у Ховена и увѣренъ былъ, что это произведеніе человѣка съ большимъ дарованіемъ. [Поощряй, пришпоривай его. А я надѣюсь, что воротясь изъ похода, какъ-нибудь его сюда выпишу]. Не могу довольно отблагодарить тебя за прежнее твое письмо, и за присылку журналовъ.

Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова». Повѣса Левъ Пушкинъ здѣсь, но не имѣлъ ко мнѣ достаточно вниманія, и не привезъ мнѣ братнина манускрипта. Зато я принялъ его по непріятельски, велѣлъ принести пистолеты и во все время, что онъ у меня сидѣлъ, стрѣлялъ въ дверь моей комнаты, пробилъ ее насквозь съ верху до низу, и Льва съ пальбой отпустилъ въ полкъ на юнкерство.

Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пименъ-старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ.

Неожидай отъ меня стиховъ; Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь: и не моя вина; люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему.

Я рожденъ для другаго поприща.

Развѣдай у Петерса, моего портнаго, и Жандра попроси, что онъ пятый мѣсяцъ не шлетъ мнѣ платья, получивши деньги 600 р. отъ матушки. Скажи ему по-французски, что онъ свинья. 1-я глава твоей «Сиротки» такъ съ натуры списана, что [прости душа моя] невольно подумаешь, что ты самъ когда-нибудь валялся съ кудлашкой. Тьфу, пропасть! какъ это смѣшно, и жалко, и справедливо. Я нѣсколько разъ заставалъ моего Александра, когда онъ это читалъ вслухъ своимъ пріятелямъ. Многіе просятъ, чтобы ты непремѣнно продолжалъ и окончилъ эту повѣсть.

Länchen meiner libenswürdiger Freundinn und Tanta meinen besten Gruss. Прощай; кланяйся друзьямъ и помни о добромъ пріятелѣ, который тебя душевно любитъ А. Г.

XVIII.

Москва, 12-го іюня.

Любезнѣйшій другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе важности пріобрѣтаетъ мое павлинное званіе. Здѣсь я нѣсколькими часами промедлилъ долѣе, чѣмъ разсчитывалъ. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно въ обществѣ съ матерью и съ маленькими полу-кузинками; jolies comme des anges, и этотъ домъ родимый, въ которомъ я вѣчно, какъ на станціи!!! Проѣду, переночую, исчезну!!! Une f....e existance.

Скажи Ордынскому, что я былъ здѣсь опечаленъ чрезвычайно, имянно на его счетъ. Похвисневъ, котораго я полагалъ сдѣлать представителемъ у Вельяминова за его братьевъ, умеръ. И жаль собственно за этого молодаго человѣка и за братьевъ нашего пріятеля. Но въ Тулѣ думаю найти истиннаго ко мнѣ дружески расположеннаго А. А., брата Вельяминова, а коли нѣтъ, буду писать къ нему.

Сходи къ пикуло человѣкуло. Онъ у меня ускромилъ мѣсяцъ жалованья. Но со мною нѣтъ полномочія, письма Государева къ тому государю, къ которому я ѣду. Подстрек-

ни, чтобы скорѣе прислали, иначе какъ же я явлюсь къ моему назначенію. Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ Государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ либо ему неусердствовать. Его имянемъ мнѣ объявлено, чтобы я скорѣе ѣхалъ; я уже на пути, но въ томъ не моя вина, коли не снабдили меня всѣмъ нужнымъ для скорѣйшаго исполненія Высочайшей воли. Здѣсь я слышу, стороною, вещи, оттудова, которыя принуждаютъ меня торопиться. Приторопи же и ты мое азіатское начальство, его превосходительство пикуло..... дерйкуло.

На первый случай пришли мнѣ Іордена атласъ всеобщій и карту войны, непремѣнно и скорѣе, а антиквитетами и отвлеченностями повремени. Новѣйшее сочиненіе о коммерціи, о веденіи консульскихъ книгъ, двойную или десятерную бухгалтерію тоже пришли, въ руководство мнѣ и моему Амбургеру.

Вотъ, мой другъ, письмо ко мнѣ моей сестры. Разсуди и, если можно, спишись съ ней и помоги. Адресъ ея: Марьѣ Сергѣевнѣ Дурновой, Тульской губерніи, въ городъ Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произволъ, какъ другу, обо мнѣ искренно попечительному.

Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевскій требуетъ отъ матушки уплаты долгу=5,000 рублей. Можетъ ли онъ уплатить ему за матушку (которой онъ самъ долженъ тридцать четыре тысячи)? Она совѣстлива, больна и безнадежна. Александръ меня любитъ и честенъ. Поговори ему, и понудь его непремѣнно сдѣлать мнѣ пріятное.

Прощай. Ты далъ мнѣ волю докучать тебѣ моими дѣлами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя цѣнить умѣетъ.

Андрея, нашего благороднаго, славнаго и почтеннаго малаго, Андрея обними за меня. Звонятъ здѣсь безъ милосердія,—оглушили. Коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночькѣ и Тантѣ поклонъ.

Матушка посылаетъ тебѣ мое свидѣтельство о дворянствѣ, узнай въ герольдіи наконецъ, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онёрами.

XIX.

Тула, 13-го іюня.

Вчера я позабылъ еще объ одномъ для меня важномъ предметѣ: «Hassel's Geographie von Asien, 4 vol.»; всѣ че-

тыре волюма пришли поскорѣе въ Тифлисъ. Грефъ ее при мнѣ ожидалъ. Аделунгъ обѣщалъ купить мнѣ.

Прощай, Тула, Воронежъ! Что за точки на семъ свѣтѣ и почему надобно по нѣскольку часовъ ими заниматься. Какъ въѣдешь? Какъ выѣдешь? Вѣрный твой другъ А. Г.

XX.

Ставрополь, 27-го іюня 1828 г.

Любезнѣйшая Пчела. Вчера я сюда прибылъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью. Пустилъ бы я на свое мѣсто какого-нибудь франта, охотника до почетныхъ назначеній, dandy петербургскаго Bonds-street—Невскаго проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умѣренность въ желаніяхъ и неизвѣстность.

Здѣсь меня задерживаетъ приготовленіе конвоя. Какъ добрый патріотъ, радуюсь взятію Анапы. Съ этимъ извѣстіемъ былъ я встрѣченъ тотчасъ при въѣздѣ. Нельзя довольно за это благодарить Бога тому, кто дорожитъ безопасностью здѣшняго края. Въ послѣднее время закубанцы сдѣлались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши, шедшіе къ нимъ на перерѣзъ съ 1,000 конными и съ 4-мя орудіями, по обыкновенію оттянули, не поспѣли. Пѣхота[1]) вздумала дѣйствовать отдѣльно, растянулась длинною цѣпью, тогда какъ донской полковникъ Родіоновъ предлагалъ, соединившись, тотчасъ напасть на непріятеля, утомленнаго быстрымъ походомъ. Горцы расположены были таборомъ въ виду, но, замѣтивъ несовокупность нашихъ движеній, тотчасъ бросились въ шашки, не дали ни разу выстрѣлить орудію, бывшему при пѣхотномъ отрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, которые при немъ были, опрокинули его вверхъ колесами и поспѣшили противъ коннаго нашего отряда. Родіоновъ удержалъ ихъ 4-мя орудіями; потомъ хотѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками—линейными и донскими—но, не бывъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ съ горстью донцевъ своихъ и заплатилъ жизнію за великодушную смѣлость. Ему

---

[1]) 39-го Егерскаго полка маіоръ Козачковскій, который думалъ фронтомъ ударить на черкесскую конницу и самъ тяжело раненъ. Примѣчаніе А. С. Грибоѣдова.

шашкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили шею, онъ свалился съ лошади и былъ изрубленъ. Однако, отпоръ этотъ заставилъ кубанцевъ бѣжать отъ Горячихъ Водъ, которымъ они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Родіонова; жаль его, отличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на Воды.

Посѣтители сложились, чтобы сдѣлать ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавителя, до могилы.

Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбои и грабительства утихли и тепловодцы, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пить воду и чай. Генералъ Эммануель отправился въ Анапу, чтобы принять присягу отъ тамошнихъ князей. На дорогѣ съ той стороны Кубани, толпами къ нему выходили на встрѣчу всѣ горскіе народы съ покорностью и подданствомъ.

Опять повторяю, что выгоды отъ взятія Анапы неисчислимы. Бѣситъ меня только этотъ пѣхотный маіоръ, который не соединялся съ Родіоновымъ и [былъ] причиною его безвременной смерти. Онъ 20-й крымской дивизіи. Нашего кавказскаго корпуса штабъ-офицеръ никогда бы этой глупости не сдѣлалъ. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода. Въ 1825 году, я былъ свидѣтелемъ глупости Булгакова, который также пропустилъ закубанцевъ и къ намъ, и отъ насъ.

Прощай. Лошади готовы.

Коли къ моему пріѣзду гр. Эриванскій возьметъ Карсъ, то это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже къ его услугамъ, всѣ меня привѣтствуютъ съ чрезвычайною перемѣною его характера. Говорятъ, что онъ со всѣми ласковъ, добръ, внимателенъ, и бездну добра дѣлаетъ частнаго и общаго. А у насъ чиновники—народъ добрый, собачья натура, всѣ забыли прошедшее, полюбили его и стали передъ нимъ на заднія лапки. Но жребій людей всегда одинъ и тотъ же. О дурномъ его нравѣ всѣ прокричали въ Петербургѣ, и вѣрно, умолчатъ о перемѣнѣ, потому что она въ его пользу.

Прощай еще разъ, любезный другъ. Пришли мнѣ отъ Винтера стекла три-четыре, отъ карманныхъ часовъ, которыя я у него купилъ. Я забылъ запастись ими, а стекло въ дорогѣ расшиблось, и я принужденъ руководствоваться свѣтилами небесными.

XXI.

Владикавказъ 30 Іюня 1828 г.

Ура! Любезнѣйшій другъ. Мои желанія и предчувствія сбылись. Карсъ взятъ штурмомъ. Читаю реляцію и проповѣдую ее всенародно. Это столько чести приноситъ войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать отъ радости. У насъ здѣсь всѣ отъ славы съ ума сходятъ. Вѣрный другъ твой А. Гр.

Порадуй отъ меня этимъ его превосходительство Константина Константиновича Родофиникина. Я оттого не доношу ему оффиціально, что не имѣю мѣста, гдѣ бы прислониться съ перомъ и бумагой для чистописанія, а служба требуетъ наблюденія различныхъ формъ благоприличія, не совмѣстныхъ съ дорожною ѣздою.

XXII.

Биваки при Казанчѣ, на турецкой границѣ, 24 іюля 1828 г.

Любезный другъ, пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водитъ моимъ перомъ, иначе никакъ бы не принялся за эту работу послѣ труднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!

Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ тѣхъ поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ; отъ Паскевича ни слова, и я пустился къ нему на удачу. Въ душной долинѣ, гдѣ протекаетъ Араксъ и Алгетла, лошади мои стали; далѣе, поднимаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ идти въ гору; я въ рѣкѣ ночевалъ; резсердясь побросалъ экипажи, воротился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ пуститься снова въ путь; а съ поста казачьяго отправилъ депешу къ графу, чтобы онъ мнѣ далъ способы къ нему пробраться, увѣдомилъ его обо всемъ, о чемъ мнѣ крайне нужно имѣть отъ него свѣдѣнія, если уже нельзя намъ соединиться, и между тѣмъ просилъ его

удержать до моего пріѣзда Мирзу Джафара, о которомъ я слышалъ, что къ нему посланъ изъ Табриза. Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось, не знаю, безпокойство-ли другаго рода по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную; выходя изъ стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose a vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать и все живѣе и живѣе; она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Прас. Ник. Ахвердовой; насъ благословили, я повисъ у нее на губахъ во всю ночь, и весь день, отправилъ курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между тѣмъ, вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ Паскевича которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крутизнѣ Безобдала гроза сильнѣйшая продержала насъ всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что уже сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано, графъ оставилъ Карскій пашалыкъ, и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самый день моего пріѣзда была жаркая стычка у Басова Черноморскаго полка въ горахъ, за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ ротъ 7-го Карабинернаго и 100 человѣкъ выздоровѣвшихъ,—все это назначено на усиленіе главнаго корпуса, но не знали куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія; коли въ цѣлости доведу, дай Богъ. Мальцевъ въ восхищеніи, воображаетъ себѣ, что онъ воюетъ.

Въ Гумрахъ-же нагналъ меня отвѣтъ отъ кн. Чавчавадзева-отца, изъ Эривани; онъ благословилъ меня и Нину, и радуется нашей любви. Хорошо-ли я сдѣлалъ? Спроси ми-

лую мою Варвару Семенову и Андрея. Но не говори Родофиникину, онъ вообразитъ себѣ, что любовь заглушитъ во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ. Я буду вдвое старательнѣе за себя и за нее.

Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить.

XXIII.

(По возращеніи въ Тифлисъ).

Строфы XIII, XIV, XV *).

. . . .

Дорогой мой Ѳадей. Я, по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда, въ Тифлисъ, 6-го августа занемогъ желтою лихорадкою. Къ 22-му получилъ облегченіе, Нина не отходила отъ моей постели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцомъ уже опять посѣтилъ меня пароксизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха; я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что думаю капли крови здоровой во мнѣ не осталось.

Еще разъ благодарю за всѣ твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя въ отвѣтственность за мои долги. Вмѣстѣ съ симъ, или вскорѣ послѣ, ты получишь отъ дяди Мальцева 15,000 руб. и слѣдовательно до 1-го января со всѣми расквитаешься.

Изрѣдка до меня доходитъ «Сынъ Отечества» и Сѣверный Архивъ», «Сѣверная пчела» довольно регулярно. Но отчего же прочихъ журналовъ ты мнѣ не присылаешь? А объ иностранныхъ и въ поминѣ нѣтъ. Сдѣлай одолженіе, позаботься и объ этомъ.

Прощай. Прими поцѣлуй отъ меня и отъ жены.

XXIV.

Напечатай, любезный другъ Ѳадей, это блестящее описаніе, которое очень удачно вылилось изъ-подъ пера товарища моей политической ссылки.

---

*) Эти строфы и точки поставлены Грибоѣдовымъ въ шутку, въ подражаніе поэмамъ.

Дѣло въ томъ, что насъ, кромѣ праздниковъ, здѣсь точно боятся и уважаютъ. $^{4}/_{5}$ слѣдущихъ намъ денегъ взяли; рѣдко пишется отъ меня требованіе здѣшнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь ѣду въ Тегеранъ, куда и шахъ въ скоромъ времени возвращается. Коли все еще меня будутъ ругать пріятели, nos amis les ennemis, то объяви имъ, что я на нихъ плюю. Ты, въ своихъ письмахъ, крѣпко настаиваешь, чтобы я Аббасъ-Мирзу подвигъ на войну противъ турковъ. Любезный другъ, знаешь-ли ты, имѣю-ли я на то разрѣшеніе? Удивляюсь, что тотъ, кто лучше тебя это знаетъ, говоритъ, что я бы могъ это сдѣлать. Коли служишь, то прежде всего слѣдуй буквально ниспосылаемымъ свыше инструкціямъ, а если вмѣстѣ съ тѣмъ, можно пожить и для газетъ, и то хорошо. Я, братъ, изъ своей головы готовъ изобрѣтать всякіе наступательные планы, но не исполнять, покудова мнѣ же, наоборотъ, не предпишутъ поступать такъ, а не иначе. Поцѣлуй Леночку и Танту. Вѣрный твой А. Грибоѣдовъ.

XXV.

А. Е. Булгариной.

5 juny.

Adieu, bestes Länchen, theure Freundinn, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu! Ich nehme Abschied auf 3, zen Jahr, vielleicht auf immer. O, mein Gott! soll ich mein ganzes Leben dort verbringen, in dem Lande, das so fremd ist meinem Gefühl, meinen Sinnen... Nichts zu... Vielleicht werde ich einmal in Karlowo flüchten, von allem was mir jetzt zuwieder ist. Aber wann? Es ist noch weit bis dahin. Unterdessen, umarme ich Sie, meine gute Freundin, und leben Sie glücklich. Ihr threuer Freund A. v. Griboyedof.

Два письма къ В. С. Миклашевичъ.

I.

Эчміадзинъ, 17 сентября 1828 г.

Другъ мой, Варвара Семеновна! Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать. Знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ. Не пеняйте-же на долгое мое молчаніе, милый другъ; видите-ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, смѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ-бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc.; и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью.

«Какъ это все случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ! Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда». Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель*, изчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Трапера и Куперову Prairie — мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ

чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденiяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ.

II.

Тавризъ, 3 декабря 1828 г.

Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ. Вы бы не сердились на меня, а теперь, вѣрно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мнѣ умилостивить нашего общаго друга.

Вѣрно, сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна, что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положенiи души. Слезы градомъ льются...

Неужели я для того рожденъ, чтобы заслуживать справедливые упреки за холодность, и мнимую притомъ, за невниманiе, эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ охотно бы жизнь отдалъ. Александръ нашъ (кн. Одоевскiй) что долженъ обо мнѣ думать! И это кроткое, тихое созданiе, которое отдалось теперь на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою ссылку и страдаетъ самою мучительною беременностiю! Кто знаетъ: можетъ быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ - называемымъ дѣламъ, на короткое время, но послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать... Что проку, что чувства во мнѣ неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчатъ. Кто повѣритъ! Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всѣ его отличiя, слава и громъ побѣдъ, все это не стоитъ избавленiя отъ гибели одного несчастнаго, и кого же! Боже мой! Пути твои неизслѣдимы!

Сказать-ли вамъ теперь о моемъ бытѣ? Не занимательно ни для кого, — я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ турками. Взимаю контрибуцiю довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россiи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли

бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь и меня прозвали *сахтиръ*, coeur dur. Къ намъ перешло до 8,000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняю ихъ достояніе и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову. Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки Murillo, — вотъ она. Прощайте, неоцѣненный другъ мой, Варвара Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите вѣрнаго вамъ — А. Г.

Путевыя записки.

1819.

8-го Іюня цѣлую ночь не сплю, изготовляемся въ путь. Толпа женщинъ; раскрываются на послѣдяхъ. Прощальное посѣщеніе седеръ-азему. Онъ въ холодкѣ сидитъ во внутреннихъ воротахъ, жалуется, что долженъ ѣхать по почамъ съ шахомъ, въ его лѣта; упоминаетъ объ Румянцевѣ.—Откланиваемся.—Остановка за вьюками. Отправляемся въ самый полдневный жаръ. Безплодный видъ Тегеранскихъ окрестностей. Сады, какъ острова, уединенно зеленѣются среди тощей равнины. Между горъ Девамендъ съ снѣжнымъ челомъ. Вдоль горъ доходимъ до Кенда. Тьма разнообразныхъ деревъ, черешень, шелковицъ, орѣшниковъ грецкихъ, абрикосовъ и проч. Роскошествуемъ въ свѣжей квартирѣ подъ пологомъ, объѣдаемся фруктами.

9-го встаемъ въ глубокую полночь; ни зги невидать, смятеніе. Спускаемся съ горы, камни хрустятъ, вода плещетъ подъ ногами. Мы все (ѣдемъ) вдоль горъ. Къ утру слышатся позвонки. Звѣзда. Небо проясняется. Выѣзжаемъ на большую дорогу. Тьма верблюдовъ, лошаковъ, коней. Уклоняемся въ сторону. Завтракаемъ. Шахъ и всякіе шахъ-зиды позади. «Откуда эти господа»? — «Со страхомъ повергаюсь въ прахъ передъ Вашимъ Величествомъ».—«Усердіе всегда водитъ васъ истиннымъ путемъ». Залпъ въ Сулеймангѣ. Моя встрѣча съ дочерью хана въ трахтараванѣ.—За Сулеймангой три деревни; самая послѣдняя Сункуръ-Абидъ. На-силу доѣзжаемъ.

Высокой свѣсистый дубъ, подъ нимъ помостъ. Тутъ мы располагаемся.

10-го ночью-же встаемъ, передъ утромъ свѣжо и пріятно. Я часто отдаляюсь отъ другихъ и сажусь отдыхать возлѣ воды, глѣ тьма черепахъ. Поля кругомъ въ хлѣбахъ; вообще видъ обработаннаго и плодороднаго края. Нѣсколько деревень. Наконецъ Сефиръ-Ходжа; кругомъ аллея, гдѣ располагаюсь спать. Вѣтеръ ужасный и знойный. Укрываюсь въ деревню.

11-го ночью жаръ и утромъ печетъ немилосердно; все съ себя скидаю, скачу стремглавъ. Много колесилъ округъ Касбина, срывалъ молодыя фисташки. Наконецъ, на квартирѣ тьма фруктовъ и отдыхъ. Молитва хана на разсвѣтѣ. Pittoresque. [Во время отдыховъ Г. читаетъ Thomas Moore.]

Іюля 11-го. Видимъ шаховъ станъ кругъ его дворца. Пріѣзжаемъ, разбиваемъ наши палатки. Луна не показывается, нѣтъ бейрама.

Іюля 12. Бейрамъ. Жаръ. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы... но что дѣлаетъ эффектъ на парадѣ, не всегда еще полезно въ дѣлѣ, въ сраженіи. Внутренность палатки вся въ коврахъ, а внѣшняя (сторона), такъ и поливается. Касбинъ. Посылается Эйвасъ къ Хозровъ-Хану.

— 13. Шахскій дворецъ, какъ скотный дворъ, полуразрушенный. Самъ онъ очень привѣтливъ, только много томошится на своей подушкѣ. Разговоръ о маскарадахъ, театрахъ и вообще о нашихъ увеселеніяхъ. Шахъ даритъ Государю Аббасъ-Мирзу.

— 14. Возлѣ нашей палатки факиръ съ-утра до-вечера кланяется къ востоку и произноситъ: «Ей Али!» и обратившись въ другую сторону,—«Имамъ-Риза». Поэтъ Фехтъ-Али-Ханъ, лѣтъ около 60, кротость въ обращеніи, пріятность лица, тихій голосъ, любитъ разсказывать. Шахъ за одну оду положилъ ему горсть бриллiантовъ въ ротъ.

— 15. Бунтъ въ Censored Censored Censored

— 17. Шахъ съ избранными изъ гарема отъѣзжаетъ къ прохладному роднику возлѣ горъ, гдѣ разбиваетъ свой шатеръ и пользуется жизнію.

— 19. Юсуфъ-Ханъ-Спадаръ дѣлалъ ученіе съ пальбою.

— 20. Шахъ его потребовалъ къ себѣ.

— Къ чему была вчерашняя пальба?

— Для обученіе войскъ Вашего Величества.

— Что она стоила?

— 2000 р. изъ моихъ собственныхъ.

— Заплатить столько-же шаху за то, что палили безъ его спросу.

Утромъ мы ѣдемъ за агачъ отъ орды, въ горы, къ югу. Вдоль ручья дикій садъ. Ручей проведенъ водоскатами. Все это мѣстечко включено между горъ полукружіемъ. Живописный видъ въ Султанейскую долину. На дорогѣ три арки,—развалины моста. На возвратномъ пути между нами

свистнула пуля по неосторожности персидскаго стрѣлка. Заѣзжаемъ въ мечеть (остатокъ отъ древняго города); круглая, внутри стихи, между прочимъ: «да погубитъ Богъ того, кто выдумалъ сарбазовъ, а особенно... [sic]. Пословица о Каджарахъ.

— 25. Дожди безпрестанные; бумажныя палатки протекаютъ.

— 26. Пріѣздъ Аббасъ-Мирзы.

— 27. Вхожу на одну изъ дворцовыхъ террасъ. Дальній видъ Султанейскаго лагеря.

— 28. 10,000 отправляются къ Багдату противъ Турковъ.

Разговоръ съ нагибъ-султаномъ. Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играютъ; каждый вечеръ дудочкамъ, пищалкамъ и литаврамъ созвучала вѣстовая.

Мирза потерялъ значительную сумму. Нашли воровъ и деньги, которыя шахъ себѣ взялъ.

Разсказъ Вагина.

10 августа.

Шахъ меня подарилъ Гаджи-Мирзѣ-Магмедъ-Агвари [1]). Въ ихъ Бога онъ не вѣровалъ, и въ какого вѣровалъ, неизвѣстно; все ворожилъ; бывало запрется у себя, сдѣлаетъ вощенаго человѣка, произноситъ надъ нимъ что, и перерубитъ надвое, туловище въ одну сторону, а исподнюю часть въ другую. Такъ онъ въ 40 дней доставилъ голову Циціанова. Шахъ ему писалъ неправду, что повоевалъ Россію, а мой хозяинъ ему отписалъ, что, коли-такъ, иди, возьми Тифлисъ; шахъ разсердился, хотѣлъ его порубить, а онъ, узнавши это, бѣжалъ съ сыномъ, съ женою и со всѣмъ домомъ, и я съ нимъ, въ Багдатъ. Тамъ владѣлъ Гассадъ-паша. Мой хозяинъ ему нѣсколько разъ предлагалъ шахскую и Мегмедъ-Али-Мирзы голову, коли они на него пойдутъ войною. Шахъ по немъ посла послалъ, его не выдали. Другой на мѣсто Гассадъ паши былъ назначенъ изъ Царьграда, Давудъ-Эффенди и подступилъ къ Багдату. Мой хозяинъ поднялъ такой вѣтеръ въ его лагерѣ, что свѣту божьяго не видать и началъ нѣсколько дней верблюжью голову; потомъ верблюжьи, лошачьи, собачьи головы зарывали возлѣ Даву-

---

[1]) Съ боку написано: „духовный“.

дова лагеря, ночью. Этихъ людей поймали. Давудъ-Эффенди спросилъ: по чьему приказанію? кто у васъ ворожитъ? Ему отвѣчали: Гаджи-Мирза etc. Потомъ мой хозяинъ назначаетъ въ который день еще вихрю подняться и ставкѣ Давудъ-Эффендія на-двое разорваться. Такъ и вышло, и все его войско побѣжало. Наконецъ Давудъ-Эффенди съ помощью М. А. М. [Мегмедъ-Али-Мирзы] опять воротился къ Багдату. Нѣсколькіе въ городѣ узнали, что онъ при себѣ ферманъ имѣетъ владѣть ему въ Багдатѣ, и безъ драки отворили ворота. Гассадъ-пашу казнили и моего хозяина съ сыномъ, домъ разграбили и послѣ разломали. Несмѣтное множество народу собралось и всякихъ степныхъ Арабовъ, когда кувшинъ съ нефтью принесли къ деревяннымъ воротамъ дома, чтобы ихъ поджечь, ни капли не нашли, изъ . . . . его искры посыпались. . . Обмакнулъ въ чернилы. (На оборотѣ).

Вали Курдистанскій; молитвы Фетали-Шаха. Въ деспотическомъ правленіи старшіе всѣхъ подлѣе. . . . .

. . . . 17 жаръ въ саду. Амлихъ плечо сжегъ. Міанскіе ковры, клопы. Ханъ съ сарбазами, который къ намъ ушелъ. Отправляемся передъ закатомъ солнца. Груды утесовъ, рѣка Міаначай излучисто пересѣкаетъ тѣсныя ущелья; разныя формы камней, особливо при мѣсячномъ свѣтѣ; спуски, всходы, одинъ спускъ ближе къ Тюркменчаю, прекрутой.

18. Ночью переѣзжаемъ къ Тюркменчаю; не сплю; вьюкъ потерянъ. Походный декламаторъ Тьма куропатокъ. Въ 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропатокъ; гористая дорога, снопы, арбузы съ привѣтствіемъ отъ жнецовъ и собирателей. Спуски, всходы, 2 каравансарая; прежніе разбои, нынѣ безопасно.

19. Подъ вечеръ въ Уждананахъ, въ палаткахъ, въ виду дворецъ.

20. По утру ѣдемъ во дворецъ, — двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсаженъ ветлами, между которыми трилиственникъ. Эриванское сраженіе, смотръ войскамъ. Русскія головы, какъ маковыя, летятъ. Въ другой комнатѣ красавицы, Азіатки и Мадамы; принадлежности — собачка, куропатка, утка.

12. Ханскій сынокъ умница. Песчаная, каменистая и холмистая дорога. Встрѣча. Таврисъ. Ханскій пѣвецъ. Ханскій Мирза.

23. Хлопоты за плѣнныхъ. Бѣшенство и печаль.

24. Idem. Подметныя письма. Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ. Мое положеніе. Два пути, куда Богъ поведетъ... Верещагинъ и шахъ-зида Ширазскій. По утру тысячу туманъ чрезвычайной подати... забитъ до смерти, 4-мъ человѣкамъ руки переломали. 60 захватили. Рѣзанныя уши и батоги при мнѣ.

30-е Августа

Во второй разъ привожу солдатъ къ шахъ-зидѣ, онъ ихъ беретъ на исповѣдь по одиночкѣ, подкупаетъ, не имѣетъ ни въ чемъ успѣха и бѣсится.

Наибъ-султанъ. «За чѣмъ вы не дѣлаете, какъ другіе чиновники русскіе, которые сюда пріѣзжали? Они мнѣ просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаемъ по трактату, и отъ того его вамъ не объявляемъ, что вы лучше насъ должны его знать: онъ подписанъ вашимъ родителемъ.

Н.-с. Если Мазаровичъ будетъ такъ продолжать, поѣзжайте въ Тейрапъ.

Я. Мы не по доброй волѣ въ Таврисѣ, а по вашему приказанію.

Н.-с. Видите ли этотъ водоемъ? Онъ полонъ и ущербъ ему не великъ, если разольютъ изъ него нѣсколько капель. Такъ и мои русскіе для Россіи.

Я. Но если-бы эти капли могли желать возвратиться въ бассейнъ, за чѣмъ имъ мѣшать?

Н.-с. Я не мѣшаю русскимъ возвратиться въ отечество.

Я. Я это очень вижу; между тѣмъ ихъ запираютъ, мучатъ, до насъ не допускаютъ.

Н.-с. Что имъ у васъ дѣлать? Пусть мнѣ скажутъ, и я желающихъ возвращу вамъ.

Я. Можетъ быть В. В. [Ваше Высочество] такъ чувствуете, но ваши окружающіе совсѣмъ иначе: они и тѣхъ, которые уже у насъ во-власти, снова приманиваютъ въ свои сѣти, обѣщаютъ золото, подкидываютъ письма.

Н.-с. Неправда; вы бунтуете мой народъ, а у меня всѣ поступаютъ порядочно.

Я. Угодно Вашему Высочеству видѣть? Я подметныя письма вашихъ чиновниковъ имѣю при себѣ.

Н.-с. Это не тайна; это было сдѣлано по моему приказанію.

Я. Очень жаль. Я думалъ, что такъ было дѣлано безъ вашего вѣдѣнія. Впрочемъ, вы нами недовольны за нашу неправду: гдѣ, какая, въ чемъ она? Удостойте объявить.

Н.-с. Вы даете деньги, нашептываете всякія небылицы.

Я. Спросите, дали-ли мы хоть червонецъ этимъ людямъ; нашептывать-же имъ ни подъ какимъ видомъ не можемъ, потому-что во всѣхъ переулкахъ, примыкающихъ къ нашимъ квартирамъ, разставлены караулы, которые насъ въ заперти содержатъ и не только нашептывать, но и громко ни съ кѣмъ не даютъ говорить.

Н.-с. За чѣмъ вы не дѣлаете, какъ Англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволенъ.

Я. Англичане намъ не примѣръ и никто не примѣръ. Повѣренный въ дѣлахъ желаетъ дѣйствовать такъ, чтобы вы были имъ довольны, но главное, чтобы быть правымъ передъ нашимъ законнымъ Государемъ-Императоромъ. Однако, В. В., позвольте мнѣ подойти къ солдатамъ, чтобы я слышалъ, какъ ваши чиновники ихъ распрашиваютъ.

Н.-с. Мои чиновники дѣло дѣлаютъ и вамъ до нихъ нужды нѣтъ.

Я. Я имѣю большое подозрѣніе, что они свое дѣло дѣлаютъ не чисто, какъ обыкновенно. Они, когда были отъ васъ посланы въ нашемъ присутствіи распрашивать русскихъ объ ихъ желаніи, только-что проповѣдывали имъ развратъ, дѣвками и пьянствомъ ихъ обольщали; когда-же мы подошли, то убѣжали со стыдомъ. Между-тѣмъ намъ не позволено было ѣхать на мейданъ и отобрать просящихся идти въ отечество. Потомъ, когда вы велѣли, чтобы я своихъ людей привелъ сюда и чтобы прочихъ солдатъ привели изъ баталіона, которые по выходѣ изъ моей квартиры были захвачены, я сдѣлалъ вамъ въ угодность, своихъ привелъ третьяго дня, ихъ тщательно распрашивали, никто изъ нихъ обратно не перешелъ къ вамъ; но людей, которыхъ имена у меня записаны, которые объявили мнѣ свое желаніе быть посланными въ Россію, которые были захвачены и вы приказали ихъ мнѣ представить на лицѣ, мнѣ ихъ вовсе не показали. Нынѣ я опять пришелъ согласно съ вашею волею; вотъ — мои люди, а прочихъ, мною требуемыхъ, нѣтъ. Притомъ-же ваши четыре чиновника по одиночкѣ каждаго изъ солдатъ, что я привелъ, берутъ на-сторону, уговариваютъ, и Богъ-знаетъ какъ уговариваютъ, а мнѣ вы даже не позволяете быть къ нимъ ближе.

Пришли доложить, что изъ 70-ти человѣкъ, мною при-

веденныхъ, одинъ только снова перешелъ на службу къ Его Высочеству, но и этотъ ушелъ отъ нихъ, бросился ко мнѣ въ ноги, просилъ. чтобы я его въ куски изрубилъ, что онъ обезпамятовалъ, самъ не знаетъ, какъ его отсунули отъ своихъ и проч.

Шахъ-зида поручалъ солдатамъ служить впередъ вѣрою и правдою ихъ Государю, также, какъ они ему служили, между-тѣмъ мнѣ давалъ наставленія о будущемъ ихъ благѣ, чтобы имъ въ Россіи хорошо было.

Я. «Я буду имѣть честь донести Вашему Высочеству о поступленіи съ ними нашимъ правительствомъ, когда отведя ихъ въ Тифлисъ, ворочусь сюда. Между-тѣмъ чрезвычайно пріятно видѣть, какъ вы, наибъ-султанъ, объ ихъ участи заботитесь. Ваше Высочество, конечно, не знаете, что ихъ уже за давнее время не удовольствовали жалованьемъ въ вашей службѣ и, вѣрно, прикажете выдать столько, сколько имъ слѣдуетъ».

Наибъ-султанъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. За чтó это? Если-бы они меня не покидали, продолжали-бы мнѣ служить, это-бы разница.

Я. Я думалъ, что за прошедшую службу ихъ Ваше Высочество не захотите ихъ лишить платы.

Н.-с. Пусть Мазаровичь даетъ, они теперь его

Я. Да, у него въ рукахъ будущая ихъ участь. Впрочемъ, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, Повѣренный въ дѣлахъ этотъ долгъ вашъ имъ заплатитъ. Ожидаю отъ Вашего Высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочихъ, желающихъ съ товарищами идти въ родину, тѣхъ, объ которыхъ я имѣлъ честь подать вамъ списокъ».

Тутъ онъ позвалъ нашего бѣглеца С** М**; я не вытерпѣлъ и объявилъ, что не только стыдно должно-бы быть имѣть этого шельму между своими окружающими, но еще стыднѣе показывать его благородному русскому офицеру и что-бы наибъ-султанъ сказалъ, кабы Государь прислалъ съ нимъ трактовать бѣглаго изъ Персіи армянина?—«Онъ мой нюкеръ». «Хоть будь онъ вашимъ генераломъ, для меня онъ подлецъ, капалья и я не долженъ его видѣть».—Тутъ онъ разсердился, началъ мнѣ говорить всякій вздоръ, я ему вдвое, онъ не захотѣлъ имѣть больше со мною дѣла—и мы разстались.

4-го Сентября.

По многимъ хлопотамъ выступленіе.

5-го Сентября.

Ночь, поустаю, днемъ нахожу своихъ. Брошенный больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возлѣ Софіянъ у мельницы водопадъ, холодокъ, кусты, маленькій валъ, завтракаемъ. — Идемъ въ ущельи, соляныя воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Видъ оттудова. Вышли въ 2 пополуночи, пришли въ Марандъ въ 7-мь по-полудни. Виноградная бесѣдка.

6-го Сентября.

Днюемъ въ Марандѣ. Назаровъ, его положеніе. Извѣстіе о милостяхъ Государя къ Маманъ-Хану. Шумъ, брань, деньги. Отправляемся; камнями въ насъ швыряютъ, трехъ человѣкъ зашибли. Пѣсни: «Какъ за рѣченькой слободушка». «Въ полѣ дороженька». «Солдатская душечька, задушевный другъ». Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза *).

«Спѣвались-ли вы въ баталіонѣ?» — «Какія, ваше благородіе, пѣсни? Бывало, пьяные безъ голоса, трезвые объ Россіи тужатъ». — Сказка о Васильѣ-царевичѣ, — шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотыя кисти по землѣ волочатся, самъ богатырь съ молодецкимъ посвистомъ, съ богатырскимъ покрикомъ, въ вицмундирѣ, съ двумя кавалеріями, генералъ-стряпчій, пироги собираетъ и проч. и проч. «Слышалъ, сказываетъ — кто?» «Такъ сказываетъ Скворцевъ, что въ книжкѣ не сложится, человѣкъ письмянный».

Успокоеніе у разрушеннаго каравансарая; оттудова равниной идемъ до ущелья; земля вездѣ оголилась; потомъ сквозь ущелье, трещины, разсѣдины. Водопроводы съ шумомъ извергаются изъ ущельевъ. Около горы сворачиваемъ въ право до Гаргаръ.

Разнообразныя группы моего племени, я Авраамъ.

Выступили изъ Маранда въ $8^1/_2$ часовъ вечера, въ каравансараѣ 4 часа утра; оттудова въ 7-мъ часу, въ 11 часовъ въ Гаргарахъ.

(„Русское Слово“ 1859, № 4).

---

*) Приписка справа на полѣ: „каменисто“.

Обратное путешествіе въ Персію.

Дневникъ.

1820.

10 Января. Сады, влѣво Кура. Ѣдемъ по склону горы, влѣво крѣпость Саганлукъ; поворачиваемъ вправо, кряжъ горъ остается къ сѣверу. Къ югу Мѣднозаводская гора и хребетъ. Озеро. Отъ Кодъ Квеши на возвышеніи. Передъ этимъ развалины на утесѣ, который какъ будто руками человѣковъ сложенъ изъ различныхъ камней.—12-го. Черезъ гору въ Гергеръ. Казармы. Оттудова высочайшій Безобдалъ...

1801. Омаръ-Ханъ разбитъ Пшевцами, Хевсурцами, въ кольчугахъ, въ шишакахъ, въ числѣ 5000. Русскіе только были зрителями.

Ad mem.—При князѣ Циціановѣ, Гуляковъ взялъ Чары и Беликаны и убитъ въ Чарахъ въ сраженіи противъ Лезгинъ: обнадѣялся на 15-й Егерскій полкъ, который побѣжалъ и смялъ прочихъ. Циціановъ Армянамъ: «я и объ живыхъ объ васъ небрегу, стану-ли возиться съ вашими мертвыми». Вóзится съ солдатами, бьетъ одного и послѣ увѣряетъ, что поссорились, награждаетъ деньгами. Рубли превращаетъ въ медали послѣ приказа, что гвардіи за разводъ, а его солдатамъ за штурмъ дано по рублю.

17-го. Въ монастырѣ хорошая гостинница, услуга. Бѣдственное положеніе патріарха.

18 Января, понедѣльникъ. Осматриваю монастырь. Рука Св. Георгія, копье, кусокъ отъ Креста. Мѣсто,—4 столпа мраморные,—гдѣ было сошествіе Христа по представленіи, тому назадъ 1500 лѣтъ. Ризница скрыта. Ковры. Типографія на 3 станка. Патріархъ ветхій, сѣтуетъ о судьбѣ погибшихъ монетчиковъ въ Царьградѣ. Самъ поплачивается за русскихъ пріѣзжихъ.

До Эривани 12 верстъ. Лѣтняя бесѣдка съ витыми галлереями въ три этажа. Самъ сардарь на балконѣ. Вода на улицахъ.

Ad mem: Mehmour.

Патріаршее сравненіе: Эчмедзинъ какъ роза между терніями. Портретъ Шаховъ гравированъ въ Парижѣ.

С. Бѣгичевъ. Мать и сестра.

Огаревъ.

Шаховской.

Катенинъ.

А. О.

Шмидтъ.

Панинъ.

П*. Н.

Завадовскій.

А. П. Огарева.

Бебутова.

19. Вода ночью замерзла въ комнатѣ. Отправляюсь. Араратъ вправѣ, какъ преогромный бѣлый шатеръ. Много деревень, садовъ, рѣчекъ. Маленькое ущелье Девалу.

22. Медленіе въ Нахичевани. Армяне живутъ хуже татаръ,—окно для свѣта и дыму, безъ камина. Мирза Мамишъ, персидская лесть. Чѣмъ къ ней кто доступнѣе, тѣмъ ея покрывало болѣе рѣдѣетъ.

Февраль. Отъ Гаргаръ къ юго-западу, влѣво, черезъ ущелье, занесенное снѣгомъ. Выѣхавши на широту—равнина до каравансарая.—По пригоркамъ до Маранда. Маранда виднѣется на высотѣ за три агача.—Изъ Маранда въ горы подъемъ трудный. Отъ каравансарая спускъ до Софіянки, ровно до Тавриза; влѣво и вправо дѣлятся горы.

28 томовъ книгъ получилъ каймакамъ изъ Италіи, однако говоритъ, что тамъ еще много осталось хорошихъ.

Визирь, битый по условію каймаками съ шахъ-зидою, за финансы.

Гдѣ только персіянинъ можетъ на словахъ отдѣлаться безъ письма,—онъ очень радъ. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ обсылаются черезъ фарашей, которые словесно ихъ производятъ, и это много способствуетъ къ усовершенствованію ихъ природнаго витійства. Въ Москвѣ тоже обычай есть съ людьми многое приказывать, что̀ гораздо заходитъ за сферу ихъ дѣятельности.

Верзилище женщинъ. Мусульмановъ обличаютъ въ любви съ христіанками.

(„Русское Слово„ 1859, № 4).

Путевыя записки 1822 года.

1-й переходъ.

Свѣтлый день. Верхи снѣжныхъ горъ иногда просвѣчиваютъ изъ-за тучь; цвѣтъ ихъ свѣтлооблачный, перемѣшанный съ лазурью. Быстрина Терека, переправа, караванъ ждетъ долго. Кусты. Убитый въ виду главнокомандующаго. Караванъ, описаніе, странствующіе 600 (человѣкъ); ружейные Армяне, пушки, пѣхота, конные рекогносцируютъ. Приближаемся къ ландшафту: верхи въ снѣгу, но еще не снѣжныя горы, которыя скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода мѣняется, вѣтеръ, небо обложилось; вступаемъ въ царство непогодъ. Взглядъ назадъ—темно, смятеніе, обозы, барабанный бой для сбора, огни въ редутѣ. Пріѣздъ въ редутъ Кабардинскій.

2-й переходъ.

Свѣжее утро. Выступаемъ изъ редута. Онъ на нижнемъ склонѣ горы. Противъ воротъ бивуаки, дымъ, грѣются. Поднимаемся въ гору болѣе и болѣе, путь скользкій, грязный, излучистый, съ крутизны на крутизну, часъ-отъ-часу тѣснѣе отъ густѣющихъ кустовъ, которые наконецъ преобращаются въ дубраву. Смѣшеніе временъ года; тепло и я открываюсь; за тѣмъ стужа, на верхнихъ, замерзшихъ листьяхъ иней, смѣшеніе зелени. Пускаю лошадь на удачу въ сторону; пріятное одиночество; лошадь ушла, возвращается къ верховымъ. Ѣдемъ гусемъ, все круче, зовъ товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальтъ. На ближнемъ холмѣ расположимъ пріютъ.

Отъѣздъ далѣе. Мы впередъ ѣдемъ. Орлы и ястреба, потомки Прометеевыхъ терзателей. Пріѣзжаемъ къ Кумбалеевкѣ; редутъ. Вечеромъ иллюминація.

3-й переходъ.

Пускаемся впередъ съ десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горахъ. Снѣгъ, какъ полотно, навѣшанъ въ

складки, золотистые холмы по временамъ. Шумъ отъ Терека, отъ низверженій въ горахъ. Ѣдемъ по берегу, онъ течетъ между дикихъ и зеленыхъ круглыхъ камушковъ; тьма обломковъ, которые за собой влечетъ изъ горъ. Дубнякъ. Судбище птицъ: какъ отца и мать не почтетъ—сослать. Владикавказъ на плоскомъ мѣстѣ; красота долины. Контрастъ зеленыхъ огородъ съ сѣдыми верхами горъ. Ворота, надпись; оно тутъ неглупо. Фазаны, вепри, серны (различныя названія), да негдѣ ихъ поѣсть въ Владикавказѣ.

4-й переходъ.

Аулъ на главѣ горы на-лѣво. Подробная исторія убитыхъ на сѣнокосѣ. Редутъ направо. Замокъ оссетинскій. Кривизна дороги между утесовъ, которые болѣе и болѣе высятся и сближаются. Облака между горъ. Замокъ и коническія башни налѣво. Подъемъ на гору, направо оброшенный замокъ. Шумъ Терека. Нападеніе на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни всхода, ни исхода. Проломъ отъ пороха. Даріель. Копны, стога, лошаки на вершинѣ *).

Ночь въ Даріелѣ. Ужасъ отъ необычайно высокихъ утесовъ, шумъ отъ Терека, ночлегъ въ казармахъ.

5-й переходъ.

Руины на скалѣ. Выѣздъ изъ Даріеля. Непроходимость отъ множества каменьевъ; иные изъ нихъ огромны, одинъ раздѣленъ на двое, служитъ вратами; такой-же передъ въѣздомъ въ Даріель. Подъ иными Оссетинцы варятъ, какъ въ пещерѣ. Тьма арбовъ и артиллерійскій снарядъ заграждаютъ путь на завалѣ. Остатокъ завала теперь необъятенъ,—каковъ-же былъ прежде! Терекъ сквозь его промылъ себѣ протокъ, будто искусственный. Большой объѣздъ по причинѣ завала; нѣсколько переправъ черезъ Терекъ, множество селеній, pittoresque. Селеніе Казбекъ, видъ огромнаго замка, тюрьма внутри, церковь изъ гранита, покрыта плитою, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора въ 25-ти верстахъ.

Сіонъ. Множество другихъ, будто висящихъ на скалахъ, башень и селеній, иныя руины, иныя новопостроенныя, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видовъ до снѣговъ, холодъ, зима, снѣговыя горы внизу и сверху, между

---

*) *Съ боку приписано чернилами*: Товарищи порываются впередъ, я за ними не слѣдую.

ними Коби въ дикомъ краю, подобномъ Даріелю. Множество народу встрѣчается на дорогѣ.

6-й переходъ.

Ужасное положеніе Коби, — вѣтеръ, снѣгъ кругомъ, вышина и пропасть. Идемъ все по косогору; узкая скользкая дорога, съ боку Терекъ; поминутно всѣ падаютъ, и все камни и снѣга, солнца не видать. Все вверхъ, часто проходимъ черезъ быструю воду, верхомъ почти не можно, болѣе пѣшкомъ. Усталость, никакого селенія, кромѣ трехъ, четырехъ оссетинскихъ лачужекъ, еще выше и выше, наконецъ добираемся до Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки горъ уже къ югу. Видъ съ Крестовой, крутой спускъ, слишкомъ двѣ версты. Встрѣчаемъ персидскій караванъ съ лошадьми. Отъ усталости падаю нѣсколько разъ.

Подъемъ на Гудъ-гору по косогору преузкому; пропасть неизмѣримая съ боку. По ту сторону ея горы превысокія, внизу рѣчка, едва можно различить на крутой уединенной горкѣ оссетинскія жилья. Дорога вьется черезъ Гудъ-гору кругомъ; нѣсколько верховыхъ встрѣчаются. Не знаю, какъ не падаютъ въ пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спускъ большой и нѣсколько другихъ спусковъ. Башни оброшенныя, на самомъ верху столбъ и руины. Наконецъ приходимъ въ Кашауръ, навьючиваемъ, беремъ другихъ лошадей, отправляемся далѣе, снѣгъ мало-по-малу пропадаетъ, все начинаетъ зеленѣться, спускаемся съ Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся въ кустарникахъ, тьма пашней, стадъ, разнообразныхъ домовъ, башенъ, хатъ, селеній, стадъ овецъ и козъ (по камнямъ все ходятъ), руинъ замковъ, церквей и монастырей разнообразныхъ, иные дики, какъ въ американскихъ плантаціяхъ, иные среди деревъ, другіе въ лѣсу, которые какъ привѣшаны къ горамъ, другіе надъ Арагвой. Мостикъ, Арагва течетъ быстро и шумно, какъ Терекъ. Дорога какъ въ саду—грушевыя деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьевъ и рѣчекъ изъ горъ стремятся въ Арагву. Смерклось; длинная тѣнь монастыря на снѣжномъ верху. Чувствуемъ въ темнотѣ, что иногда по мостикамъ проѣзжаемъ. Утесы, воспоминаніе о прежнихъ,—горы востока, а не страшны, какъ прежнія. Впереди румяныя облака. Посакануръ.

Мы въ дрожкахъ: одинъ изъ насъ правитъ.

7-й переходъ.

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся въ зелени. Букъ, яблонь, груши, сливы, тополи, кленъ; на скалѣ руины, много замковъ. Анануръ, карантинъ. Удаляемся вправо отъ Ананура, Душетъ. Замокъ и замки. Наша квартира какъ... (недописано).

8-й переходъ.

Отъѣздъ вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя пѣснь Грузинцевъ.

Я легъ между обгорѣлымъ пнемъ и лѣсистымъ букомъ, позади меня рѣчка подъ горою, кругомъ кустарникъ, между ними большія деревья. Холмы изъ-за деревъ, фазанъ въ рощѣ; лошади, козлики мимо меня проходятъ. Товарищъ на солнышкѣ. Наши лошади кормятся.

5-го марта 1822. Тифлисъ.

Прохожу къ Полю; биче его, который тарелки чиститъ, принимаетъ депутацію отъ крѣпостныхъ своихъ мужиковъ. Они жалуются, что имъ ѣсть нечего; онъ, какъ князь, имъ удѣляетъ рубль изъ своего жалованья. И мой биче, конюхъ Иванъ—князь, сынъ маіорскій. Прихожу домой, у моего гости. «Кто у тебя?»—Цари.—«Какъ цари?»—Да-съ, царевнины сыновья, царевичи, намъ сосѣди.

Измѣна нашихъ нѣмецкихъ офицеровъ подъ Ригой при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. Вивл. ч. III., стр. 41.

***

Царь Алексѣй Михайловичъ послалъ бѣднаго дворянина на воеводство въ Кострому *для нажитка.*

***

Запорожецъ, набогатившись въ дальнемъ походѣ, пріѣзжаетъ домой, катается на лодкѣ по сухому пути на 25 быкахъ, пляшетъ въ богатомъ платьѣ, потомъ въ немъ-же прыгнетъ въ кадку съ дегтемъ.

***

Излишняя точность въ стопосложеніи безполезна и только видна у Французовъ и у насъ; у Англичанъ и у Нѣмцевъ

этого нѣтъ, а у древнихъ экзаметръ доказываетъ, что тоже ее тамъ не придерживались.

* * *

Чтобы русскихъ къ чтенію прихотить, Петръ велѣлъ перевести Пуффендорфа, который Русскихъ не на животъ, а на смерть бранитъ.

Ананурскій карантинъ.

29 ноября 1822

Вползываемъ въ страннопріимную хату, гдѣ дѣйствительно очень странно принимаютъ. Холодъ, спрашиваемъ дровъ. Нѣтъ, а кругомъ лѣсъ. У ветхаго инвалида покупаемъ дорого охапку. Затапливаемъ, отъ дыму задыхаемся. Истопили, угаръ смертельный и морозно по прежнему. Спрашиваемъ корму для себя и для лошадей,—ничего съѣстнаго. Наконецъ, является маленькій, глупенькій докторъ, съ хлыстикомъ, вертится на одной ножкѣ и объявляетъ, что мы въ «политическомъ госпиталѣ» (въ мефитическомъ: отъ сырости запахъ претяжелый), что нашу комнату, иногда, заливаетъ вода по колѣно, что срокъ сидѣнья зависитъ отъ коммисара. Докторишка исчезъ, и я отъ угара проболѣлъ 24 часа. Явился коммисаръ, какъ смерть курносый.

— «Спасите. Карантинъ вашъ очень мудро устроенъ, чтобы чумы далѣе не пропускать: потому что она съ тѣми, которыхъ постигнетъ здѣсь, непремѣнно похоронится, потому что отъ холоду смерть, отъ дыму смерть, отъ угару смерть, (да и самъ коммисаръ, какъ смерть, курносый,—мы его, наконецъ, видѣли), по Беб. и я не чумные, не прикажите морить....»

Изгибистый Терекъ обсаженъ лѣсомъ отъ Моздока до Шелкозаводска. Въ станицахъ старообрядцы и жены на службѣ у Гребенцевъ, дѣти вооружены. Отъ 15—до 100 лѣтъ. Изъ 1600—1400 служатъ.

Даданіуртъ, Андреевская, окруженная лѣсомъ. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Тамъ, на базарѣ, прежде Ермолова выводили на продажу захваченныхъ людей, — нынче самихъ продавцевъ вѣшаютъ.

Телава и Сигнахи взбунтовались въ 1812 г. Въ Сигнахъ

Русскихъ загнали въ крѣпость. Потомъ они заперлись въ монастырь. Ихъ выпустили на переговорахъ, раздѣли голыми, пустили бѣжать въ разныя стороны и перестрѣляли, какъ дичь. Коменданту отрѣзали часть языка и дали ему-же отвѣдать. Потомъ искрошили всего въ мелкіе куски.

* * *

Исправникъ Соколовскій не беретъ взятокъ и не имѣетъ жены, которая, изъ низкаго состоянія вышедши въ классныя дамы, поощряла-бы мужа къ лихоимству.

* * *

Казаки бѣжали. Циціановъ спросилъ подобно царю Ираклію: «Горы ихъ на томъ-же мѣстѣ? Ну, такъ и они воротятся».

* * *

На мудрое уничтоженіе стряпчихъ Цицiановымъ мерзость провіантскихъ коммисаровъ. Не скупаютъ во время хлѣбъ, все хотятъ дешевле. Время уходитъ и они, въ зимнюю пору и въ отдаленныхъ мѣстахъ, подряжаютъ нѣсколько тысячъ арбъ; волы падаютъ безъ корма. За отпускъ пыли деньги выморжаютъ. Жители обременяются и войска не довольствуются во-время.

Амалахваровъ въ башнѣ.

Внизу сторожа, въ среднемъ этажѣ онъ самъ, въ верхнемъ его казна Вмѣсто оконъ скважины. Начальствовалъ въ Кахетіи. Смѣненный получилъ 2000 руб. сереб. пенсіи, которую и сберегаетъ. «Русскіе даромъ ничего не даютъ. Коли придерутся: вотъ имъ за 14 лѣтъ пенсія обратно» *).

(„Русское Слово“ 1859, № 5).

---

*) Приписка съ боку: дѣтямъ ничего не даетъ.

Записки во время поѣздки въ Крымъ.

1825.

Іюня 24. Середа, Ивановъ день. Вверхъ по Салгиру верхомъ. Сады, минареты, Перовскаго дачка — пріятной легкой архитектуры домикъ. Облако столбомъ надъ Чатыръ-дагомъ, будто курится. Ручьи падаютъ справа отъ нашей дороги въ Салгиръ. Тополи, надгробные камни съ чалмами. —Аянь, на востокъ отъ него въ полуверстѣ источникъ Салгира въ известковой каменной котловинѣ. Пещера, входъ съ двухъ сторонъ; спереди съ шумомъ извергается источникъ, слѣва родъ окошка; мы, разутые, лѣземъ въ него, цѣпляемся по голымъ камнямъ, надъ нами сводъ, родъ пролома сверху, летучая мышь прилѣплена къ стѣнѣ возлѣ, и внутренняя продолговатая пещера позади насъ. Мы сидимъ надъ самымъ О—мъ. М. Ш. называетъ это глазомъ. Вода холодная, какъ ледъ.

Послѣ обѣда изъ Аяна косогоромъ къ западу, направо лѣсистая впадина къ дорогѣ между Ч.-Д. и Темирджи, склоненіе къ сѣверу Яйлы, подъ нимъ домикъ, тутъ дача Офрена, сзади подошва Чатыръ-дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проѣзжаемъ чрезъ ущелье Альгаръ, деревня Човки (станція къ Алуштѣ), влѣво малый Джанкой, вправо рѣчка Кизиль-Кобе, ущелье входитъ клиномъ въ гору, тамъ родникъ сперва наружу, потомъ отвѣсно подъ землею, потомъ снова широкою лентою падаетъ на камни и течетъ въ долину, которая позади насъ; орлиныя гнѣзда, орѣшникъ, кизиль, родъ воротъ между двухъ самородныхъ камней, пещеры. своды, корридоры, столбики накипи.

Симферополь. Цыганская нынѣшняя музыка въ Крыму смѣсь татарскаго съ польскимъ и малороссійскимъ.

Іюня 25. Дождливый день. Беремъ нѣсколько назадъ, потомъ лѣвѣе, по сѣверной подошвѣ Чат.-Д. до Буюкъ Джанской, оттудова вверхъ довольно отлогая дорога, лѣсистая, справа овраги, тѣсныя и глубокія долины, бездны лѣсныя, тамъ течетъ Альма (ея истокъ между Ч.-Д. и С.-Г.), бѣлые холмы Саблы въ отдаленіи, еще далѣе горы Бахчисарая.

Поднимаемся на террасу каменную, индѣ поросшую лѣсомъ, убѣжище чобановъ въ низу, а далѣе въ равнинѣ все еще туманъ. Шатаемся по овчарнямъ.

Послѣ обѣда. Наѣлись шашлыка, каймака, на кругломъ столикѣ, поселившись въ каменной ямѣ къ сѣверу отъ овчарнаго хлѣва. Зелень и климатъ сѣверные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завѣсою, оттудова тучи поднимаются къ намъ, ползутъ по Чатыръ-Дагу. Онъ совершенно дымится. Горизонтъ болѣе и болѣе съужается, наконецъ я весь увитъ облаками.

У здѣшнихъ пастуховъ лица не монгольскія и не турецкія. Палласъ производитъ ихъ отъ Лигурійцевъ и Грековъ, но они бѣлокуры, черты сѣверные, какъ у Оссетиновъ на Кавказѣ.

Гроты снѣговые, стѣны покрыты мохомъ, надъ ними нависли дерева. Спускаюсь въ глубь, вползываю въ узкое отверстіе и тамъ снѣжное пріятелище — родникъ замерзшій. Скатываемъ камень,—продолжительный грохотъ означаетъ непомѣрную глубину. Выхожу оттудова,—синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встрѣча зайца. На иныхъ зубцахъ самаго верхняго шатра и на полянахъ ясно, но у самаго верхняго зубца насъ охватываютъ облака,—ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваемъ пристанища. Розовая полоса надъ мрачными облаками, игра вечерняго солнца; Судакъ синѣется вдали; корабль въ Алуштѣ будто на воздухѣ; море слито съ небомъ. Попадаемъ въ овчарню на восточной вершинѣ, обращенной лицемъ къ югу. Сыворотка, холодъ, грѣюсь, ложусь на попону, сѣдло въ головахъ, блѣяніе (sic) козловъ и овецъ, нависшихъ на стремнинахъ. Ночью встаю, луна плаваетъ надъ моремъ между двухъ мысовъ. Звѣзда изъ-за чернаго облака. Другая скатилась надо мною. Какой геній подхватилъ ее?

Іюня 26. Пятница. Кочуемъ въ туманѣ и въ облакахъ цѣлое утро. Сажусь на восточный утесъ, видъ на глубину къ Темирджи. Два корабля въ Алуштѣ. Съѣзжаемъ до лучшей погоды въ Корбекъ, лѣсомъ ручьи. На квартирѣ (крайней къ верху) съ балкона видъ на море. Справа изъ-за Салтанъ-горы высовывается Кастель. Балконъ подъ сливою и грецкимъ орѣшникомъ.—Подъ вечеръ пѣшкомъ въ Алушту средними возвышеніями, подошвою Чатыръ-дага. Замокъ Алустонъ въ развалинахъ, на лѣво Шумы, деревня Темирджи на воздухѣ; возвращаюсь низомъ, сперва садами, по-

томъ тропою, которая ведетъ въ Бешмы; ногами растираю душистыя травы, отъ которыхъ весь воздухъ окуренъ. Татары любятъ земные плоды.

Ночью встаю, мѣсячно.

27. Опять въ гору; сперва лѣсомъ, потомъ голыя вершины уступами. Круча.

Панорама съ Чатыръ-дага:

Впереди подъ ногами площадь, терраса Чатыръ-дага, первая подъ самымъ теменемъ, шатромъ (чадирь), всѣ негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лѣсъ, въ немъ источникъ Альмы между С.-Г. и Ч.-Д. Далѣе дугою Севастополь, Бахчисарай, Саблы, бѣлыя мѣловыя горы, правѣе Салгиръ, Акмечеть, еще далѣе Козловъ и море, между всѣмъ этимъ; ближе къ мѣсту, съ котораго смотрю, волнистые холмы, по нимъ солнце играетъ. — Справа Зуя, Карасубазаръ, надъ нимъ дымокъ, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовскаго моря глубокою полосою окружаетъ съ востока степь и долъ до Перекопа.—Слѣва западная часть задней Яйлы, Св. Носъ къ Балаклавѣ чернѣется.— Обратясь назадъ — море, даль непомѣрная, съ запада спускается къ нему Яйла, изъ-за ней Кастель, прямо Алушта, къ востоку берегъ изгибомъ до Судака, выдавшагося далеко въ море, точно между Обсерваторіей и Горнымъ Корпусомъ. За Судакомъ Карадагъ и проч. 3 корабля. На вершинѣ (западномъ зубцѣ, гдѣ мы стоимъ) между двухъ угловъ, шаговъ 50 стремительный спускъ къ югу, пологій къ сѣверу, обрывъ къ Альмѣ, дебрь. — За Темирджи нѣсколько слоевъ горъ еще ея возвышеннѣе. — Отъ Чатыръ-дага къ сѣверу площадь, терраса, будто укрѣпленіе съ исходящими углами, съ бойницами, изъ нихъ иныя красныя, желтыя, сѣрыя, и между ними зелень. Бѣлизна мѣловыхъ горъ, которыя тянутся какъ лагерь.

Нѣсколько орловъ съ закрюченными крыльями; ихъ плавный и быстрый полетъ. Дождь, словно занавѣсъ, постепенно закрываетъ предметы и близится къ намъ, наконецъ сѣчетъ насъ. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я надъ стремниной. Опять ведренно, выхожу изъ засады. Противуположность, — спереди былъ мракъ, сзади ясно, теперь на оборотъ.—Слѣдую направленію верхняго обрѣза отъ з. къ востоку, смотрю на дольныя картины изъ-за промежутковъ скалъ, какъ изъ-за зубцевъ Кремля. — Сперва Салгиръ былъ вправо, потомъ прямо противъ меня, теперь влѣво, по мѣрѣ моего шествія. Къ западу картина становится уже

и расширяется къ востоку. Съ восточной оконечности видъ на дебрь между Кизиль-кобе (вчера казался такъ высокъ, а ныньче черезъ него гляжу), Темирджи и Ч.-Д. Вѣтеръ перемѣнился, облака назадъ пошли и, послѣ дождя, разодранныя, какъ послѣ битвы, тянутся отъ Султанъ-горы серединою Чатыръ-дага въ Темирджинское ущелье, словно оттудова паръ воскуриваютъ; позади всего море, пропасти подъ ногами и зубцы. Не понимаю, какъ меня вѣтеръ не снесъ! Прихожу къ пастухамъ, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь въ Корбекъ.

Послѣ обѣда въ Шуму; плутаю по оврагамъ; лошадь мнѣ ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью въ Алушту.

Алушта; древнія развалины замка, около котораго домики съ плоскими кровлями прислонены къ холму, образующему со многими другими подошву Чатыръ-дага; около него ручьи и сады въ яминахъ. Все мѣсто окружено амфитеатромъ, къ морю отрогами обоихъ Яйлъ и Чатыръ-дага, котораго вершины господствуютъ надъ сей долиною. Корабль нагружается лѣсомъ; другой отъ флота зашелъ за прѣсной водою. Разговоръ съ офицерами о Чатыръ-дагѣ. Морскія ванны. Эфенди хвастаетъ крѣпкою черешнею.

28 іюня. Ѣдемъ берегомъ. Узенькая тропа. Жаръ несносный. Вправа то голые утесы, то лѣсъ. Кастель. Иногда крутой въѣздъ, потомъ опять спускъ къ морю. Мысъ. Проѣхавъ изъ-за него выказался Кучукъ-Ламбатъ. Съ одной стороны голый и не самый высокій утесъ, съ другой возвышенный и лѣсистый Аюдагъ, далѣе выдавшійся въ море, окружаютъ пріятнѣйшій заливъ; волны дробятся о берегъ. Фонтанъ подъ фигою; видъ благосостоянія въ селеніи. Домъ. Воскресный день. Бороздинъ называетъ это, «пользоваться преміею природы, *не выѣзжая изъ отечества*». Садъ, размарины, lauriers-roses, маслины, смоковницы, лилеи, дѣва утеса въ Кизильтамѣ. — Еще родникъ въ саду; бесѣдка къ морю, затишіе отъ бури, напоминаетъ такую-же въ Выдубецѣ. Подводные камни, не доѣзжая до деревни. Бакланы, дельфины. Venite adoremus.

29. Парфенитъ, вправо Кизильтамъ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагомъ дикія каменистыя мѣста, участокъ Олизара, шумное, однообразное плесканіе волнъ, мрачная погода, утесъ Юрзуфскій, видъ съ галереи, кипарисники возлѣ балкона; въ мнимомъ саду гранатники, вправо море безпредѣльное, прямо противъ галереи Аю и впереди его два голые бѣлые камня.

Отобѣдавъ у Монта (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лице и глаза черные, восточные), ѣду далѣе; Аю скрывается позади, сосны на Яйлѣ, лѣсистыя высокія мѣста, впереди Гаспринскій мысъ ограничиваетъ горизонтъ.

Подъѣздъ къ Ник. саду лучше самаго сада. Заглохшая тѣнистая тропа посреди одичалыхъ остатковъ греческаго садоводства, подъ гору, плющемъ увитыя, ясени и кленъ, грецкій орѣшникъ, акація, дикій виноградъ, смоковницы, плачущія ивы. Въ саду rus delphinus, котораго я давно домогался названія въ Ширванѣ.

Всегда-ли лѣто бываетъ такъ прохладно? Дорога болѣе возвышена. Родъ часовни, гдѣ лошадь привязана. Выѣзжая изъ саду и поднявшись къ верху, въ перелѣскѣ руины греческой церкви. Вообще до сихъ поръ развалины не живописны, исключая алустонскихъ торчащихъ трехъ обломанныхъ башень.

Пріятный запахъ листьевъ грецкаго орѣшника, когда его въ рукахъ растираешь.

NB. Отъѣхавъ отъ Юрзуфа и посмотрѣть назадъ, видъ берега расширяется черезъ передовые отроги Яйлы, видъ на долины къ Ялтѣ тоже пространенъ и пожелтѣвшія нивы разнообразятъ темную, многотѣнную картину.

Ночую въ Дерекоѣ. Кладовая хозяина. Одинъ каштанникъ во всемъ краю. Садъ Мордвинова въ Ялтѣ.

Округъ Никиты. Запущенные и оброшенные сады Грековъ, выведенныхъ въ Маріуполь.

30 іюня. Пространная долина и плодоносная. Горы почти также высоки, какъ около Алушты и окружаютъ до пристани. Аутка греческое селеніе въ сторону отъ дороги, но въ ней все по татарски. Отъ Аутки лѣсомъ прямо въ гору, справа съ Яйлы водопады Ялты. Оборотясь назадъ, видъ расширяется отъ верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (foncée) долина, усаженная лѣсомъ; пестрота нивъ, садовъ и деревень, часть моря у Яйлы. Спустясь на большую дорогу опять лѣсомъ до Кушелева сада въ Урьянда. Носъ Айтодоръ каменистый выдается въ море; тутъ развалины монастыря Выѣзжая изъ лѣса и поднявшись на высоту— пространный видъ. Яйла, голая, дикою стѣною господствуетъ надъ Гаспри, Хурсисъ, Мускоръ и Алупкою. Съ пригорка надъ Гаспрою опять видѣнъ Аюдагъ, который было исчезъ за Никитинскимъ мысомъ.—Чрезвычайно каменисто; земляничный лѣсъ на Яйлѣ, какъ кровь красный. Вчера высота Яйлы была осѣнена соснами, а нынѣ безлѣсна.

Въ Алупкѣ обѣдаю, сижу подъ кровлею, которая съ одной стороны опирается на стѣну, а съ другой на камень; полъ выходитъ на плоскую кровлю другого хозяина, изъ-за нея выглядываетъ башенка мечети, Муэдзинъ Селами-Эфенди, шелковицы, виноградныя лозы, сюда впереди два кипарисника тонкіе и высокіе, возлѣ нихъ гранатовый кустъ; вообще здѣсь вездѣ оливы, лавры и гранатники рдѣютъ. Палласъ говоритъ, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловятъ. Греки въ Аутkѣ.

Послѣ обѣда. Изъ Алупки въ Симеисъ, сливы, гранаты; Коурме; роскошь прозябѣнія въ Симеисѣ; оттудова утесъ, обрушенный въ море торчма, на немъ развалины замка; проѣзжаемъ сквозь тѣснины частію нависшихъ и въ море обрушенныхъ громадъ, другая на сушѣ, надъ нею прямо обломанный утесъ, повсюду разрушеніе. Дождь, укрываемся къ казакамъ (береговой кордонъ, далѣе содержитъ его балаклавскій полкъ), отъ дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась изъ-за передовыхъ горъ. Кукунейсъ; между нимъ и Кучукъ-коемъ обвалъ отъ землетрясенія, будто свѣже вспаханная земля; оттудова видъ на крайній мысъ южнаго берега Форусъ, темный, зубцы и округлости отрисовываются позади свѣтящимъ вечернимъ заревомъ (На другой день я увидѣлъ, что это только зубчатая поперечная скала между Пшеткою и Кучукъ-коемъ).

Лѣнь и бѣдность Татаръ. Нѣтъ народа, который бы такъ легко завоевывалъ и такъ плохо умѣлъ пользоваться завоеваніями, какъ Русскіе.

1 іюля. Изъ Кучукъ-коя косогоромъ. Я задумался и не примѣчалъ мѣстоположенія; впрочемъ тѣ-же обвалы, скалы справа, море слѣва, поперечныя зубчатыя скалы. Поднимаемся близь Форусскаго утеса вверхъ лѣсомъ, похоже на подъемъ съ моря на Чатыръ-дагъ, краснорѣчивыя страницы Муравьева, переваляясь черезъ Мердвень. Палассъ правъ на счетъ лицеочертаній приморскихъ Татаръ трехъ послѣднихъ деревень.

Байдарская долина—возвышенная плоскость, пріятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичныя; кажется, хозяйство въ лучшемъ порядкѣ; хозяйскій сынъ хорошенькій. Тутъ я видѣлъ, что во всей Азіи, какъ хлѣбъ молотятъ: подсыпаютъ подъ ноги лошадямъ, которыхъ гоняютъ на кордѣ.

Послѣ обѣда въ лѣсъ до Мискоміи. Оттудова двѣ трети долины заслонены выступающею съ сѣвера горою, такъ-что

тутъ дѣлается особенная долина; отсюдова въ гору извивистой тропою спускаемся къ хуторку, къ морю (bergerie), гдѣ была разбита палатка для Екатерины во время ея путешествія; справа изъ-за плетня бѣлѣются мѣловыя горы, между Узенемъ и Бельбекомъ. Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, подъ пригоркомъ Комара или Карловка, слѣва море разными бухтами входитъ, врѣзывается въ берега. Прямо впереди тоже море окружаетъ полуостровъ, котораго двѣ оконечности—Севастополь и Балаклава. Влѣво, въ морѣ флотъ изъ 9-ти кораблей; подъ ногами два мыса, какъ клавиши. Еще ниже островерхій пригорокъ, на немъ замокъ и башни древняго Чемболо; на второмъ мысѣ (изъ двухъ параллельныхъ) сады и обработанная поляна.

Объѣзжаемъ ближайшую гору, къ сѣверу Кадикой, бухта тихая, какъ прудъ и мѣстечко балаклавское на подошвѣ западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на видъ безвыходными. Школа, домъ Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитанъ. Готовится мнѣ яликъ для прогулки по бухтѣ, на другой день, на разсвѣтѣ. Комната моя въ трактирѣ съ бильярдомъ. Морская рыба макрель, кефала.

2 іюля. По утру, бухтою, внизъ къ устью, — невидать никакого выхода; на протяженіе до открытаго моря на $1^1/_2$ версты заслонено утесами съ обѣихъ сторонъ; слѣва замокъ, полукруглый заливъ по выходѣ въ море. Дельфины и баклапы. Плывемъ въ оба направленія, къ востоку Святойносъ, гдѣ будто развалины монастыря. Воротясь назадъ, пріятный видъ мѣстечка, — въ церковной оградѣ кипарисъ, мечеть внизу, старая церковь въ горѣ, школа самое чистенькое зданіе. Настоящій Грекъ, слуга въ трактирѣ, пылаетъ желаніемъ сразиться съ Греками и сдираетъ съ меня въ три-дорога за квартиру.

Уѣзжаемъ изъ Балаклавы назадъ къ верху бухты, налѣво въ гору, вправо внизу Кадикой, церковь бѣленькая, пріятный видъ послѣ запачканныхъ мечетей, еще въ гору, мимо Корани (всѣ 4 деревни греческія). Хорошо отстроенные домики.

Возвышеніе, съ котораго Гераклiевскій полуостровъ какъ на ладони; окруженъ моремъ. Панорама: мы лицемъ прямо на западъ, вправо бѣлѣются дома Севастополя и большая бухта, корабельныя мачты, далѣе *сѣверная коса* и еще далѣе козловскій берегъ, впереди маякъ и двѣ бухты, какъ на чертежѣ. Хуторъ монастырскій и другіе, налѣво новая ко-

локольня Св. Георгія (напрасно выстроенная). Позади гористый видъ, мысъ Ай-Дакъ, Св. гора, отвсюду виденъ; говорятъ, что онъ первый въ Крыму представляется плывущимъ изъ Царь-града. Не это-ли *Кріуметопонъ*? Это похожее на дѣло, нежели «баранья голова» Муравьева. Долина Узеня, слѣва бѣлый кряжъ горъ известковыхъ новѣйшаго образованія: въ глубь всей картины верхъ Чатыръ-дага, нависшаго какъ облако.

NB. Воспоминаніе о В К. Владимірѣ.

Ѣдемъ въ монастырь. Крутизна по входѣ въ ворота; внезапности для меня нѣтъ, потому что слишкомъ часто описано (также какъ и Байдарская долина, если-бы безъимянная, она-бы мнѣ болѣе понравилась; слишкомъ прославлена). Спускаюсь къ морю, глазъ меня обманулъ: гораздо глубочайшій спускъ, чѣмъ я думалъ. Отъ церкви глядѣть на верхъ, къ колокольнѣ, похоже на Кіевскую Лавру, но видъ изъ Лавры несравненно лучше.—Въ морѣ справа два камня, какъ башни, между ними утесъ вогнутою дугою, слѣва скалы; подъ ихъ тѣнью раздѣваюсь и бросаюсь въ море. Вода холодная, какъ ледъ. Красивые разноцвѣтные камушки, прекрасно округленные. Назадъ подъемъ тяжелъ. Змѣя. Митрополитъ изъ Кефалоники.

Ѣдемъ въ Севастополь; жарко, сухо, мерзко и никакого виду. Городъ красивъ. Сначала видѣнъ съ Артиллерійской-бухты домъ Снакіарева. Мы беремъ вправо, въ заставу. Подъ-вечеръ гуляю. Лучшее строеніе города гошпиталь надъ южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерійскую-бухту, базаръ, живопись, купаются, скверныя испаренія. Батарея, закатъ солнца, иду на Графскую-пристань, оттуда большою улицею вверхъ, мимо двухъ церквей, домой. Ночь звѣздная, прекрасная, но безлунная. Маяки свѣтятся въ сторонѣ къ Инкерману.

3 іюля. Севастополь лежитъ лицемъ къ Ктенусу, одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерійскую. Нѣсколько батарей на сѣверной косѣ и на мысѣ военной гавани. Ктенусомъ плывемъ 7-мь верстъ; лѣсъ истребленъ (жаль, а то бы прелестное гулянье по водѣ). Въ Балкахъ справа казенный садъ, гдѣ гулянье 1-го мая, пороховой магазинъ, слѣва сахарный заводъ, справа и слѣва хутора. Въѣзжаемъ въ камышевый Узень, струйка прѣсной воды, ясени и другія деревья; на право гора двойная, изрытая пещерами, корридоръ, полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святый съ ликомъ,

стертый), точно арки Гостиннаго двора или Каравансарая. Древній мостъ слыветъ Ханскимъ; перейдя черезъ него, насупротивъ прежнихъ и выше ихъ двѣ другія горы, тоже пробитыя пещерами, иныя застроены и вымазаны, съ окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренномъ заводѣ. Здѣсь церковь цѣлѣе, фигурныя украшенія, горнее сѣдалище. Изъ придѣла церкви обломанный сводъ безъ лѣстницы; Александръ туда и я за нимъ. Въ верху ступени въ крѣпость, идетъ къ южной крутизнѣ, тамъ пещеры ярусовъ въ десять, иныя раскрашенныя, иныя клѣтчатыя, выдолбленныя украшенія.

Видъ на лугъ и долину Узеня прелестный. Также, оборотясь вправо, на заливъ. Вѣроятно, когда нападали на жителей, то они спасались въ верхнія жилья; если подламывали пилястры, то бросались въ крѣпость. Съ сѣвера и востока стѣны и башни довольно цѣлы, такъ-какъ эти обѣ стороны здѣсь приступнѣе и положе, то и былъ тутъ онъ укрѣпленъ тверже, двойною стѣною. На сѣверъ башня круглая и далѣе четырехъ-сторонняя; на востокъ зубчатая стѣна, башня круглая, опять стѣна, четырехъ-угольная башня и еще стѣны и круглая башня угловая.

Инкерманъ самый фантастическій городъ; представляю себѣ его съ низу до верху освѣщеннымъ вечеромъ.—Но гдѣ брали воду?—Отъ чего монахи?—Во всякомъ случаѣ Аріане, ибо Готѳы сперва были Аріане; таковъ былъ и переводчикъ ихъ библіи епископъ Ульфила.

Съ сѣвера сходъ, крыльце къ роднику. Пріятно умываться, когда самъ божокъ или нимфа ручья подаетъ воду изъ рукомойника.

Панорама съ крѣпости: къ западу Ктенусъ и горы такія-же, какъ та, на которой крѣпость и которыя отдѣляютъ полуостровокъ. Къ югу, за долиною Узеня, Байдарскія горы; съ востока и сѣвера протяженіе тѣхъ горъ, на которыхъ крѣпость.

Послѣ обѣда. Часовъ въ 5-ть послѣ обѣда ѣду къ карантину. Стѣна, въ которой проломъ, прилежитъ къ нынѣшнимъ зданіямъ и тянется къ заливу направо и по возвышеніямъ югомъ, гдѣ обращается вдавшимися углами многоугольника къ западу, возлѣ песчаной бухты упирается въ море и тутъ проломъ и части стѣнъ и башень. Къ сей сторонѣ, внутри, насыпной холмъ. Не здѣсь-ли Владиміръ построилъ церковь? («Корсуняне подкопавше стѣну градскую крадяху сыплемую персть и ношаху себѣ въ градъ,

сыплюще посредѣ града и воины Владиміровы присыпаху болѣе». Несторъ.)—Можетъ, Великій Князь стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я теперь, между Песочной и Стрѣлецкой бухты. Тутъ, теперь, наравнѣ съ землею основаніе круглой башни и четверосторонней площади къ Стр. бухтѣ. — Впереди все видно, что происходитъ въ древнемъ Корсунѣ и приступъ легокъ. Черезъ городъ видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонтъ, какъ по обрѣзу; Чатыръ-дагъ лѣвѣе и почти на одной чертѣ съ городомъ особится отъ всѣхъ, какъ облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назадъ видны два кургана, одинъ прибрежный, другой среди-земной. Я на этомъ былъ,—груда камней и около него два основанія древнихъ зданій. Солнце заходитъ въ море и черное облако застѣняетъ часть его; остальная въ видѣ багроваго серпа мѣсяца. Худое знаменіе для Варяговъ. Съ насыпнаго холма, внутри города, видѣнъ маякъ, а далѣе, по морю и кругомъ, не видать.—Пещеры къ югу; ихъ множество. Проводникъ увѣряетъ, что они ведутъ къ Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями. — Колодезь, водопроводъ.—Лисица.—Два корабля и флотъ.

4 *іюля.* По утру однообразною дорогою, тою-же заставою, въ которую въѣхалъ. Надоѣло, велѣлъ своротить вправо, чтобы сблизиться съ моремъ; ѣдемъ рвомъ, множество четверосторонниковъ; поля раздѣлены на клѣтки каменными основаніями; на лѣво, надъ рвомъ возвышеніе, на немъ □ изъ огромныхъ, грубоотесанныхъ камней, сложенныхъ одни надъ другими въ два ряда, къ югу два круглыя основанія, въ нихъ ямины, далѣе паралеллограмъ; тутъ и кончится возвышеніе.

Подъѣхавъ къ морю: позади осталась Стрѣлецкая бухта, круглая впереди; тѣже клѣтки и фундаменты параллельныхъ оградъ. Палласъ предоставилъ себѣ со временемъ внимательнѣе осмотрѣть остатки древностей около бухтъ Казацкой, Круглой и Стрѣлецкой, но при томъ и остался. Вотъ, что я видѣлъ. Въ концѣ загиба Камышевой-бухты два хутора, второй купца Сергѣева «Екима Сергѣевича покойнаго; сынъ его Левушка махынькій, 22-й годочикъ». Въ одномъ изъ его огородовъ: □ одинъ бокъ 16, другой 24 шага, съ одной стороны, въ 4 ряда камни, и еще надѣланъ неполный рядъ; иной камень въ $2^1/_2$ аршина длины и $^3/_4$ ширины; другіе бока въ три ряда. Обойдя загибъ бухты и переваляся черезъ пригорокъ такой-же □ и тутъ на холмѣ, до самаго маячнаго перешейка, груды огромныхъ и средственныхъ.

Маякъ въ 12 саженей вышины. Панорамный видъ полуострова не такъ хорошъ, какъ съ горы Карани: кромѣ двухъ возвышенныхъ мысовъ съ правой стороны ничего не видать. Флотъ въ морѣ, идетъ къ Николаеву на всѣхъ парусахъ. У берега свинки (дельфины), кувыркаются, фонтаномъ пущаютъ воду изъ головныхъ отдушинъ; столпили въ стадо рыбу салтанку, которая отъ нихъ не можетъ отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаекъ рѣетъ округъ ихъ и подхватываетъ объѣдки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывутъ впереди.

На возвратномъ пути, перейдя ровъ Стрѣлецкой бухты, на пологомъ возвышеніи къ древнему Корсуню древніе фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здѣсь-ли витійствовали Херсонцы, живали на дачахъ и сюда сходились на совѣщанія? А нынѣшній остатокъ стѣнъ можетъ быть только Акрополь. Впрочемъ, я ужасный варваръ на счетъ этихъ безмолвныхъ свидѣтелей былыхъ временъ; не позволяю себѣ даже догадокъ. Что такое bâtisses cyclopéennes? Похоже на Турокъ и Персіянъ, у которыхъ Тезеевъ храмъ въ Аѳинахъ и Персеполь приписываются построенію Дивовъ.—Съ маяка и на здѣшнемъ полуостровѣ видно тоже направленіе земли, какъ во всемъ Крыму,—сѣверные берега пологи, южные круты и обрывисты.

5. іюля Черезъ Ахтіарскій заливъ на сѣверную косу; оттуда видъ на Севастополь. Корсунь и маякъ. Ѣдемъ вдоль берега, поворачиваемъ, миновавъ Учкуй, вдоль Бельбека. Берега въ садахъ; справа горы положе и въ зелени, слѣва крутыя и голыя, мѣловыя. Вѣроятно на Качѣ и на Альмѣ тоже. Дуванъ-кой, долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы, прямо срѣзана, выглядываетъ изъ-за протяженія горъ, что съ правой стороны отъ дороги.

Сворачиваемъ еще правѣе, переѣзжаемъ черезъ Бельбекъ и продолжаемъ путь вдоль рѣчки Кара-Илаза. Примѣчательный и оригинальный видъ горъ, чрезъ которыя прорывается Бельбекъ,—сахарныя головы, верхушки бисквитныя. Иной бокъ закругленъ впередъ или назадъ, на верху родъ теремовъ и замковъ, или бельведеровъ разноцвѣтныхъ отъ смѣшенія зелени со слоями камней. Гора надъ Кара-Илазомъ тоже какъ будто сверху укрѣплена исходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшіе. Мельница, домъ, гаремъ (желтенькій, въ оградѣ). Гостинница, прекрасное угощеніе.

Гроза великолѣпная.

Поднимаемся въ верхній Кара-Илазъ, ущельемъ вдоль

Суукъ-су, потомъ въ Ходжа-сала, влѣво въ ущелье, плутаемъ заглохшею тропою, въѣздъ на Мангупскую гору съ сѣвера, вороты, стѣны, часть замка, окна съ готическими украшеніями.

Въ утесѣ высѣчены комнаты Ходы, лѣстницы, галереи къ с. в. внѣ крѣпости. На самомъ концѣ площадка, подъ нею вторымъ уступомъ острый зубецъ утеса, на-право долина, на-лѣво подъ ногами голое ущелье, гдѣ Ходжа-сала; далѣе море. Спуски, сходни въ круглый залъ, шесть комнатъ къ западу, къ востоку три, узкой ходъ по парапету, множество другихъ развалинъ.

Башни и стѣны къ востоку въ маленькомъ промежуткѣ, гдѣ не такъ отвѣсно. Большая, мѣстами довольно цѣлая, стѣна западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. *Не худо-бы разобрать надписи*. Видъ прямо на Кара-Илазъ. Ночью въ Бахчисарай. Музыка, кофейная, журчаніе фонтановъ, мечети, тополи. Татаринъ мимо насъ скачетъ вонъ изъ города, искры сыплятся изъ трубки.

6 іюля. Ханъ-сарай полуразвалившійся. Видъ съ минарета. Иду пѣшкомъ вверхъ по нашему переулку, оттуда къ мавзолею Грузинки, отъ него вверхъ и опять внизъ къ мостику. Въ перспективѣ гаремная бесѣдка, видъ города: тополи, трубы, минареты. Азисъ, внизъ по Чурукъ-Су базарною улицею, деревня, 6 мавзолеевъ, одинъ осьмиугольный, карнизы обложены мраморомъ. Опять въ Бахчисарай; отъ него на востокъ ущельемъ вверхъ по Чурукъ-Су. Дома подъ навѣсомъ утесовъ. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врѣзана въ ту-же гору, которая съ юга господствуетъ надъ Бахчисараемъ. Сворачиваемъ туда; проѣхавъ немного, справа монастырь нависъ подъ горою и прилѣпленъ къ горѣ; лѣстница и церковь и корридоръ высѣчены въ камнѣ, балконъ пристроенъ снаружи и келейка, гдѣ старикъ съ старушкою. Внизу надгробный памятникъ неизвѣстнаго, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверхъ, вездѣ фонтаны, дорога влѣво, клиномъ на верху Іосафатова долина въ дубовой рощѣ. На-лѣво отвѣсная гора Чуфутъ-Кале, туда ведетъ лѣстница. Таже система укрѣпленія, что въ Мангупѣ. Оленье поле; на стремнинѣ противъ монастыря остатки башни и стѣны.

Мѣстоположеніе Чуфутъ-Кале: къ сѣверу ущелье, гдѣ протекаетъ Чурукъ-Су и гдѣ Бахчисарайскія горы; къ з. ложбина монастырская; къ ю. лощина кладбищная; къ в. долина глубокая и лѣсистая между горъ, гдѣ низменная до-

рога отъ Альмы къ Качѣ. Тутъ видъ горный до самой Яйлы-западной. Промежуточныя возвышенія, холмы и долина погружены въ тѣни, надъ ними природа разбила шатеръ, онъ свѣтозаренъ отъ заходящаго солнца, которое прямо въ него ударяетъ; все прочее отъ нашедшихъ съ запада облаковъ покрыто темнотою. Эту картину я видѣлъ, проѣхавъ Іосафатову долину; къ югу отъ нея и выше надъ стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Керменъ съ пещернымъ его вѣнцемъ, — точно вышка, крѣпостца на верху. Тутъ я увидѣлъ почти все теченіе Качи, какъ она вьется изъ горъ, а позади насъ впаденіе ея въ море, которое свѣтится. Впаденіе въ Качу Чурукъ-Су. Дождь въ Бахчисарайскомъ ущельѣ. Вправо горы Кара-Илаза. На Качѣ Татаръ-кой. Возвращаюсь къ мавзолею Грузинки.

Чуфутъ-гора одна изъ мѣловыхъ бѣлыхъ горъ между Салгиромъ и Каспли-Узенемъ, подобно какъ Тепе-Черкесъ-Инкерманъ и Мангупъ и всѣ онѣ пещеристы. Кто этотъ народъ и противъ кого окапывался къ югу? Раббинъ говоритъ Хазары, которые прежде назывались Готѳами.

---

9 іюля. По двух-дневномъ странствованіи ѣду къ M-me Hoffrène въ Татаръ-кой. Изъ Ахмечета дорога влѣво отъ кладбища, вправо остается Ланговъ хуторъ и еще далѣе его-же деревенька. Верстахъ въ шести отъ города съ высоты видъ моря. Во всемъ Крыму, какъ-бы долина глубока ни была,—подняться на ближайшую гору, и откуда-нибудь море непремѣнно видно. Спускъ къ Сабламъ, гдѣ все зелено, между тѣмъ какъ въ степи, позади меня, все желто. Чатыръ-дагъ. Сѣнные покосы. Крестьяне въ Саблахъ выведенцы изъ Россіи. Султанъ Ирландскій проповѣдникъ Джемсъ въ Саблахъ, увидавши меня, радъ, какъ мѣдный грошъ. Школа плодовыхъ деревьевъ: коли слишкомъ ростутъ въ вышину, то это плохо для плодовъ. Столѣтнее алое. Переѣзжаемъ Алму у Карагата; ниже садъ Чернова на Алмѣ-же, далѣе лѣсомъ, низенькимъ. Переѣзжаемъ Бодракъ, налѣво Мангупъ. Вступленіе вправо въ ущелье Бахчисарайское съ востока, наполнено садами, строеніями, развалины дворца, влѣво, сверху, торчитъ Чуфутъ-Кале, ложбина вправо. — Баня въ Бахчисараѣ хуже тифлисской; прежде я тамъ не былъ, потому что, когда прочелъ Муравьева,—какъ-будто самъ водою окатился.

10 іюля. Утромъ въ Татаръ-кой. Крутизна къ Качѣ; прекрасная Качинская долина, милыя хозяйки. Султанъ о ре-

лигіи толковалъ очень порядочно въ Бахчисараѣ, свое и чужое, но премудрость изливается иногда изъ устъ юродивыхъ.

11 іюля. Кавалькада въ Тепе-Керменъ. Гора, нависшая надъ Татаръ-коемъ; верхъ которой въ видѣ стѣны, стойма поставленной. Ораторство Султана. Ходимъ по пещерамъ.

12 іюля. Лунная ночь. Пускаюсь въ путь между верхнею и нижнею дорогою. Пріѣзжаю въ Саблы, ночую тамъ и остаюсь утро. Теряюсь по садовымъ извитымъ и темнымъ дорожкамъ. Одинъ и счастливъ. Джемсъ кормитъ, поитъ, пляшетъ и, отъ избытка усердія, лакомитъ (?) лошадью, которая ему руку сломила. Возвращаюсь въ городъ.

(„Русское Слово" 1859, № 5).

Эриванскій походъ.

12. Мая Четвертокъ. Прибытіе Семптеръ-аги изъ Карса. Новости отъ Бенкендорфа, Нахичеванцевъ переселяютъ. Въ виду у насъ входъ въ пустыни знойныя и безпищныя. Выѣзжаемъ изъ Тифлиса, Вознесенье. Въ Сейдъ-Абадѣ многолюдно и весело. Толпа музыкантовъ на деревѣ, при проѣздѣ генерала гремятъ въ бубны. Обогнувъ послѣднюю оконечность мыса, видъ къ югу туманнаго Акзибеюка; вершина его поливается дождемъ. По дорогѣ запоздалый инженерный инструментъ и сломанныя арбы съ дребезгами искуственнаго моста, разметанныя по дорогѣ, производятъ на генерала дурное впечатлѣніе. Минуемъ Коди, верстахъ въ двухъ отъ большой дороги сворачиваемъ въ Серванъ, вдали лагерь у храма. Услужливость мусульманъ. Рѣчь муллы.

13 Пятница. По утру прибыли къ храму. Быстрота чрезвычайная, новое направленіе рѣки, мостъ снесенъ. Ночью Шулаверы, живописныя ставки въ садахъ. Казакъ линейскій по-чеченски шашкою огонь вырубаетъ и всегда напередъ скажетъ, какой конь будетъ убитъ въ сраженіи.

14 Суббота. Драгунскій полкъ проходитъ. Лошади навьючены продовольствіемъ и фуражемъ; люди пѣшіе.

15 Воскресенье. Ущелье вверхъ по Шулаверкѣ чрезвычайно похоже на Салгирскую долину. Лѣсистыя, разнообразныя горы; позади всего высовывается Лалаверъ [Мѣднозаводская гора], какъ Чатыръ-дагъ съ каменистымъ, обнаженнымъ челомъ.

Лагерь на пріятномъ мѣстѣ. *Бабій мостъ* 4 версты отъ Самійскаго погоста, гдѣ расширеніе вида необыкновенно

пріятное. Генералъ дѣлается опасно боленъ. Безпокойная ночь.

16 Понедѣльникъ. Вверхъ поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дорогѣ. Тѣснина иногда расширяется; видъ съ Акзибеюка обратно въ Самійскую долину, на Кавказъ и проч. Климатъ русскій, волчьи ворота. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей какъ на Крестовскомъ острову, покудова чернила не разлились по отсырѣвшей бумагѣ и самъ я промокъ до костей. Ночую съ генераломъ: онъ все боленъ. Тутъ и докторъ, и блохи.

17. Днёвка.

18. Въ 4 часа меня будятъ; тащатъ съ меня халатъ; сырость, холодъ, Лапландія, всѣ больны. Ѣду впередъ по верховой дорогѣ; нѣсколько руинъ справа и слѣва и селенія. Крутой спускъ въ оврагъ каменной рѣчки. Вся по́мпа воинственная, съ которой ожидаютъ прибытія главнокомандующаго.

19, 20. Дневка. Карапапахцы поселились на турецкой границѣ, перехватываютъ и рѣжутъ нашихъ посланныхъ. Какъ бы ихъ оттудова вытѣснить? Заботы о транспортахъ.

21. Тамъ же. Принятіе турецкаго посланца съ музыкою. Толстъ, глупъ и важенъ.

22. Тамъ-же. Чѣмъ свѣтъ сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь къ развалинамъ Лори въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря. Деревня, беру проводника. Слѣзаю въ оврагъ каменистый и крутобрегій, гдѣ протекаетъ Тобеде съ шумомъ, съ ревомъ и съ пѣной. Чистый водопадъ дробится о камни справа. Смѣлая арка изъ крупнаго, тесанаго камня черезъ него перекинута. Развалина другаго моста черезъ Тебеде. Стѣны и бойницы въ нѣсколько ярусовъ по противулежащему утесу; вползаю черезъ малое отверстіе въ широкую, зубчатую башню, гдѣ былъ водоемъ; вѣроятно вода подъ землю была проведена изъ рѣки. Тутъ съ в. вытекаетъ другая рѣчка и въ виду по сему новому ущелью водопадъ крутитъ пѣну, какъ-будто млечный протокъ. Изъ тайника крутая и узкая стежка вьется надъ пропастью. Духомъ взбираюсь вверхъ. Развалины двухъ церквей, бань, замка съ бойницами, къ с. оттудова ворота, много рѣзной работы; вообще положеніе развалинъ родъ Трапезонда. Къ югу два мыса надъ Тебедою, къ з. бокъ надъ нею же, къ в. надъ другою рѣчкою, къ с. замокъ и ровъ оборонялъ его отъ нападеній съ луговой плоскости. Прежде здѣсь царствовала сильная династія Тап, отъ 8 до 12-го столѣтія; храб-

рые, умные цари много обращались съ Византійцами, отъ которыхъ заняли зодчество и другія искусства.

Нынѣ на развалинахъ въ недавнемъ времени поселились бамбакскіе выходцы въ маломъ количествѣ.

[Перерывъ. Продолженіе на другихъ листахъ и въ другомъ мѣстѣ.]

— Письмо Игурлехана. *Лишеніе надежды есть тоже покой.* Просьба, адресъ поздравительный Карабахцевъ. *Роза разцвѣла въ рощѣ, съ ея появленіемъ всѣ цвѣты получили новую жизнь.*

Отъѣздъ турецкаго посланца.—Пріѣздъ Обрѣскова. Полная ночь.—Походъ.

Іюнь 1. Середа. Въ Гергеры, вдоль Тебеде. Налѣво руины Лори. Попы армянскіе на дорогѣ въ ризахъ подносятъ Бога главнокомандующему, который его отъ нихъ какъ рапортъ принимаетъ.

Къ востоку синѣются дальнія горы; одинъ конусъ похожъ на Тепе-Керменъ.

Приходимъ къ лѣсистой подошвѣ Безобдала; мой шатеръ надъ ручьемъ, пріятное журчаніе.

2-го. Дневка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верхъ горы надъ лагеремъ. Ароматическій воздухъ лѣсной и луговой. Теряю лошадь.

3-го. Подъемъ на Безобдалъ. Трудность обозамъ. Я боковой стежкой дохожу до самаго верха, гдѣ вѣтръ порывистый. Спускъ грязный на Кишлаки. Гвардейскій лагерь прелестенъ.

Палатка Аббасъ-Кула надъ рѣкою. Заглохшія тропы къ опустѣлымъ скаламъ.

Ночью отъ блохъ житья нѣтъ; въ дождь ложусь на дворѣ.

4-го. Пріѣздъ грузинскаго ополченія. Свалка на дорогѣ. Пещеры. Мавзолей Монтрезора. Дурной лагерь въ Амамлахъ.

5-го Воскресенье. Вдоль южной цѣпи горъ переваливаемся черезъ Памву. Видъ Бамбахской долины въ родѣ котловины.—Прекрасное лагерное мѣсто. Алагезъ къ ю.-з.

Иду на пикетъ казачій. Табуны. Боюсь за нихъ.

6-го. Завтракъ у Раевскаго. Лагерное мѣсто у руины церкви въ Судогентѣ.

Алагезъ къ з. Громъ, убита лошадь. Араратъ открывается.

7-го. Алагезъ къ с.-в. Хорошо до привала. До-сихъ-поръ въ полдень жаръ несносный, ночью холодъ жестокій. Кормы тучные.

Артемій Араратскій.

Съ пригорка видъ на обширную и прелестную долину Аракса. Араратъ безподобенъ. Множество селеній.

Съ привала мѣста, сожженныя солнцемъ. Лагерь за версту отъ деревни Аштаракъ. Скорпіоны, фаланги. Куполъ Арарата.

Прелестное селеніе Аштараки,—мостъ въ три яруса на трехъ аркахъ, подъ нихъ рѣка Абарень дробится о камни. Сады, городъ. Селеніе принадлежитъ матери Хосро-Хана. Жара.

Ночью головы сняты съ двухъ людей, солдатъ и маркитанта.

8-го. Пріѣздъ въ Эчмядзинъ. Клиръ, духовное торжество. Главнокомандующій встрѣченъ съ колокольнымъ звономъ.

Разбиваю палатку между двухъ деревьевъ; цвѣты, водопроводы. Большой обѣдъ у Архіерея.

Гассанъ-ханъ врагъ монастыря. Багдатскій паша принялъ къ себѣ жителей.

Султанъ Шадимскій на нашей сторонѣ и его 4 племени. Мехти-Кули-Ханъ перешелъ къ намъ съ 3000 семействами.

9-го Четвергъ. Поѣздка въ лагерь подъ Эриванью. Послѣ обѣда генералъ ходитъ рекогносцировать крѣпость. Гдѣ только завидятъ бѣлыя шапки, туда и цѣлятъ. Шадимскій султанъ и ему подвластные народы намъ сдались.

Въ четвергъ извѣстіе о замыслѣ Гассанъ-хана съ 3000 Кутали и Карапапахами напасть на наши транспорты. Вечеромъ гвардія отправляется вь экспедицію; радость молодежи.

Вальховскій съ колокольни видитъ пыль вдали.

10-е. Пятница, 11-е. Суббота. Пріѣздъ посланнаго отъ Аббасъ-Мирзы.

12-е. Воскресенье. У обѣдни въ монастырѣ. Подъ вечеромъ ѣдемъ къ Эривани. Араратъ безоблачный возвышается до синевы во всей красѣ.

Ночь звѣздная на Гераклеевой горѣ. Генералъ сходитъ въ траншею. Выстрѣлы. Перепалка. Освѣщеніе крѣпости фальшфейеромъ.

13-*е*. Изъ Эривани скачу обратно въ Эчмядзинъ. Араратъ опять прекрасенъ. Жаръ подъ Эриванью, въ Эчмядзинѣ прохладно.

Съ этого дня жары отъ 43 до 45°; въ тѣни 37°. Въ 5-мъ часу подымается регулярно вѣтеръ и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е. Кто хочетъ истинно быть другомъ людей, долженъ сократить свои связи, какъ Адріанъ изрѣзалъ границы Римской Имперіи, чтобы лучше охранять ихъ.

Вотъ задачи моей жизни въ главной квартирѣ.

C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spéctateur. Celui qui ne pretend qu'observer n'observe rien, parcequ'etant inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agir les autres, qu'autant, qu'on agit soi-même, dans l'école du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre.

Поэтическій вечеръ въ галереѣ Эчмядзинской; въ окна свѣтитъ луна; Архіерей какъ тѣнь бродитъ. Извѣстіе о вырѣзанныхъ лорійскихъ жителяхъ съ 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е. Въ Эривань. Переправа черезъ Зангу. Обѣдъ у Красовскаго; споръ генераловъ о брешѣ. Посылаютъ Кольбелей-султана, чтобы способствовалъ Курганову къ выгону скота.

Каменисто, скверно, вечеромъ ужасные вѣтеръ и пыль.

Лагерь на Гарнычаѣ, тону въ рѣкѣ. Ночлегъ у Раевскаго. André Chénier.

20. Дневка. Являются съ покорностію племянникъ и сынъ Веліаги. Вечеромъ переносимъ лагерь на противуположный берегъ рѣки. Степь ожила при свѣтѣ огней. Мѣсяцъ. Араратъ. Ущелье Горнычая.

Кургановъ, ложное о немъ извѣстіе. Сакенъ въ моей палаткѣ.

21. Поутру извѣстія опровергаются. Обработанный край: куда не кинешь глазомъ, все деревни; яркая зелень у подошвы вѣчныхъ снѣговъ Арарата. Лагерь на Ведичаѣ, куда выгнанъ скотъ. Являются Асланъ-Султанъ и другіе. Кургановъ со скотомъ. Карапапахцы.

Чудесная ночь. Извѣстіе о непріятелѣ за Араксомъ.

22. Идемъ черезъ Девалу. Два аиста на мечетѣ стерегутъ опустѣлую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привалъ безъ воды. Генералъ по слуху о непріятелѣ, отправляется въ авангардъ. Прокламація Садакцамъ и Миллинцамъ. Садараки прекрасный ночлегъ.

23. Проходимъ версты 4 въ малое ущелье, какъ ворота Шарурскихъ горъ. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садовъ; хлѣба поспѣли, некому снимать. Но осенью видъ всего этого прескверный. Я бывалъ въ сентябрѣ,—все сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачаѣ.

24. Дневка. Термометръ до 47°. Пріѣздъ Карапапахцевъ, Мехметъ-аги, Гумбетъ-аги бамбахскаго и другихъ. Ночью не сплю. Рано, въ 3 часа поднимаемся.

25. День хорошо начатъ, избавляемъ деревенскихъ жителей отъ утѣсненія. Имъ платятъ на привалѣ по 6-ти реаловъ лишнихъ на быка; они благословляютъ непріятеля. Вообще, война самая человѣколюбивая.

На привалѣ отправленіе бумаги къ Красовскому. Раздача знамовъ, подарковъ. Я открываю лавку царскихъ милостей. Извѣстіе, что Шарульцы и Миллинцы гонятъ къ намъ скотъ. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Ѣду вдоль Аракса открывать непріятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; видъ недавняго бѣгства. Прекрасная деревня надъ Араксомъ, Хоки. Заѣзжаю въ авангардъ. Лагерь не доѣзжая до Хокъ. Тучи и дождь, потомъ луна всходитъ. Огни бивуакъ въ ночи производятъ дѣйствіе прекрасное.

26. Рано поднимаемся, жаръ ужасный. Разсказъ Аббасъ-Кули, что Елисаветпольское сраженіе дано на могилѣ поэта Низами.

8 верстъ отъ Нахичевани пригорокъ. Оттула пространный видъ къ Аббасъ-Абаду и за Араксъ. Видъ Нахичеванской долины, къ с.-в. Карабахскія горы, каменистыя, самаго чуднаго очертанія. Эйланъ-дакъ и двѣ другія, ей подобныя горы за Араксомъ, далѣе къ з. Араратъ. Самъ Нахичеванъ стоитъ на длинномъ возвышеніи, которое также отъ карабахскихъ горъ.

Вступленіе въ Нахичеванъ. Ханскій теремъ. Видъ оттудова изъ моей комнаты.

Непріятель оставилъ городъ накапунѣ. Въ Аббасъ-Абадѣ 4000 сарбазовъ и 500 конницы. Комендантъ смѣненъ.

Змѣиная гора въ увеличенномъ видѣ обожженный уродливый пень. Такія еще двѣ.

27, 28. Извѣстія о шахѣ отъ Мекти-Кули-Хана. Муравьевъ посланъ рекогносцировать крѣпость. Съ моего балкона слѣдую въ подзорную трубу за всѣми его движеніями.

29. Въ 4½ ч. кончаю почту, сѣдлаю лошадь и ѣду къ крѣпости, гдѣ 50 человѣкъ казаковъ въ ста саженяхъ отъ стѣнъ заманиваютъ непріятеля. Засада въ деревнѣ съ восточной стороны. Къ 10 часамъ сильная рекогносцировка—2 полка уланскихъ, 1 драгунскій, 2 казачьихъ, 22 конныхъ орудій обступаютъ крѣпость. Канонируютъ. Бенкендорфъ перебрасываетъ 2000 человѣкъ черезъ Араксъ, которые на противуположныхъ высотахъ гонятъ передъ собою непріятеля. Изъ крѣпости стрѣляютъ на переправу. Парламентеръ изъ крѣпости. Али-Наги сыновья Исмиль и Мустафа-ага переговариваются съ нами съ гласиса.

30. Пріѣздъ Іавера. Отпущенъ съ угрозами. Вечеромъ поѣздка къ Раевскому въ лагерь. Водопады.

Іюль 1-ое. Переносится лагерь къ крѣпости. Начало работъ не производится за недостаткомъ матеріаловъ.

(„Русское Слово" 1859, № 5).

ГИЛАНЬ.

Къ югу отъ нынѣшнихъ нашихъ границъ, къ востоку отъ Адербеджана, омываемая съ сѣвера моремъ и съ прочихъ сторонъ окруженная высокими, неудобопроходимыми горами, простирается приморская каспійская область Гилань. Она изобилуетъ шелкомъ и лѣсами всякого рода. Воздухъ въ ней, кромѣ высотъ, нездоровъ: сырость порождаетъ многія болѣзни, она даже проникаетъ въ закрытыя часовыя пружины и покрываетъ ихъ ржавчиной. Иные приписываютъ болѣзни и заразу воздуха изобильнымъ сорочинскимъ полямъ, другіе множеству растеній, которыми заглохла большая часть провинціи испаряющихъ, будто-бы, вредный запахъ. Въ политическомъ и торговомъ отношеніи этотъ край для насъ чрезвычайно важенъ. Народъ отдѣленъ отъ Персіи географическимъ положеніемъ, отмѣною въ нарѣчіи и даже окладомъ лица. Въ Энзелеѣ, близь столицы Рящь, удобный портъ, гдѣ прежде была наша контора и консульское пребываніе. Въ Гилань черезъ горы идутъ только три дороги и всѣ три трудныя, едва проходимыя: одна къ намъ на Ланкеранъ ущельемъ, другая изъ Ардебиля въ Астрабадъ, третья изъ Казбина, изъ Рубарь въ Рящь и эти обѣ тѣсныя, въ трущобахъ, заваленныхъ обломками утесовъ и черезъ которыя войско безъ сношеній благопріятныхъ въ самой землѣ, не проникнетъ. Фамилія Решти управляла также независимо въ Гиланп, какъ цари въ Грузіи, съ одинаковымъ титуломъ «Вали», признаннымъ нашими Государями. Я убѣдился частыми нашими сношеніями съ симъ краемъ по случаю вновь учреждаемаго консульства, что приверженность тамошнихъ жителей къ сему дому не исчезла. Родоначальникъ былъ Джемаль-Ханъ, сынъ Кемаль-Ханъ, внукъ Гедастъ-Ханъ, получившій отъ Императрицы Екатерины почетную саблю и чинъ генералъ-аншефа, въ то время какъ великая Государыня, извѣстная въ Персіи подъ именемъ Хуршид-Кюла, *вѣнчанное солнце*, подкрѣпляла права Муртеза-Кули-Хана на персидскій престолъ. Братъ его, дѣдъ нынѣшняго шаха, оже-

сточенный противъ правителя Гилани, убилъ его и лишилъ родъ его всякой власти хитростію и силою оружія. Съ тѣхъ поръ провинція сія въ безпрестанномъ волненіи: поборы, тиранства шахскихъ намѣстниковъ заставляли ее часто обращаться къ русской границѣ съ надеждою избавленія. Въ бытность мою въ Султанеѣ въ 1819 году жители Рящь взбунтовались противъ правителя ихъ, шахскаго евнуха, Хосровъ-Хана. Онъ былъ смѣненъ. Посланъ туда шахскій сынъ Риза-Мирза, который заставилъ вздыхать о своемъ предшественникѣ. И его смѣнили. Нынѣ тамъ другой сынъ шахскій Ягъча-Мирза, но поборы подъ управленіемъ главнаго шахскаго евнуха Ага-Манугеръ-Хана, брата нашего здѣсь въ Тифлисѣ переводчика Енаколопова (продолжаются). — Сынъ незабвеннаго въ Рящѣ Гедастъ-Хана называется Фетъ-Али-Ханъ, нынѣшній генералъ-губернаторъ, беглеръ-бекъ табризскій, воспитанъ при шахскомъ дворѣ; но онъ и два сына его и все его семейство привержены къ Россіи чрезвычайно. Я это испыталъ во время моего пребыванія въ Персіи. Это одинъ домъ, съ которымъ мы были точно дружны. Также чрезвычайный посолъ нашъ г. Ермоловъ почтилъ его искреннимъ уваженіемъ.—Если бы того требовала польза нашего правительства, Фетъ-Али-Ханъ, при первомъ ему тайномъ сообщеніи, тотчасъ-бы явился подъ наши знамена, и въ Гилани, принятый жителями, утвердилъ бы тамъ наше владычество. Но и сія область тогда только принесетъ истинную пользу, если будетъ управляема по своимъ обычаямъ, независимо отъ нашихъ министерствъ, такъ какъ, по трактатамъ Цыціанова съ ханами Шехинскимъ и Карабахскимъ, управлялись ихъ ханства до нынѣшняго ихъ преобразованія.

(„Русское Слово“ 1859. № 5).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

